ЦИФРАТОРИЙ
Степан Калиманов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На первый взгляд, Илон — обыкновенный человек. Живет в скромной квартире на окраине мегаполиса, работает в корпорации и развлекается в виаре по выходным. Однако у Илона есть тайная страсть, способная в одно мгновение изменить все: он обожает играть людскими судьбами, искусно, словно бог, скручивая разноцветные нити чужих жизней. А в такой тонкой и опасной игре всегда легко самому стать пешкой или даже оказаться в цифратории…

- Степан Кайманов
  - Глава 1. Инфа. Часть 1
  - Глава 1. Инфа. Часть 2
  - Глава 1. Инфа. Часть 3
  - Глава 1. Инфа. Часть 4
  - Глава 2. Цитадель. Часть 1
  - Глава 2. Цитадель. Часть 2
  - Глава 2. Цитадель. Часть 3
  - Глава 2. Цитадель. Часть 4
  - Глава 3. Чистота. Часть 1
  - Глава 3. Чистота. Часть 2
  - Глава 3. Чистота. Часть 3
  - Глава 4. Фьюжин. Часть 1
  - Глава 4. Фьюжин. Часть 2
  - Глава 5. Без кофеина. Часть 1
  - Глава 5. Без кофеина. Часть 2
  - Глава 5. Без кофеина. Часть 3
  - Глава 6. Сингулярность. Часть 1
  - Глава 6. Сингулярность. Часть 2
  - Глава 6. Сингулярность. Часть 3
  - Глава 6. Сингулярность. Часть 4
  - Глава 6. Сингулярность. Часть 5
  - Глава 7. Пульс. Часть 1
  - Глава 7. Пульс. Часть 2
  - Глава 7. Пульс. Часть 3
  - Глава 7. Пульс. Часть 4
  - Глава 7. Пульс. Часть 5
  - Глава 7. Пульс. Часть 6
  - Глава 7. Пульс. Часть 7
  - Глава 8. Молчание. Часть 1
  - Глава 8. Молчание. Часть 2

○ Глава 8. Молчание. Часть 3

Степан Кайманов
Цифраторий

Глава 1. Инфа. Часть 1

Он пытался освободиться изо всех сил.

Яростно рвался, раздирая горло, и судорожно дергался, выкручивая руки до боли. Бессмысленно, бесполезно. Тугие широкие ремни на шее, запястьях и лодыжках держали его надежнее, чем липкая паутина пойманную муху.

Тот неизвестный изверг — проклятый извращенец, который приволок его сюда, в эту странную белую комнату без углов, — тщательно подготовился. Но зачем?!!

Кому он мог понадобиться?

Кого он обидел, ранил настолько жестоко, что с ним решили сотворить такое?

Он не понимал. И к тому же ничего не помнил. Когда он разлепил тяжелые веки, то увидел лишь белый свет — настолько густой, что, казалось, его можно зачерпнуть ковшом, словно молоко. Свет заливал глаза до рези, заслоняя обзор, и… затекал в рот, заглушая крики о помощи. Или на самом деле это не свет, а ремень на горле душил любые звуки?.. Он точно не знал. В любом случае белый свет сейчас ему жестко мешал, обволакивая каждый атом пространства, — скрывая за своими непроницаемыми занавесками что-то таинственное и жуткое.

Он был абсолютно уверен в том, что где-то там, за плотной и белой пеленой, затаилось зло — дикое и безудержное зло, на которое только способен человек. И теперь оно просто ждало, наблюдало издалека, как затаившийся хищник на охоте. Но для чего?.. Ответа не было. Только отчаянье и страх.

Все, что он успел понять: кто-то притащил его в это место, похожее на операционную, раздел, положил спиной на длинный бледный стол и надежно привязал, чтобы… Чтобы сделать что? Причина была неизвестна. От нее холодело в груди, как и от всего вокруг.

Здесь ничем не пахло — совершенно бесцветный воздух; было не холодно и не жарко, не имелось окон и дверей, а из-за водопада света нельзя было увидеть, есть ли потолок. А еще тут стояла мертвая тишина, и он ясно слышал каждый стон, каждый стук беспокойного сердца.

— Помогите, эй, кто-нибудь, — прохрипел он в очередной раз, едва протолкнув несколько скудных звуков, и прислушался.

Тишина. Опять тишина, тяжелая и гнетущая. Все та же тишина, где слышен каждый его вздох. Он появился в ней и, возможно, останется тут навсегда.

Быть может, пытка и состояла в том, чтобы бросить его здесь,

беспомощного и напуганного до тошноты. Здесь — в гробовой тишине, наедине с самим собой… Он как-то слышал, что инфоманов лечат именно так: блокируют корневой чип, отсекая возможность получать любые данные из внешнего мира, и запирают в глухой и белой комнате на несколько месяцев. Но ведь он — не безумный инфоман и никогда им… Острый укол в живот рассек цепочку мыслей, накатывая слезы.

Он взвизгнул от резкой, невыносимой боли, но зажатый ремнем взвизг ушел в голову, разламывая ее на части. Изнутри его начало жечь, словно он наглотался раскаленных углей; живот запульсировал, пугающе вздулся и, казалось, лопнет с минуты на минуты.

Тело мгновенно покрылось испариной. Он опустил помутневший взор и в ужасе увидел тонкий и аккуратный, будто рассеченный скальпелем, алый крест на раздутом брюхе. Это был не его живот! На его подтянутом животе уже давно проступали кубики пресса. А это…

Красные брызги на белом фоне. Он затрясся от несмолкающей боли, беспомощности и ужаса, начиная захлебываться кровью и теряя рассудок. Ему не хотелось верить своим глазам, но он видел и — самое мерзкое! — чувствовал, как под кожей во вспученном брюхе что-то шевелится, будто внутренности ожили и пытаются выползти наружу.

Он больше не старался вырваться. Теперь он желал просто сдохнуть. Особенно когда боль накрыла его новой волной, прорезая, кромсая слабое и мягкое тело сотней острых лезвий.

На животе его распустился бело-красный цветок, выпуская на волю нечто. Из вспоротого брюха вытянулись руки со сложенными ладонями и, изгибаясь, словно облезлые лебединые шеи, уперлись в стол. А следом за ними показалось грязное от слизи мужское лицо, где сияла злая, белозубая и… знакомая улыбка. Его собственная улыбка.

К счастью, в этот момент он наконец-то лишился чувств, сбегая от боли и ужаса, и с радостью окунулся в бездонную тьму, чтобы проснуться.

* * *

— Опять кошмар?..

Слова будто вязли в незримой трясине, звучали приглушенно и отрывисто; казалось, их источник находится под водой, выбрасывая звуки вместе с огромными пузырями. Какая-то часть сознания все еще оставалась в том жутком месте — застряла,

постепенно перетекая из сумерек снов в реальность. Поэтому потрясенный ночным кошмаром Илон не сразу сообразил, что обращались к нему, да и суть вопроса понял только сейчас, спустя несколько секунд после пробуждения.

Он моргнул и вымученно улыбнулся, разглядывая круглое и сосредоточенно-грустное лицо Мэй; в ее черных раскосых глазах подрагивал огонек солнца.

За панорамным окном разгорался летний день; в комнате было тепло, светло, свежо и по-настоящему тихо. Ни соседской ругани, ни воя ветра, ни гула аэрокаров, ни спама из нейроса. Полная изоляция — лучше не бывает. Представитель строительной фирмы «Тао и сыновья», обещая абсолютную тишину и запуская стройботов в квартиру, не соврал. Надо же… Интересно, сколько инфоблокада продержится до того, как в голове опять начнут звучать голоса назойливых менеджеров, предлагающих купить андроида, тур на Марс или оформить подписку на новый сезон Цивы, а затем и их снова придется глушить в ручном режиме?..

Они лежали на кровати и просто молча глядели друг на друга. Мэй все еще смотрела на него с сочувствием. А Илон улыбался ей в ответ, потому что кошмар отступал, растворяясь в свете наступившего дня. Жуткие воспоминания, проведенные в белой комнате, терялись в темных закоулках разума; грязное от крови и слизи лицо человека из сна постепенно исчезало из памяти, оборачиваясь еще одной серой могилой на широком и частном кладбище ночных кошмаров.

Мэй была красива. Ее шелковистая кожа с легким загаром, ее густые темные волосы, поблескивающие на солнце. Ямочки на щеках, нежный голос и пухлые розовые губы.

На днях он узнал, что ее имя означает «слива». Сперва ухмыльнулся, а потом подумал, что Мэй — самая прекрасная и сладкая слива, которую ему приходилось видеть, щупать и пробовать на вкус. Хорошо, что она сейчас находилась рядом, обогревая его теплом своего присутствия.

— Что тебе снилось?

— Не помню, — отмахнулся Илон, впервые после пробуждения оторвав от нее взгляд.

— Врунишка, — она улыбнулась и коснулась указательным пальцем кончика его носа. — А что говорит психолог?

— Я же тебе уже объяснял. Мол, это мое истинное «я» рвется наружу через подсознание и все такое, — Илон задумался. — Возможно, он прав. Нет, я даже уверен, что он прав. Но для этого совсем необязательно было к нему летать. Мне и так известно, что со мной.

— А он предложил какое-нибудь лечение?

— Как будто ты их не знаешь. У них всегда два решения: виар или шэллтерапия. Но, как ты уже успела заметить, первое мне помогло не особо. А со вторым… Над этим я еще думаю. И… работаю.

— Ты снова к нему пойдешь, к своему психологу… как его там?

— Шварц. Нет, — Илон поморщился. — Напрасная трата лайков. Лучше бы отложил их для цифратория. Мне кажется, если Эдвард победит на предстоящих выборах, то это избавит меня от кошмаров.

— Сколько еще?

— Месяц. До выборов месяц.

— Надеюсь, у тебя все получится.

Поддержка — именно то, что ему сейчас было необходимо. Не психолог-мозгоправ, не погружение в виар или шэллтерапия, а несколько ободряющих и ласковых слов, произнесенных близким человеком. Поэтому Мэй невозможно было не любить. С ней рядом как будто вечно сияло лето — теплый солнечный день, пронизанный тонкой ленточкой ветерка для свежести и прохлады. Она всегда подбирала нужные слова, всегда находилась рядом, когда он в ней особенно нуждался, и всегда чувствовала, чего он хочет. Зоя, его бывшая, — эта рыжая бестия — сейчас бы… А еще Мэй напоминала ему маму — не ту Ма, чей назойливый голос постоянно гудел в голове, а настоящую маму, от которой он когда-то сбежал, чтобы покорить город, а потом и весь мир.

Илон задумался. Что бы по этому поводу сказал этот придурок Шварц? Вас подсознательно тянет к Мэй, потому что вы видите в ней свою мать, перед которой испытываете вину и которой вам не хватает. И это было чистой правдой. Мэй тоже была невысокого роста, соблазнительно пухленькой, с черными волосами до плеч, часто улыбалась и… Какое счастье, что они никогда не говорил о ней!

— Ты — чудо, — Илон провел ладонью по ее обнаженному плечу и поцеловал в щеку.

В этот момент в его голове прозвучал знакомый женский голос с легким механическим отзвуком:

Доброе утро, Илон. Аэрокар прибудет через тридцать минут.

— Доброе утро, Ма. — Ему нравилось общаться с корешком как с живым человеком, будто Ма стояла перед ним, а не была всего лишь нейронной паутинкой, заключенной в крошечное ядро микрочипа. — Уже собираюсь.

Он перебрался на край кровати, свесил ноги, купаясь в лучах

утреннего света, и грубо провел ладонью по лицу, желая окончательно прогнать тень дурного сна. За панорамным окном простиралось голубое небо в бело-желтых пятнах облаков, где-то за ними пряталось солнце.

Взгляд упал на прикроватный столик, где в бледном, чуть мятом стакане, наполненном угольно-черной, ноздреватой землей прорастал генокот. Мэй давно думала о зверьке. И три дня назад они купили семечко. С тридцатипроцентной скидкой.

На самом деле, если бы пришлось выбирать, Илон предпочел бы пса, небольшого, с длинными ушами, — что-то вроде бигля или спаниеля. В детстве у него была собака — добродушный пес по имени Бадди. Он смешно бегал вокруг него на коротких лапах, потряхивая ушами, и старательно вылизывал ему ладони, словно они были сахарными… Кошек Илон не любил никогда, и они отвечали ему взаимностью. Среди них он провел полжизни и не раз прибегал к матери с исцарапанными руками, чтобы она обработала раны. Но то были настоящие кошки — ловко прыгающие по деревьям, крадущие еду со стола, дико орущие по ночам и дурно пахнущие. Котенок из стакана должен был вырасти иным — ласковым, тихим, душистым и размером не больше яблока. В этом их всеми возможными способами пытался убедить продавец — веселый и лысый мужчина лет сорока: «О, нет, нет! Что вы?!! — восклицал он, мастерски успевая вставлять лучезарные улыбки между словами. — Никакого неприятного запаха, никакой линьки… Есть рыжие, черные, серые, лиловые, красные и зеленые. На любой вкус и почти даром».

Конечно же, естественный для кошек окрас Мэй отмела сразу, остановившись на зеленом с серебристыми полосками. На голограмме он и вправду смотрелся мило. Илон не стал спорить и заявлять, что таких котов не существует в природе, зная о страсти Мэй к ярким, вызывающим краскам и их бесчисленным оттенкам.

До встречи с ней он предпочитал носить строгую, неброскую одежду стального или черного цвета, а по праздникам что-нибудь серо-голубое. Теперь вся его одежда выглядела так, словно сбежала из гардероба безумного клоуна. На ней все время что-то шевелилось или клокотало: веселые оживающие аппликации на футболке или рубашке, сандалии со звуком цокота лошадиных копыт… Однако он и подумать не мог, что со временем не только привыкнет к странному гардеробу, но и начнет находить его удобным и забавным. Новая одежда делала его раскованным. Она нигде не натирала, в ней он почти не потел и чувствовал себя свободно, как белый парус, раздуваемый ветром.

За три дня генокот из семечка превратился в розовый комочек. Глазки еще не открылись, кожа не обросла шерсткой,

даже не покрылась пушком, но уже сейчас можно было разглядеть мордочку, лапки и хвостик. Зародыш лежал на темной бархатистой поверхности стакана, свернувшись клубочком, и еле заметно подрагивал в полупрозрачной маслянистой пленке.

Илон сонно поднялся и побрел в душ, чувствуя на себе осуждающий взгляд Мэй. Она не разделяла его увлечение, его страсть — ревновала, но всегда отпускала и ждала. Зоя все время попрекала его по сущим пустякам, включая его непонятную и совершенно бесполезную деятельность в стенах Цитадели. Хотя, если подумать, он работал в ней совсем немного: три неполных дня в неделю, с утра до обеда, если не происходило ничего экстраординарного. И, кого он обманывает, работал бы больше, если бы Совет ему позволил. Но, увы, в Лост Арке он был не единственным человеком, желающим потрудиться на всеобщее благо. С другой стороны, Мэй тоже можно было понять: вместо того, чтобы проводить с ней все свободное время, он трижды в неделю садился в аэрокар и, вспенивая облака, летел неизвестно зачем.

С этой мыслью Илон закрылся в душевой кабинке и уткнулся в зеркало, откуда на него глядел невысокий, крепкий и загорелый мужчина лет тридцати, с чуть раскосыми темно-серыми глазами.

Илон посмотрел на небритое отражение, после чего пошлепал себя по накачанному животу, вспоминания сон. На животе не было ни шрамов, ни ссадин — ничего подобного.

Это был худший из кошмаров, — подумал он.

Связаться с мистером Шварцем? — встревожилась заботливая Ма.

Не-а.

Илон взял тюбик и обнаружил, что наноидов в нем осталось на донышке. Кружок индикатора горел бледно-розовым — еще одна порция, и тюбик испарится — исчезнет бесследно, как по волшебству.

— Мэй, у нас вошиды закончились.

Она что-то сказала, но Илон не разобрал ни слова из-за шелеста воды. Теплые ручейки приятно бежали по телу, смывая следы ночных кошмаров и унося их с собой маленькую темную лунку в полу.

Илон выдавил остатки вошидов на макушку, на подбородок и положил тюбик на полку перед собой. Красный маркер ярко вспыхнул и угас. Тюбик беззвучно смялся, голубые буквы и цифры на нем побледнели: «Короткая стрижка. Чистое лицо. Белые зубы. Три в одном. Шамп…». Слов уже было не прочесть, они блекли с каждой секундой, тогда как волосы и щетина покрывались густой белой пеной, где копошились невидимые для человеческого глаза

трудолюбивые жучки. Тысячи проворных жучков, барахтаясь в пышной пене, мыли, стригли и брили неуклюжее и огромное существо, перебирая микроскопическими лапками. Именно такими Илон представлял наноидов в детстве. И с тех пор ничего не изменилось.

Биомат тюбика истончался, покрываясь дырами и пузырями, словно сгорал в незримом пламени. И, глядя на него и слушая шум воды, Илон вдруг вспомнил, как впервые выдавил себе на голову вошидов. Это было пятнадцать лет назад, и в то время наноиды еще немного кололись и жгли, особенно, если забирались в нос или в уши.

Он только что сбежал из Гринвуда и совершенно не представлял, куда податься. Смертельно напуганный, чумазый и голодный зверек на границе двух миров…

Но ему повезло: его приютили добрые люди на окраине Лост Арка. Макс и Вен — так их звали. Угрюмый сгорбленный старик с заостренной желтоватой бородкой и веселая худая старушка с седыми и тонкими, как паутина, волосами. Они на время дали ему кров, где он впервые принял душ с наноидами. То еще было представление, когда он выскочил из ванной комнаты как ошпаренный, хватаясь за нос и уши, куда будто залетел рой кусачих букашек.

Илон усмехнулся. На мгновение ему даже показалось, что его вновь дергают за волосы невидимые мелкие жуки. Но это была всего лишь иллюзия, оживленная воспоминаниями.

Интересно, что с ними стало? Где они дожили свои последние дни? — задумался Илон.

Осуществить поиск? — отозвалась Ма.

Но Илон покачал головой. После того, как ему поставили корневой чип, сделав полноправным городским жителем, он несколько раз их навещал. А потом… Потом Лост Арк поглотил его безвозвратно, как и старый дом Макса и Вен на окраине. Город расширялся — расползался во все стороны бетоном и сталью от океана до океана, прорастал до самого земного ядра и поднимался до небес, безжалостно разгоняя мирные облака, словно стаю белых птиц.

Макс и Вен иногда являлись ему во снах. Спрашивали, как он устроился, чем теперь занимается и есть ли у него девушка? И он всегда с радостью им отвечал. Это были приятные, теплые сны. В последнее время такие сны приходили все реже.

Пена на лице и макушке стаяла, сделалась призрачной, а спустя миг и вовсе исчезла. Илон посмотрел в зеркало и подмигнул отражению. После знакомства с Мэй он теперь всегда стригся коротко, потому что ему безумно нравилось, как она

ерошит ежик его темных волос. То, что он видел в зеркале, его радовало. Ах, если бы не кошмары… Ах, если бы ему тогда удалось достать дозу дизэмпатика, чтобы обмануть чуткий ИИ…

Тугой поток воздуха загудел и ударил сверху, обсушивая влажное тело.

Илон вышел из-под душа и, стараясь не смотреть на Мэй, спешно натянул белую футболку с желтым смайликом на груди и короткие джинсовые шорты. После чего сунул босые ноги в шлепанцы апельсинного цвета.

Аэрокар прибудет через пятнадцать минут, — напомнила Ма.

Старательно уклоняясь от острого и обжигающего взгляда Мэй, Илон прошел на кухню, которая служила еще и мастерской. Мэй писала картины — используя голограф, виар, телестены и даже… настоящие холсты и всамделишные кисти с красками. Собственно, так они и познакомились, благодаря холстам, кистям и краскам, когда она затаривалась ими у Капюшона.

— Твой завтрак готов, — уведомила Айзи.

— Спасибо, — поблагодарил он андроида, тоскливо взирая на две зеленые булочки и кружку остывающего кофе.

— Хочу заметить, что кофе заканчивается. Сделать запрос на доставку?

— Ни в коем случае! — ответил Илон.

Еще не хватало, чтобы он пил эту шнягу. Нет, он купит кофе сам — и для этого не пойдет в магазин, не воспользуется доставкой. И это будет настоящий кофе — горький, ароматный, из перемолотых зерен, а не химоза, созданная непонятно из чего. Он знает, где его достать. Пусть даже не совсем законно, пусть даже настоящий кофе стоит в десять раз дороже того, что разносят дроны-доставщики.

Назначить встречу Капюшону? — осведомилась Ма, улавливая его мысли.

Он кивнул и с недовольным видом поднял булку. Вздохнул, краем глаза заметив скованные движения Айзи. Она двигалась рывками, совсем не по-человечески, как бы комично это ни звучало по отношению к андроиду.

— Что с тобой? — спросил Илон.

— Со мной в-се хо-ро-шо… За-пус-каю… ди-а-г…

Она не договорила и замерла, безвольно свесив руки и неестественно склонив голову на бок. Илон давно уже относился к ней как к члену семьи, часто забывая о том, что она все-таки машина — игрушка, купленная во времена глубокого одиночества, безмерной печали и крушения надежд. В период жуткой депрессии, когда весь мир казался серым, хотелось лезть на стены и напиваться до потери пульса. Тогда его бросила Зоя и,

что самое страшное, он в третий раз провалил этический тест, то есть не имел больше возможности войти в Совет. Никогда.

Его мечта, его заветная мечта космическим кораблем налетела на огромную планету. И планета выстояла, покрыв толстые слоем пыли разбитое тело корабля. ИИ… Бездушный ИИ — безупречный экзаменатор, которого, к сожалению, нельзя было ни обхитрить, ни подкупить, ни запугать. Он в очередной раз одержал верх над изворотливым человеческим разумом. И кто-то после этого еще будет утверждать, что ИИ не опасен и все под контролем? Разве он не похоронил его мечту? Разве не навредил?..

Глава 1. Инфа. Часть 2

Сегодня, сейчас, в этот солнечный летний день, Айзи взбаламутила не самые приятные воспоминания. И заодно напомнила ему о том, что она всего лишь набор микросхем и проводов, заключенный в оболочку обворожительной рыжеволосой женщины, а не человек. Ибо то, что замерло в центре скромной кухни, в окружении ярких картин, совсем не походило на человека. Оно походило на куклу, на манекена, на нечто, застывшее в странной, слегка пугающей позе.

— Мэй, с Айзи что-то не так, — сказал Илон, не поворачиваясь. — Отвезешь ее в сервисный центр?

— Не проще вызвать мастера?

Голос ее подобрел. Она не умела злиться долго.

— Хочу, чтобы ты развеялась, пока меня не будет дома. И… купи вошидов.

— Хорошо. Может, она разрядилась?

Илон указательным пальцем поднял локон со лба застывшего андроида, чтобы взглянуть на широкую, от виска до виска, полоску индикатора; его непременного наличия, его визуализации требовал закон.

Андроиды должны отличаться от людей, их нахождение без визуализации влечет административное наказание, — напомнила Ма, как будто ее об этом просили.

Естественно, первое, что сделал Илон, как и любой другой нормальный человек, только что купивший андроида, — заклеил индикатор куском длинного пластыря телесного цвета, чтобы Айзи ничем не отличалась от людей. А первое, что сделала Мэй, когда появилась в его квартире, — сорвала пластырь, подобрала идеальный оттенок и замазала индикатор так искусно, что никто бы не заметил подвоха. Поэтому пришлось соскоблить ногтем толстый слой застывшей краски, чтобы увидеть зеленый огонек под ним и убедиться, что причина поломки Айзи была вовсе не в разряженной батарее.

— Горит зеленым. С ней что-то другое, — сообщил Илон. — Когда ее повезешь, не забудь удалить краску с индикатора. А то я уже на работу опаздываю.

Илон вздохнул. Пока он разбирался с бедной Айзи, кофе совсем остыл. А остывший кофе — все равно что талое мороженое. Вкус есть, а кайфа — нет.

Он откусил булку, чувствуя на языке солоноватые водоросли, и рис, как обычно, сваренный в кашу, и кисло-сладкий соус, слегка скрашивающий это совершенно бездарное блюдо…

Илон проглотил булку почти не жуя, чтобы поскорее перейти к кофе. Сделал несколько крупных глотков, не без удовольствия смывая след кислятины, а затем смакуя горько-сладкий вкус бодрящего темного напитка. После чего обвел взглядом голографические картины и просто картины. Ему хотелось хоть как-то подбодрить Мэй за то, что она терпит его таким, каков он есть. Но для него все полотна были совершенно одинаковыми: бессвязные геометрические и разноцветные фигуры, висевшие в воздухе и застывшие на холстах. Он не смог определить, какую из них Мэй еще не завершила, чтобы брякнуть что-нибудь в духе «твоя новая работа мне очень нравится»; все они казались ему законченными и незаконченными одновременно. Поэтому, чтобы не ошибиться и не играть понапрасну с огнем, который все еще нежился в кровати под тонким покрывалом, он банально спросил:

— Тебе что-нибудь нужно? — И чуть позже добавил. — Я сгоняю к Капюшону. Кофе закончился.

— Нет, ничего, — ответила Мэй. — Просто хочу, чтобы ты остался со мной.

Илон не видел ее лица, но представил, как сейчас надулись ее щеки.

— Бро! — произнес он громко, призывая старого, немного глуховатого дрона.

Бро, похожий на черную медузу, медленно поднялся с круглого диска подзарядки и завис напротив хозяина, шевеля пятью лапками-косичками. На темном дисплее дрона под резкие восьмибитные звуки проступили светлые квадратные глаза, под ними из крупных разноцветных пикселей выстроилась добрая улыбка. Бро моргнул и застыл, ожидая приказов; только ручки-косички покачивались в воздухе.

Аэрокар прибыл, — сообщила Ма.

Илон повернулся и тут же попал под хитрый, игривый и горящий взгляд. О, Илону хорошо был знаком этот взгляд — словно невидимая рука нежно провела по ершику волос. Поэтому он поспешил как можно скорее уйти от коварной атаки. Прилетел аэрокар, и чарующий взгляд Мэй был очень некстати.

— Уверен, что тебе действительно нужно на работу? — обворожительно улыбнулась она, опуская покрывало чуть ниже плеча.

Это был запрещенный прием. Илон демонстративно закрыл глаза, пробираясь на ощупь к панорамному окну. Шлепанцы в темноте вдруг стали цепляться один за другой и разъезжаться, словно на льду. Он слегка ударился коленом об угол кровати и чуть приоткрыл веки, глядя на повисший за окном сребристый аэрокар, на струи голубого огня, бьющие из-под днища, на

красные мигающие сигнальные огни.

Открыть окно? — спросила Ма.

— Да, — торопливо ответил Илон и, не поворачиваясь к Мэй, помахал ей ладонью. — Я люблю тебя.

На щеках смайлика проступил румянец, по сетчатой поверхности футболки веером рассыпались алые сердечки.

— Я тебя тоже, — прозвучал позади грустный голос Мэй.

Оконные створки с тихим шорохом сложились в короткий прозрачный рукав, ведущий к поднятой дверце аэрокара.

— Не забудь полить кота, — напомнил Илон и радостно шагнул в небо.

Дверца аэрокара мягко опустилась; за окном понеслись облака.

От резвого старта Илона немного тряхнуло, он ругнулся, опускаясь на боковое сиденье. По левую руку от него лежал огромный круглый шлем — неказистый, утыканный усиками-антеннами, словно попавший в настоящие дни из какого-нибудь музея астронавтики. По правую руку уже сидел Бро, свесив лапки и пуская одиночные резкие звуки: «Пип-пип-пип».

Мы войдем в зону инфоштормa через пять минут, — предупредила Ма и сообщила: — *Вы набрали в Инвайте тридцать лайков. Перевести их на счет?*

— Нет, — ответил Илон, прикидывая, сколько всего лайков у него скопилось.

Пятьсот одиннадцать, — отрапортовала Ма. — *Из них четыреста семьдесят шесть…*

— Знаю. И мне не нужен корешок или андроид, чтобы посчитать до пяти сотен. Иногда ты бываешь такой занудной, что мне хочется вырвать тебя из своей головы.

Удаление корневого чипа является уголовным преступлением…

— Хватит! Замолчи! — начал закипать Илон.

Под волной гнева смайлик на футболке мгновенно превратился в дьяволенка и стал пускать из трезубца желтые огоньки. Они ползли по груди и катались по плечам, бросая отблески на стекло и металл.

— Почему вас не научили понимать шутки? — остывая, спросил Илон. — Даже не думай отвечать на этот вопрос, а то отправлю в спячку, — сразу предупредил он, погрозив пальцем пустоте.

Фото семечка генокота пользовалось неслыханным успехом в социальных сетях и за три дня набрало почти пятьсот лайков; какой-то чудак отсыпал сразу полсотни. Невиданный успех для странички, обновляемой от случая к случаю.

Жаль, Мэй не любила светиться в кадре, будто скрывалась от

кого-то, — подумал Илон. — *Если бы она только… Количество лайков…*

Осуществить поиск информации о Мэй Ли?

Сколько раз мне еще придется тебя предупреждать? — вспылил Илон. — *Я не хочу копаться в ее прошлом, и она не хочет, чтобы я в нем рылся! Она сбежала из Гринвуда, как и я. Мне этого достаточно. Ты…* — он решил прервать диалог, чтобы избежать нудной лекции о жизни в Гринвуде.

Но только Ма угомонилась, как в голову с шумом и треском — напором! — ударили голоса: «Вы предлагаете вернуть Закон первенца? Да вы с ума сошли?!!», «Цена с начала года на говядину повысилась на три процента…», «Инфопаты существуют…», «И что в таком случае делать с бомбами в Гринвуде?..», «Полный фьюжин невозможен?», «Взгляните на Красную планету своими глазами…», «Популярный блогер Адам Ху, известный в нейросе под ником Киборг, решил уйти в виар на один год. Фанаты просят его не покидать…», «Сегодня ночью реалфаны разгромили еще один виар-приют…», «Райское наслаждение — самые горячие андроиды в…», «А я говорю, инфоинжекторы полностью безопасны…»

Руки лихорадочно схватили шлем и водрузили его на голову, которая уже начала гудеть и клокотать от новостного и рекламного спама нейроса. Аэрокар летел слишком высоко и далеко от жилого сектора, глушилки, установленные в домах, сюда не доставали, а ежедневные прошивки корневого чипа не поспевали за прогрессом.

Мы находимся внутри инфошторма, — очень своевременно предупредила Ма.

Илон недовольно поморщился. Он смотрел на свое неясное отражение в стекле напротив и понимал, что выглядит глупо и смешно. Из-за круглой бандуры на голове и торчащих из нее усиков отражение напоминало большого жука. Зато было тихо, как в вакууме.

Понедельник начинался с дичи. С ночного кошмара, заставляющего сердце замирать. С розового индикатора на пустом тюбике вошидов. С вдруг вышедшей из строя Айзи… А, ну да — еще был остывший кофе, которого к тому же осталось на чайную ложечку.

Илон вздохнул. Он бы нисколько не удивился, если бы сейчас ему пришло сообщение об увольнении или двигатель аэрокара заглох прямо над океаном. Потому что неприятности, беды, проблемы, как бы они ни назывались, не бродят в одиночестве. Они, как звери, как гиены, любят сбиваться в стаи и нападать всем скопом. Чтобы довести жертву до полного отчаяния. В этом

он убеждался не раз.

— Сколько мы уже летим? — забеспокоился Илон и пристегнул ремни безопасности, представляя, как глохнет движок аэрокара, и они вместе с Бро кувыркаются в стальном коконе машины, падая в океан.

Время полета пятнадцать минут тридцать шесть секунд.

— Когда только эти ботаники наконец научатся телепортировать органику, — с сожалением произнес Илон. — Тратить целый час на то, чтобы попасть из одной точки мира в другую…

Согласно последним исследованиям в области телепортации…

— Ма.

Да, Илон?

— Заткнись, — спокойно сказал он, чтобы вновь не потревожить круглый и желтый, как цыпленок, смайлик на футболке. — Еще одно слово, и отправлю тебя в спящий режим.

Зона инфошторма пройдена, — оповестила Ма.

И Илон с удовольствием снял шлем, проведя ладонью по влажным и слипшимся от пота волосам.

Поговаривали, что грейвхэды могут глушить не только спам из нейроса, но и воспоминания, и даже рассудок. Илон слухам не верил, но старался использовать чудо-шлем только в случае крайней необходимости. Иного способа безболезненно пересекать инфошторм он не знал. Конечно, всегда можно было установить дополнительный модуль-глушилку на корневой чип или, как говорили киберхирурги, нарастить сорнячок на корешок. Но Илон не желал превращать собственную голову в свалку. Пятнадцать лет, проведенные в Гринвуде, пусть и не в самом суровом секторе, все-таки не прошли для него даром.

Уровень глюкозы в организме понижен. Рекомендую…

— Стейк! Рекомендуй мне стейк! — прервал ее Илон. — Огромный розоватый стейк, посыпанный солью и перцем, с розмарином и тимьяном. Копченые свиные ребрышки, от которых пахнет дымком. У-мм, или запеченная с чесноком золотистая курочка, — раззадорил он собственный аппетит.

Смайлик на груди облизнулся и потешно зашлепал губами…

Единственное, что не хватало Илону в Лост Арке, — нормальной человеческой пищи. Нет, еды было в достатке. Она позволяла не умереть от голода, содержала весь спектр необходимых витаминов, но… Но, как известно, все, что до «но» — дерьмо.

Илон тоскливо опустил взгляд, зная, над чем сейчас плывет его аэрокар, — над бесконечными аквафермами, где как раз и выращивали эту самую еду. Водоросли, рис и рыбу. Рыбу со

вкусом курятины, рыбу со вкусом говядины, рыбу со вкусом рыбы. Тысячи и тысячи ячеек, похожих на соты, качались на воде, а над ними днем и ночью кружили роем дроны и андроиды, чтобы у каждого городского жителя был завтрак, обед и ужин. Широкая и черная полоса волногасителей, которую можно было разглядеть даже из космоса, все дальше и дальше продвигалась в глубь океана, с каждым днем покоряя, завоевывая его, словно закованный в темный доспех строй великой армии.

Илон погладил медузообразное тельце Бро и прикрыл глаза, слушая, как ворчит собственный желудок, растревоженный фантазиями о золотистой курочке, копченых свиных ребрышках и розоватом стейке.

* * *

В детстве мать часто учила ее, как правильно разделывать мясо.

«Анна, смотри, оно еще дубовое, — строго говорила она, постукивая костяшками пальцев по замороженному красному ломтю. — Дай ему полежать минут тридцать, пусть подышит, пусть пропитается влагой», «Нет, не так! Поперек волокон, чтобы оно не потеряло сочность», «Господи, этим только масло на хлеб мазать!» — серчала она, меняя аккуратненький ножичек с коротким лезвием на острый, длинный и страшный ножище. «Делай куски побольше, а то высохнет на огне», «Режь его на доске, чтобы не скользило!».

Ее пугал и тяжелый блестящий нож, и громкие упреки матери, и то, что она сделает что-то не так — ошибется. Но больше всего она боялась самого мяса. Вида крови, которую почему-то все называли соком. И отвратительного запаха — запаха смерти. В детстве ей было жалко и курочек, и хрюшек. Она любила каждую зверушку, и ей не хотелось резать их мертвые тела, чтобы потом, отвратительно чавкая и обливаясь теплым жиром, слопать, как дикий и голодный зверь. Со временем она стала менее сентиментальной, как и любая женщина из Гринвуда, теперь у нее у самой появились дети, прелестные мальчик и девочка. Но она по-прежнему ненавидела разделывать мясо.

Однако в последний месяц что-то изменилось. Привычный мир будто раскололся надвое, и в каждом из них она ощущала себя неуютно, как в новом, необжитом доме. В одном мире она все еще оставалась собой — худой и хромой женщиной — серой мышью, которую никто не замечал; ей было так тяжко находиться в нем, бурлящая пучина домашних забот заставляла хромую ногу

ныть, выматывала, выпивала остатки сил, словно прожорливый демон-мучитель. В другом мире… В нем было одиноко, но зато спокойно и тихо, да и боль из ноги уходила. А еще… там звучали странные голоса. Они шептали ей что-то, она внимательно вслушивалась в них, но не могла разобрать ни слова, хотя и очень хотела понять, о чем они говорят. Нет-нет, они были не злыми — как не бывает злым ветер, шелестящий желтеющей листвой по осени. Они были просто другими. Иногда она задерживалась там, в сумраке, среди голосов, но видела радостные лица детей и возвращалась в привычный мир — мир измора и боли. А затем все повторялось. И уже несколько недель она перемещалась между этими мирами. Ей казалось, что она словно неторопливо бродит по узкому сумрачному коридору между двух зеркальных стен.

Она не могла этого объяснить, ее это страшно пугало; она даже обратилась к местному доктору, но тот списал все на усталость, выдал ей горькие таблетки, от которых пересыхало в горле, и тонко намекнул, что следует искать психолога — желательно в Лост Арке. Он не рискнул сказать ей прямо, а лишь тихо промямлил, будто в пустоту: «Говорят, в городе есть хорошие психологи… Это я так, к слову. Не подумайте ничего такого». Тогда она обо всем рассказала мужу, но он лишь с грустным и сочувствующим взглядом покачал головой, ничего не желая слышать о городе.

Ей все чаще чудилось, что она умерла, и лишь ее скорбная, безмолвная и растрепанная тень ползает по дому, а совсем другая женщина обнимает ее детей и целует мужа. Будто кто-то дунул своим темным и ледяным дыханием и притушил все ее чувства, как восковые свечи. Сердце ее теперь почти всегда билось ровно, она выдавливала из себя лживые улыбки, а смеяться ей вообще не хотелось; даже любимые взбитые сливки с клубникой ее больше не радовали. Она не могла найти причину, ведь у них был хороший и просторный дом, дети росли умными и здоровыми, муж заботился о них, а ей…

Ей хотелось чего-то другого, и она не могла понять, чего именно. Иногда ее внезапно одолевал необъяснимый гнев, она вспыхивали без причины — по сущим пустякам. Неделю назад…. сорвалась — ударила сына и выбросила его игрушку. Бедный Егор… Он так плакал, утирая своей маленькой ладошкой слезы со щек. Но ведь она предупреждала его, чтобы он не играл на этом проклятом музыкальном синтезаторе. Несколько раз предупреждала….

Нет-нет, его ударила не она, потому что она бы никогда не посмела ему навредить. Это была тьма. Все дело было в ней. Кто-

то злой поселился в ее голове — похожий на сгусток черноты. Он причинял ей боль, рос внутри нее, проникая в легкие, в сердце, в живот своими острыми, как иглы, щупальцами и заставлял делать ужасные вещи. Она хотела рассказать об этом доктору или… мужу. Но не решилась. Потому что они наверняка сочли бы ее сумасшедшей…

Такой позор. Быть может, она действительно просто вымоталась? И однажды утром, отдохнувшая и цветущая, она проснется в своей теплой постели, и все станет как прежде. Стоит лишь немного потерпеть, переждать — перебороть боль и тоску. А пока…

Она глядела на толстый и широкий шмат говяжьей вырезки на деревянной разделочной доске и совершенно ничего не ощущала. Розоватая влага текла ручейками из-под куска, острый нож легко и уверенно скользил по красной мякоти, отделяя один шматок от другого, а мясо… пахло мясом. Аромат смерти больше ее не пугал. Он даже казался ей очень тонким, свежим и приятным, и она слегка огорчалась, что его перебивает запах намокшего от крови дерева.

Ей нравилось, как аккуратно и умело она разделывает эту вырезку, будто опытный мясник — поперек волокон, ровными кусками, один к одному. И ей нравился мягкий звук, с которым расходится прохладная плоть, словно толстая, натянутая и податливая ткань в раскрытом клюве ножниц.

Было тихо; сквозь кухонное окно лился нежный солнечный свет, заставляя нож блестеть начищенным серебром. Она была почти счастлива, когда в ее новый мир покоя ворвался долгий и грубый звук — так гудели автомобили в старых фильмах. За этим звуком пришли другие и заполонили все пространство кухни. Один переливался колокольчиками, другой походил на бренчание струн, третий, глухой, но тоже противный, как и предыдущие, на стук дерева о дерево, четвертый на звон бьющегося стекла, пятый на лязг металла.

Она перестал разделывать мясо, чувствуя, как в голове зарождается боль. Ветвится к вискам, тянется ко лбу и затылку. Звуки доносились из детской, от них неприятно вибрировал воздух. Это был синтезатор. Но как? Она же выбросила его, чтобы Егор больше на нем никогда не играл.

Голова загудела, в висках застучала кровь. Мерзкие звуки не стихали и с каждой секундой только набирались сил, чтобы свести ее с ума. Они издевались над ней. И звучали совершенно беспорядочно, один накладывался на другой, тут же перебивался третьим — словно шум на оживленном рынке. Они несли с собой хаос в ее новый приятный мир.

Сквозь серую пелену, повисшую перед глазами, она вдруг увидела, как, дребезжат оконные стекла и выплясывают тарелки с кружками на столе. По потолку и стенам с треском разбегались трещины, а пол ходил ходуном — волновался, словно море. Казалось, с минуты на минуту дом, ее милый и прекрасный дом, рухнет, похоронив под своими обломками и ее саму, и ее несносного сына. Этого нельзя было допустить. Ни в коем случае.

— Егор, прекрати сейчас же! — крикнула она.

Но звуки не смолкли, как и головная боль. Теперь она обжигала и покрывала лоб капельками пота.

— Я не буду больше повторять! — старалась она перекричать нестихающий гул. — Иначе мне придется тебя наказать! Ах ты негодный мальчишка, — прошипела она змеей, не узнав собственный голос.

После чего медленно пошла в коридор, так приятно не ощущая боль в хромой ноге. Морок наползал на вздрагивающие стены; густые тени тянулись вдоль вибрирующих половиц, устилая черным узором дорогу, и кружились в воздухе крупными темными лоскутами, хватая длинными пальцами противные звуки детского музыкального инструмента. Это было так странно, ведь на улице было солнечно… Несколько секунд назад она стояла там, на кухне, и на разделочную доску падали солнечные лучи, а теперь почему-то вокруг стало темно, как ночью.

Где-то во мраке скрипнула дверь и знакомый мужской голос произнес:

— Анна, что ты делаешь?!! Егор, у тебя все нормально?

— Да, папа. Я сейчас спущусь.

— Пока оставайся там.

Вдруг тени испуганно разбежались по углам, тьма расступилась, выпуская ее из своих объятий, а противные звуки стихли. Она судорожно вздрогнула и увидела его. Он был там, у порога, — высокий и крепкий мужчина с волнистой и густой черной бородой. Он стоял неподвижно, напряженно и взирал настороженно — почему-то не на нее, а куда-то вниз.

— Мартин… — губы ее подрагивали, глаза стали влажными.

— Зачем тебе нож?

— Нож? Какой нож?

Она опустила взгляд и увидела свою худую руку, крепко сжимающую разделочный нож, с которого капала кровь. Холодные пальцы разжались, и нож гулко звякнул об пол.

— Мартин… я… — из ее глаз брызнули слезы и потекли ручьями по щекам.

А он подошел, привлек к себе и обнял ее крепко-крепко, словно боялся, что она исчезнет. Его теплая и тяжелая рука легла

на ее голову и провела по волосам.

— Ну, тише, тише, — прошептал он ей на ухо очень ласково, как если бы успокаивал маленькую девочку. — Знаешь, возможно, нам действительно стоит обратиться к городскому психологу.

Так они и стояли в коридоре. Ее трясло, она рыдала у него на груди и все никак не могла успокоиться, а он продолжал шептать ей нежные слова и гладить по голове, запуская пальцы в волосы.

Глава 1. Инфа. Часть 3

Как и любое другое утро понедельника Виктор проводил в своем кабинете, расположенном на втором этаже высотки. Большинство его собратьев-психологов уже давно отказались от личных встреч и предпочитали виртуальные сеансы, тем самым избегая арендных издержек и обеспечивая личную безопасность от особо буйных клиентов. Но Виктор сразу смекнул, что если желает возвыситься над всеми — воспарить величественной птицей, то у него должна быть какая-нибудь фишка. И не прогадал.

Выяснилось, что, несмотря на тысячи лет эволюции, гомо сапиенсы все еще предпочитали реальные встречи виртуальным посиделкам. Пациентов, порой даже самых отъявленных психопатов, натуральное общение серьезно успокаивало, а это было залогом дальнейшего успешного лечения. Для особо безумных клиентов в столе лежал слипер; к счастью, пользоваться им еще не приходилось ни разу. Ну а месячная аренда — сущий пустяк, окупалась одним удаленным сеансом. Конечно, хотелось забраться повыше, к облакам, где посветлее, просторнее и дышится легче, но как тогда быть с теми, кто страдает акрофобией и клаустрофобией? Одному не понравится, что кабинет находится на верхних этажах, другого хватит удар от одной мысли очутиться в замкнутой коробке лифта. А так — ни одного клиента мимо. Сети расставлены широко, прямо перед косяком, плывущем строго по течению.

Виктор недвижно сидел за столом и удрученно смотрел на повисший перед глазами тонкий экран, на собственную страничку в Инвайте. Он любил свой уютный и темноватый кабинет, обставленный в ретро-стиле. Любил большое мягкое кресло, чье удобство непременно отмечал каждый пациент, оказавшийся в нем. Любил занавески цвета морской волны на единственном окне. Любил книжный шкаф с качественной голографической проекцией старых книг с пожелтевшими страницами: если не касаться, от реальных не отличишь. И, конечно, любил настоящий стол из красного дерева, на толстых, резных и чуть изогнутых ногах, с кучей ящичков и полированной поверхностью. Но то, что пестрело на экране, он совсем не любил. Ненавидел.

«ВИКТОР ШВАРЦ — ЛУЧШИЙ ПСИХОЛОГ в Лост Арке! Лечение инфомании, виаромании и других зависимостей. ЛИЧНЫЕ ВСТРЕЧИ и удаленные консультации. ВЫДАЧА НАПРАВЛЕНИЙ НА ШЭЛЛТЕРАПИЮ! Десять лет успешной работы. Постоянным клиентам скидки», — покачивались зеленые

буквы на фоне большого пульсирующего розоватого мозга.

Ему решительно не нравилось новое оформление страницы. Ведь это по сути было его лицо… Да какое лицо — рожа, побитая и перекошенная рожа. Вот что это было. И о чем могла сказать эта розовая рожа в зеленых пятнах?.. Эти угловатые, прыгающие и слишком яркие буквы, этот огромный человеческий мозг, бьющийся, словно сердце. В лучах голографа и виаре смотрелось еще приемлемо, но на плоском экране… М-да. Полная безвкусица и нелепица. Любой прыщавый школьник из подручных средств сумел бы слепить страничку не хуже, не говоря уже о какой-нибудь нейросети.

Однако его страничкой занималось целое рекламно-дизайнерское агентство, совершенно безосновательно обладающее безукоризненной репутацией. Эту сомнительную фирму ему не раз рекомендовали друзья, и их АйДи теперь хотелось забанить навсегда при взгляде на обновленный дизайн страницы.

Подумать только, он отдал за этот зелено-розовый срам почти двадцать тысяч. И это он еще попросил удалить из оригинала дурацкий счастливый лайк и трех черных котиков, которые бездумно слонялись по странице, спали по углам, неуклюже карабкались на его имя и рекламные заголовки, а иногда даже мяукали.

«Котики! Все любят котиков! Женщины и дети их особенно обожают», — не соглашалась сотрудница по имени Бьюти, круглолицая девушка с улыбкой до ушей, омерзительно тонкими губами цвета бирюзы и метелкой сребристых косичек на голове, когда он потребовал убрать животных. «Монету тоже удалите, — настаивал он, наблюдая, как золотистый кругляш с изображением поднятого большого пальца вращается вокруг собственной оси внутри буквы „О“ его собственного имени. — Увидев ее, люди подумают, что меня интересуют только деньги». «Но, мистер Шварц, — возражала Бьюти, желая защитить бездарный труд своего агентства. — Это же счастливый лайк. Вы разве не…», «Удалите! — упорствовал он. — А почему цвет букв кислотно-зеленый? Не лучше ли выбрать более спокойный тон. Голубой или серый? Я все-таки не какой-нибудь проходимец, напичканный дармовыми инфоинжекторами по психологии, у меня степень и настоящий диплом. Понимаете?», «Мистер Шварц, — с умным видом говорила Бьюти, безжалостно игнорируя его аргументы и регалии. — Статистические сведения за последние три года говорят о том, что на самых популярных страницах преобладают ярко-зеленые, лаймовые и фисташковые тона». «Ну, хорошо, — соглашался он, не в силах перечить статистике. — А мозг? Где вы

видели такой мозг?!» — возмущался он, начиная сомневаться в наличии этого самого мозга у всех сотрудников агентства. «Вы об анимации? — добродушно спрашивала девушка. — Последние исследования показали, что посещаемость страниц с анимацией на двадцать два процента превышает посещаемость страниц без анимации»…

Когда ему представили окончательный результат (правда, уже без котиков и счастливого лайка), он подумал, что его обыкновенно надули, а друзья и знакомые решили его банально разыграть. Конечно, он сразу потребовал вернуть плату, обвинив агентство в чистом надувательстве и угрожая пьюрами. Однако Бьюти, стоически перетерпев его нелицеприятные упреки, предложила сперва ему опробовать новую страничку в действии. А затем пообещала, что в случае, если количество просмотров, а, соответственно, и клиентов не увеличится в течение месяца, то так и быть — агентство вернет лайки.

Он согласился без колебаний, улыбнувшись ей на прощанье своей самой злой и коварной улыбкой — улыбкой инфомана, которому доверили стеречь банк данных и дали пароли от всех ячеек. Он-то знал, что лето в самом разгаре — мертвый сезон для специалистов его ремесла. Люди разлетаются по планетам и морям целыми стаями; в это время никто не хочет, чтобы у него в голове копался незнакомец, пусть даже с настоящим дипломом, пусть даже со степенью. Так что он нисколько не сомневался, что лайки ему вернут.

Но стряслось чудо: спустя всего лишь три дня число просмотров его странички утроилось, а количество желающих попасть к нему на прием возросло в полтора раза. И это произошло самым настоящим летом, которое сейчас безуспешно пыталось пробиться сквозь занавешенное окно его офиса жаркими лучами раскаленного солнца. После такого оглушительного успеха он даже подумывал о том, чтобы вернуть котиков и счастливый лайк. Однако решил их приберечь на черные дни в качестве секретного пси-оружия, потому что сейчас клиенты телки рекой, и менять что-либо не имело никакого смысла. Правда, он так и не сумел раскрыть секрет успеха обновленного дизайна страницы. И это обстоятельство задевало его как психолога, уязвляя профессиональную гордость.

Ему не хотелось думать о том, что он просто не поспевает за человечеством, за его желаниями, за развитием его психики. Что он в свои сорок лет просто уже морально устарел, как андроид, вышедший из моды, и его место на свалке, в цехе переработки, или куда там отправляют надоевших, сломанных или устаревших роботов. Он с огорчением представлял, что по Лост Арку уже

разгуливают новые модели психологов — возможно, именно те малолетние выскочки, обколовшиеся инфоинжекторами и возомнившие себя настоящими специалистами. А на их тошнотворно-зеленых страничках мяукают сотни анимированных котиков и блестят золотые горы счастливых лайков. Это было бы несправедливо по отношению к нему. К зря потраченным годам его учебы. К прорве времени, спущенного на написание диссертации.

Другая версия резкого всплеска рейтинга страницы казалась совершенно фантастической, но нравилась ему куда больше, потому что позволяла сохранить достоинство перед нерешенной головоломкой и объяснить все одним простым словом «инфомагия». Какой-нибудь скрытый символ, незримый для глаз, но элементарно отпирающий человеческие сердца и влекущий глупых гомо сапиенсов на его новую страницу, как тупую прожорливую рыбу на брошенный корм. Давным-давно он где-то слышал о подобных невообразимых чудесах: гипнокоде, невидимых знаках, странным образом влияющих на подсознание, и инфопатах, способных повелевать потоками информации. Но и то, и другое, и третье не вышло за границы слухов и домыслов, оставшись всего лишь плодородной почвой для конспирологов и пустыми сказками для остальных.

Несмотря на неожиданно свалившийся коммерческий успех, Виктор все еще тосковал по прежней страничке, созданной по его заказу бесплатной нейросетью, а не целым агентством. На ней, в окружении шкафов, заставленных рядами толстых книг, старина Зигмунд Фрейд величественно сидел в огромном кожаном кресле, как мудрый король на троне, и задумчиво курил сигару, пуская жидкий анимированный дымок; пронзительные и хитрые глаза взирали на мир внимательно и с любопытством, словно бы говоря: «Ну что, дружок, каких чертиков и чертей ты прячешь в своем тихом омуте, внутри своей черепной коробки?». Нейросеть подобрала мягкие тона, оформив страничку в виде черно-белой фотографии, в точности уловив желания пользователя. А как страничка смотрелась в виаре!..

Продолжая морщиться от вида странички, Виктор ощутил боль в правой щеке. Она длилась мгновение, была вполне выносима и сразу стихла, оставшись незаметной даже для бдительного корешка. Это походило на быстрый укол тонкой иглой или комариный укус. Но никаких игл рядом с его лицом, понятное дело, находиться не могло, если только они вдруг не научились летать, а комары из-за регулярно бушующих инфоштормов остались лишь в Гринвуде.

Виктор потер щеку и смахнул страничку, меняя ее на зеркало.

С экрана на него смотрел вполне симпатичный мужчина, с большими и умными карими глазами, аккуратно уложенными темными волосами, острым, чуть вздернутым носом и стильными круглыми виар-очками на лбу.

Температура — девяносто семь градусов по Фаренгейту, пульс — семьдесят шесть ударов в минуту, артериальное давление сто тридцать на восемьдесят пять миллиметров ртутного столба, уровень глюкозы пять и пять миллимоля, все органы работают стабильно, — сообщила Аманда своим обворожительным голосом.

То есть у меня всего лишь слегка повышено давление, а так — я здоров, как бык, — заключил он и вновь прилип к экрану, увеличив отражение.

Ты полностью здоров, — подтвердила Аманда.

— А это тогда что? — растягивая кожу на правой щеке, спросил он скорее с удивлением, чем со страхом.

По внешним признакам — родинка, — ответила Аманда. — *Осуществить поиск ближайшего врача, если тебя что-то тревожит?*

Виктор пожал плечами, а секунду спустя покачал головой.

Уверен?

Ты же сказала, что я полностью здоров.

На его гладковыбритой щеке действительно вылупилась родинка — размером не больше спичечной головки. И теперь… Теперь Виктор не знал, как с ней поступить: свести ее или оставить, как есть. Он осторожно ощупал ее пальцами, словно у него ныл зуб, широко улыбнулся, театрально нахмурился и растянул кожу, осознавая всю бессмысленность собственных действий.

Виктор продолжал разглядывать родинку с видом микробиолога, обнаружившего новую бактерию, когда ему пришло сообщение о пополнении счета.

Кали Тхакур перевела десять тысяч лайков за удаленную встречу и прислала свой АйДи, — сообщила Аманда и спросила: — *Назначить ей время? Она готова встретиться прямо сейчас.*

Виктор пошевелил пальцами, унизанными виар-кольцами, которые не снимал, чтобы не потерять, сдвинул очки на глаза. И чувствуя, как опустившиеся крылья дужек заслоняют уши, приказал Аманде связаться с новым клиентом.

Виар-пространство скрутилось в желтую точку, а затем взорвалось медово-золотистыми осколками.

На берегу океана он появился первым. В яркой футболке и шортах, сидя в шезлонге, под тенью огромной и высоченной пальмы, каких, наверное, не бывает в реальной жизни.

Сосредоточенный, целиком и полностью готовый отдаться любимой работе.

В отличие от других сорок девяти лок из набора «Медитация на все случаи жизни», эту Виктор изменил под себя. Повесил сияющее блюдце солнца повыше, чтобы разлапистые пальмовые тени падали точно на шезлонги, а также приглушил шум волн, заставив их нежно шелестеть. В первоначальном варианте океан был темно-зеленым, почти черным, но после редактуры сделался лазурно-прозрачным. И теперь отражение неба почти терялось на волнистой поверхности, а у самого берега в толще воды, среди зарослей бордовых, желтых и лиловых кораллов, можно было разглядеть снующих рыбешек. Влажный песок цвета ржи был слегка отбелен и посыпан смесью позолоты и алмазной пыли — берег заполучил светло-кремовый оттенок, сверкая на солнце россыпью мелких звезд.

Виктор часто посещал свой рукотворный пляж в одиночестве, чтобы расслабиться и отдохнуть. Просто сидел и молча смотрел на это сказочно-мистическое место, ставшее его убежищем, местом умиротворения. Пенящиеся волны смывали усталость, солнце выжигало тревоги, а перистые облака, выползающие из-за линии горизонта, забирали мрачные думы. Лока была потрясающей, и, глядя на нее, он начинал понимать виароманов, не желающих мириться с несовершенством реального мира, его вызывающей ущербностью и всеобъемлющей скукой физических, юридических и моральных законов.

Над шезлонгом напротив него пространство дернулось, треснуло, словно зеркало, преломляя картинку, и на мгновение надломилось, выбрасывая на пляж аву стройной женщины в коротком голубом платье на тонких лямках. У авы были шоколадно-черные волосы, собранные в хвост и перекинутые через плечо, кожа цвета жженого сахара и ничем не примечательное овальное лицо. Это было одно из тех серых лиц, откуда взгляд мгновенно скатывается, не в силах ни за что зацепиться. Лицо миллионов, лицо из толпы — ускользающее из памяти быстрее, чем вкус и запах пресного завтрака в дешевой забегаловке.

Женщина повертела головой, задержав взгляд на лазурной поверхности океана, и посмотрела на Виктора, как ему показалось, оставаясь совершенно равнодушной к восхитительному месту их встречи.

— Кали Тхакур, — отчеканила она неожиданно громко, выговаривая каждую букву, словно называя себя на каком-нибудь знаменательном торжестве. — Мистер Шварц?

— Можно Виктор, — предложил он.

— Эта ваша тру-ава? — спросила Кали.

— Точная копия, сделанная год назад, — честно ответил он. — Ну кроме одежды. Согласитесь, она весьма недурно вписывается, — он провел рукой вдоль линии горизонта, — в эту прекрасную солнечную локацию.

Виктор не стал задавать аналогичный вопрос. Ему хватило беглого взгляда на аву, сидящую перед ним в шезлонге, чтобы понять, что в жизни Кали вряд ли выглядела по-иному. Слишком много мелких деталей (белое пятнышко ожога на левой руке, шрам на правом плече), свойственных честной копии, и самая обыкновенная внешность женщины лет за тридцать. Желай она себя приукрасить… сейчас бы ему пришлось общаться с очередной безликой большегрудой и длинноногой куклой. А ава женщины перед ним даже не пыталась скрыть небольшие изъяны своего далеко не совершенного тела.

Кали ерзала в шезлонге так, будто его и вправду раскалило настоящее солнце, и по какой-то причине критически косилась в сторону океана. Большинству клиентов нравилась эта лока, но, когда есть большинство, всегда имеется и меньшинство, чьи интересы тоже стоит учитывать. Судя по всему, Кали относилась к последнему.

Аквафобия?.. Виктор внимательно отслеживал ее бегающий взгляд, наблюдал за жестикуляцией и движением губ. Те поджимались после каждого освобожденного слова и превращались в две тонкие красные линии, когда она смотрела на океан. Кали закинула ногу на ногу и положила одну ладонь поверх другой на обнаженной коленке. Она нервничала, ей было неуютно.

— Хотите, чтобы я сменил локацию? — спокойно спросил Виктор.

— Пожалуй, да.

— Что-то определенное?

Она задумалась, блуждая по темным закоулкам памяти в поиске «чего-то определенного».

— Может, есть место, где вы будет чувствовать себя более комфортно?

— Звезды, — наконец ответила Кали. — Поближе к звездам, если можно.

Виктор шевельнул виар-кольцами, меняя антураж и надеясь на то, что у новой пациентки нет клаустрофобии.

Солнце размазалось по небу широкой желтой полосой, кремовый берег вздыбился и опрокинулся в лазурный океан; шорох волн поглотила тишина.

Они очутились в кабине межпланетного лайнера. Внутри

мерцали голубые огни, а снаружи ярко горели звезды, словно рассыпанные на черном полотне осколки хрусталя.

— Теперь лучше? — поинтересовался Виктор.

Кали кивнула. Он уже заметил, как преобразилась женщина, почему-то не выносящая вида океана, но торжествующая от созерцания звезд. Она выглядела расслабленно-удовлетворенной; руки ее лежали на подлокотниках, глаза широко распахнулись — новому звездному миру, открытиям и чудесам.

— Мне кажется, я — инфоман, — сказала Кали удивительно буднично, как если бы заявила, что у нее насморк, или она потеряла дешевую заколку для волос.

Похоже, ее больше волновал вид безобидного океана, чем довольно неприятная болезнь.

— Почему вы так думаете?

Кали не ответила. Виктор решил ее не торопить, давая время собраться с мыслями.

Они сидели рядом, внутри тесного мешка с голубыми огоньками, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Оба смотрели на холодно-голубой узор звезд и оба выглядели спокойными, даже немного скучающими, словно по-настоящему пересекали космос вот уже битый час. Виктор постоянно заботился о том, чтобы сохранять вид бесчувственного истукана, даже если пациент с полной уверенностью заявлял, что апокалипсис наступит сегодня, ровно через пятнадцать минут. В мире бушующих страстей он должен был оставаться островком спокойствия, на который всегда мог рассчитывать клиент, заплутавший во мгле фантазий и бед. Но Кали… Бесцветный тон ее голоса… Она либо уже выплакала все слезы до того, как записаться на прием, либо смирилась со своим возможным диагнозом — сдалась.

Молчание затягивалось; казалось, Кали спит с открытыми глазами.

— Вас испугал океан? — спросил Виктор. — Почему?

— В детстве… Я едва не утонула, а мой младший брат… До сих пор не могу смотреть на воду.

— Виар-сеансы не помогли?

Она как-то неуверенно покачала головой.

— Вы ведь даже не пробовали? — без всякого осуждения произнес Виктор.

— Мне предлагали. Но… Я не хочу тратить на это лайки и время. Я все равно большую часть жизни провожу в космосе или на суше.

— Вы работаете на корабле? — догадался Виктор.

— Да, я старший помощник пилота круизного лайнера.

— Звезды… Я подозревал нечто подобное.

— А это правда, что у меня взорвется голова? — наконец-то в ее голосе появился хоть какой-то оттенок.

И это был оттенок страха.

— Нет, конечно, нет, — поспешил успокоить ее Виктор и позволил себе улыбнуться.

— Но я слышала…

— Поверьте, все это чушь. Инфа, конечно, бывает опасна и вредна для здоровья, но голова от нее точно не взрывается. Если только образно.

Глава 1. Инфа. Часть 4

Он слышал этот миф не раз, хотя и не понимал, откуда тот взялся. У инфоманов не взрывались головы. Ну уж точно не в его практике и практике его коллег. Со временем мозг инфомана переставал справляться с обилием поступающих данных, группировать, раскладывать их по полочкам и превращался в огромный захламленный чердак. Как правило, на первой стадии инфоманы с маниакальной одержимостью поглощали любые сведения, на второй — частично теряли память, а на третьей — недостающие фрагменты заменялись вымышленными… На самом деле никто точно не знал, что происходит на третьей стадии. Перегруженный мозг как будто самоочищался, не в силах вынести гигабайты инфы.

— Так почему вы решили, что…

Виктор не хотел произносить это неприятное слово из семи букв. Одно дело, когда пациент что-то подозревает, но все еще надеется, что обойдется. И совсем другое, когда опасения подтверждает специалист — заносит свой наточенный топор, как палач из средневековья, чтобы одним ударом расколоть хрупкую надежду на несколько частей.

— Вчера… — Кали задумалась, прокручивая в памяти не очень приятные события. — Было так странно. Я вдруг почувствовала страшную пустоту в своей голове. А потом словно кто-то распахнул в ней дверь и сказал: «Ну, Кали, чего же ты ждешь?!! Вперед, заполни ее. В мире столько всего интересного, помимо безмолвного космоса и ледяных звезд». В итоге я просидела всю ночь в нейросе, пока просто не вырубилась от усталости. Не могла остановиться, вела себя как умалишенная. Смотрела, читала, слушала все подряд. И получала от этого какое-то нереальное наслаждение, которое раньше никогда не испытывала. Понимаете, я прочла два десятка статей о специфики выращивания соевых бобов на Марсе. Бобы… — она истерически хихикнула. — Какие бобы? Откуда они вообще оказались в моей ленте? Они мне даже не нравятся… Шла от ссылки к ссылке, будто выслеживала кого-то… Теперь не голова, а выгребная яма: биологизация технологий выращивания бобовых культур, влияние полифункциональных биопрепаратов на микробиологические процессы в ризосфере и продуктивность бобовых культур и… все в таком духе. Цифры, графики, схемы… Как только очнулась, сразу решила обратиться к вам.

Виктор знал сотни подобных историй. Молекулярный диетолог ни с того, ни с сего начинал интересоваться теорией

струн и составом лунного грунта. Менеджер по космотуризму — гибелью Титаника и убийством Джона Кеннеди. Дизайнер виар-миров — разведением крупнорогатого скота в Гринвуде и производственным циклом аквaферм. И всегда эти истории начинались вот так — странно, невероятно, комично и жутко одновременно.

— Хорошо, что не стали затягивать.

— Значит, я — инфоманка?

— Не расстраивайтесь. Исходя из того, что я слышу, у вас начальная стадия. Самая ранняя. Это лечится без каких-либо последствий для организма.

Но Кали предсказуемо расстроилась. Ее разум потянулся к звездам — туда, в бездну космоса, оставляя полуживую аву в кабине космического лайнера и рисуя ужасающие картины взрывающихся человеческих голов.

— До вчерашнего дня были похожие симптомы? Я не говорю конкретно про марсианские бобы, а в целом… Необъяснимая тяга к знаниям. Особенно к тем сферам, которыми вы никогда не интересовались.

Кали покачала головой:

— Не помню такого.

— Хорошо.

— Инфошторм?

— Точно нет.

— Инжекторы… Часто прибегаете?

Кали гневно дернулась, словно от непристойного предложения. И Виктору показалось, что если бы не ограниченное виар-пространство, то она наверняка сбежала бы, громко хлопнув дверью напоследок. Впервые с того момента, как они оказались среди ярких звезд, она решила посмотреть на него — резко обернулась, обжигая странным взглядом, — смесью обиды и осуждения.

Виктор даже немного растерялся и отвел глаза, не понимая, какую одну из тонких душевных струн задел его безобидный вопрос? Наука и технологии развивались не просто стремительно, а неслись со скоростью света, оставляя далеко позади себя стандартные методы обучения. Высококлассные специалисты по астронавтике, биоинженерии и кибернетике нужны были здесь и сейчас, а не через несколько лет. И без инъекций, забитых полезной инфой… Ему совсем не нравилось, куда ведут его собственные мысли — к оправданию этого мухлежа и мошенничества, этой чудовищной несправедливости. Он презирал этот совершенно жульнический способ получения знаний — без усилий, без пота и слез, без проб и ошибок. Но

почему инфоинжекторы презирала Кали?

— Кололи себе что-нибудь в последнее время? — серьезно спросил он.

— Я… — гнев неожиданно сменился стыдом.

Кололa, понял Виктор. И вновь задумался о причине негодования пациентки. Теперь источник ее раздражительности казался еще более странным.

— Послушайте, я вас совсем не осуждаю, — произнес Виктор, и ему самому стало очевидно, что осуждает. — Обычное дело. Но мне нужно знать… Чтобы подобрать оптимальный курс лечения. Один правильный шаг к выздоровлению вы уже сделали. Обратились ко мне. Осталось определить возможную причину вашего… недуга.

— Знаете, я всегда считала инжекторы чем-то… нечестным, — начала оправдываться Кали, и Виктор подумал, что если бы она говорила сейчас с ним в реальности, то непременно бы покраснела. — Это как решать кроссворд…

— Пользуясь поисковиком в нейросе, — с улыбкой закончил он, понимая, что встретил родственную душу.

— Но позавчера на борт установили новое оборудование, обновили интерфейс. А я… всего неделю назад прошла переквалификацию. Мне так не хотелось снова копаться в инструкциях, запоминать, заучивать. Почти вся команда залила в себя инфу.

— То есть, я правильно понимаю, что это был ваш первый инфоукол?

— Да. Правда. Шанли, наш бортовой врач, сказал, что переживать совершенно не о чем, — Кали засопела, видимо, представляя, как ее кулак влетает в физию этого самого Шанли. — Думаете, дело в этом?

— Уверен, — смело подтвердил Виктор, с радостью осознавая, что собрал этот несложный паззл, и через неделю пациентка, скорее всего, забудет о своей болезни, как о страшном сне. — Побочный эффект. Очень редко, но такое, к сожалению, случается. Мозг просто не адаптировался к новому способу получения данных. Однако, если у вас есть предрасположенность к инфомании, в дальнейшем я бы рекомендовал воздержаться от подобных инъекций.

— И что мне теперь делать? — с надеждой спросила Кали, и в глазах ее ярко вспыхнули голубые звезды.

— Ничего страшного. Выпишу вам инфоблокаторы, успокоительное и снотворное.

— А эти инфоблокаторы…

— Не опаснее витаминов. Только не забывайте их принимать

в течение семи дней. И главное — спите побольше, чтобы ваш мозг отдохнул и расставил новую инфу по местам.

Рецепт отправлен, сообщила Аманда.

— Спасибо, — произнесла повеселевшая Кали и прервала связь.

Виктор вернулся в реальность и, полностью удовлетворенный работой, потянулся в кресле для виара. Это был чудесный сеанс — спокойный и результативный, без накладок, если не считать смены локации. После таких сеансов он ощущал себя одухотворенным, нужным и почти всемогущим. Он стал ровно на десять тысяч лайков богаче и помог испуганной женщине, которая любила звезды больше всего на свете. И теперь благодарная Кали Тхакур будет вновь счастливо бороздить безмолвный космос, а он отложит еще немного средств на оттиск для цифратория.

Виктор посмотрел на свое довольное отражение и прилип к экрану. Отражение нахмурилось, потому что родинка, вскочившая на щеке буквально полчаса назад, как будто увеличилась в размерах и стала поблескивать. Он отстранился от экрана и снова прильнул к нему, потер родинку — ничего не изменилось. Она осталась на гладко выбритой щеке и определенно блестела, словно намазанная жиром.

Виктор так увлекся изучением родинки, что даже вздрогнул, когда в дверь постучали.

Тук!.. Тук!.. Тук!.. Стук был звонким, но уважительным, с одинаково долгими промежутками, чуть громче, чем требовалось, — возможно, из-за тяжелых рук, опускающихся на дверь. Так обычно к нему стучались его коллеги, но не пациенты. Те либо нервно барабанили, либо шлепали ладонями и кулачищами, словно хотели вынести дверь. Этот стук был другим — стучали размеренно, костяшками пальцев. Три раза, а затем прекратили.

Разве на сегодня назначены личные встречи? — спросил он, убирая с экрана свое сумрачно-удивленное отражение и меняя его на картинку камеры наружного наблюдения.

На сегодня личные встречи не запланированы, — подтвердила Аманада.

За дверью стояли двое: бородатый мужчина и худая женщина, одеты были неброско, даже слегка неряшливо (у мужчины край рубахи выбивался из-за ремня), обоим за тридцать, оба выглядели немножко потерянными, озираясь по сторонам, но совсем не враждебными.

Новые клиенты, новые лайки, — подумал Виктор с предвкушением, быстро пересекая кабинет.

Когда с натренированной годами улыбкой он распахнул дверь, незнакомцы решили не представляться, а беззвучно и тревожно уставились на его лоб, словно на нем прорезались демонические рога, хотя там всего лишь темнели виар-очки, оставшиеся после сеанса.

— К-хм, — кашлянул мужчина, продолжая взирать чуть выше глаз Виктора, — нам нужен мистер Шварц.

— Психолог, — уточнила женщина, тоже не отрывая взгляда от виар-очков.

— Это я. Очень приятно, — приветливо сказал Виктор, жестом приглашая их войти.

Оказавшись позади двух странных посетителей, он спешно стянул с головы предмет их необъяснимого влечения и закрыл дверь. После чего суетливо оббежал незнакомцев, предложил присесть, указывая на кресло перед столом и небольшую кушетку, а сам погасил экран, сделав его почти прозрачным и сдвинув в сторону, чтобы освободить пространство для обзора.

Несмотря на предложение, мужчина остался стоять рядом с женщиной, которая опустилась в большое и мягкое кресло в центре кабинета. Виктор тоже остался на ногах, спрятав виар-очки и положив ладони на стол.

— Тебе удобно? — спросил мужчина, похожий на медведя, и положил свою лапу на худое плечо женщины.

— Очень, — она подняла на него взгляд, коснулась его руки на своем плече и с улыбкой сказала. — Кресло как у моей бабушки.

Виктор заметил у посетителей обручальные кольца (толстое у мужчины и тонкое у женщины) и вспомнил про свои пальцы, проворно сдернув с них круглые и черные виар-атрибуты. Он уже не сомневался, что к нему притопали виароманы, во всяком случае, один из них, поэтому решил устранить любые раздражители. Хотя до сих пор не мог объяснить, почему женщина выглядит Алисой в Стране Чудес, осматривая с разинутым ртом его офис в ретро-стиле, а мужчина — загнанным в клетку зверем, таращась на погасший прозрачный экран, на голограммы книг как-то… враждебно.

— Ой, извините, — вдруг смутилась женщина, словно разбила кружку за трапезой в чужом доме. — Мы забыли представиться. Я — Анна, а это мой муж — Мартин. Мы… из Гринвуда.

— Ого! — вырвалось у Виктора. И ему захотелось стукнуть себя по губам. — Простите.

Ваше давление повысилось, — забеспокоилась Аманда, но Виктор оставил ее сообщение без внимания. Меньше всего ему

сейчас хотелось слушать причитания обеспокоенного корневого чипа, поэтому он незамедлительно отправил его в спящий режим.

Волнение, сперва выпустившее на волю это бестактное и совершенно непрофессиональное «Ого!», теперь вязало язык крепкими путами и лихорадочно гоняло мысли в голове, словно стаю летучих мышей в пещере. Они пищали, шумно хлопали перепончатыми крыльями, даже кусались, но никак не могли угомониться: *Из Гринвуда… Самые настоящие кавены в его кабинете!.. С ума сойти!.. Очнись наконец-то, идиот!!!*

И Виктор наконец-то очнулся, нахваливая себя за предусмотрительный отказ от большинства хитрых штучек «умного офиса», позволяющих открывать двери, не поднимая задницы, регулировать температуру, яркость света и передвигать мебель силой мысли. Его пациенты часто находились на грани нервного срыва или приходили сюда, к порогу его кабинета, уже переступив эту грань, и сбой какой-либо функции умного офиса или внезапная хакерская атака во время сеанса… Теперь он даже представить не мог, что стало бы с двумя кавенами, если бы двери перед ними распахнулись сами собой, как в доме с призраками.

— Простите еще раз, — Виктор положил ладонь на грудь. — Вы же понимаете, что каве… — ему опять захотелось больно заехать себе по губам, — жителей из Гринвуда редко увидишь в Лост Арке.

От возбуждения Виктор немного вспотел.

Сегодня больше не принимаю, — предупредил он корневой чип и опустился в кресло за столом, переводя дыхание.

Возбуждение постепенно начало отступать; голова остывала, сердце билось ровнее, а порхающие мысли, потревоженные неожиданным явлением кавенов, стали расседаться по жердочкам.

Виктор глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух, чтобы окончательно потушить волнение. Он представил, что к нему пришли вовсе не кавены из дремучих зарослей Гринвуда, а типичные пациенты из Лост Арка, с которыми ему приходилось иметь дело почти каждый день. Стало легче и спокойнее. Он потянулся из виар-кресла к окну и раздернул занавески, впуская в кабинет поток света.

— Так что вас привело ко мне? — спросил он.

Кавены молчали. Анна смущенно опустила взгляд, ее бледные щеки зарумянились. Мартин гладил ее по плечу — успокаивал, поддерживал и сопереживал. Наблюдая, с какой осторожностью огромная лапа кавена нежно касается этой хрупкой женщины, Виктор предположил, что именно Анна

является причиной посещения городского психолога. Ее огромный спутник выглядел совершенно невозмутимым, как гора. Казалось, чтобы ни произошло сейчас (пожар, потоп или высадка пришельцев), он остался бы стоять рядом с ней.

— Хотите пить? — улыбнулся Виктор.

Анна покачала головой, продолжая сверлить стыдливым взором пол. Мартин и вовсе как будто не слышал ничего и никого; его мир сейчас сузился до размера кресла, где сидела несчастная женщина, нервно перебирающая складки на платье.

Виктор уже намеревался поделиться своим предположением и спросить у женщины в кресле, какие душевные муки заставили ее посетить городского психолога, забыв о многочисленных запретах. Но передумал, просчитав последствия. Обычную логику кавены могли вполне счесть наглым чтением мыслей, этого еще не хватало: в лучшем случае он бы потерял редких и очень важных пациентов, а в худшем… Кулаками Мартина, наверное, можно было крошить камни, не говоря уже о зубах. Все-таки изначальная идея вести себя с кавенами, как с обычными клиентами, была так себе.

Анна всхлипнула и подняла заплаканные глаза. Ее суровый спутник протянул ей платок.

— Мартин, дайте ей воды, — Виктор указал на графин и стаканы.

— Извините, — она вздрагивала, вытирая мокрые щеки.

— Умоляю вас, не извиняйтесь. Вы и ваш… — он посмотрел на Мартина, выдерживая паузу.

— Муж, — под шум воды, сквозь тихий всхлип произнесла Анна.

— Вы и ваш муж совершили крайне смелый поступок, приехав ко мне. Понимаю, как непросто было решиться на этот шаг. И, конечно, я понимаю, насколько вам тяжело рассказать совсем незнакомому человеку о… том, что с вами случилось, — Виктор старался подбирать каждое слово. — Ведь, я правильно понял, что у вас, Анна, что-то произошло?

Она быстро закивала, сделала несколько глотков и отдала полупустой стакан Мартину.

— Вы не могли бы попросить своего мужа оставить вас… ненадолго, — тихо, почти шепотом произнес Виктор, не желая видеть в этот момент глаза ее грозного спутника. — Не обижайтесь, Мартин. Но без вас ей легче будет рассказать о своих проблемах. Так нужно.

Виктор затаил дыхание, ожидая нападения. Но его не последовало. Он увидел, как Анна похлопала ручищу на своем плече, отпуская мужа.

— Я буду за дверью, — произнес он тоном преданного телохранителя, который ненадолго и с великой неохотой оставил объект своей охраны наедине с заклятым врагом.

Человек-медведь исчез, и Виктор наконец-то немного расслабился. Анна перестала лить слезы, смотрела на него ясно и спокойно. У женщины в кресле были зеленые глаза, короткие русые волосы и аккуратные бледно-розовые губы; темно-синее платье прятало хрупкую фигурку от шеи до самых щиколоток, широкие складки на нем колыхались волнами при каждом движении. Ее можно было назвать симпатичной, милой — не более.

— Так что с вами случилось? — спросил Виктор и постарался сделаться серьезным, заинтересованным и сопереживающим. — Только прошу вас, ничего не утаивайте, если хотите, чтобы я вам помог. Говорите все, как есть. Поверьте, я тут видел и слышал всякое. И удивить меня будет крайне сложно.

Какое-то время Анна молча собиралась с духом, а затем рассказала то, чего еще никому не рассказывала, даже мужу.

О продолжительной апатии, всплесках звериной ярости, невыносимой усталости, другом странном мире, где из проклятой хромой ноги уходила боль.

О странных голосах, шепчущих ей в сумраке, о монстре, поселившемся в ее голове.

Наконец, о том… как она едва не убила собственного ребенка всего лишь за то, что он играл на музыкальном синтезаторе.

Слезы накатывались на ее голубые глаза, но она крепко сдерживала их, не давая опять пролиться на щеки. Лицо ее то краснело от смущения, то бледнело от ужаса, то искажалось до неузнаваемости; иногда она задыхалась, словно ее душили. Рассказ давался ей тяжело; воспоминания мучали ее каждую минуту, заставляя голос дрожать. Ей было тяжко, очень тяжко. Но ради того, чтобы навсегда вернуться в настоящий мир, к своим детям и любимому мужу, она продолжала проваливаться в пучину собственных страданий. Глубже и глубже. К самому истоку. И Виктор погружался вместе с ней — преобразуя чужие страхи и чужих демонов в символы, в мудреные слова, а их — в замысловатые симптомы. Она позволила войти в свой сокровенный и тайный мир, услышать шепот неразборчивых голосов и взглянуть на монстра, который сводил ее с ума и с каждым днем становился сильнее, подавляя ее волю.

Когда путешествие сквозь тьму закончилось, Виктор в общих чертах понимал, что происходит с его новым пациентом. Смена маниакальных и депрессивных состояний соответствовали биполярному расстройству, но голоса… Голоса в голове. Они все

портили. Потому что они указывали на шизофрению, как ни прискорбно было это признать. А ведь понедельник начинался так хорошо.

— Я сошла с ума? — обреченно спросила Анна.

— Вы… — Виктор лживо улыбнулся, — у вас есть некоторые психические расстройства. Ваша нога… Давно это произошло? — спросил он, чтобы заполнить неловкое молчание.

— Три месяца назад.

— Кто-нибудь из ваших родственников страдал… шизофренией?

Слово было произнесено, и под его силой, будто под шепотом заклинания, из печальных глаз пациентки брызнули слезы. В такие моменты Виктор ненавидел свою работу; ему хотелось сбежать уже если не на край света, то хотя бы в ближайший коридор, чтобы не пропускать сквозь себя излучение чужого горя. Снова и снова. Увы, подобные издержки профессии были неизбежны.

— Мой отец… — еле слышно вымолвила Анна. — Теперь меня отправят в психушку?

В Гринвуде непременно, — с грустью согласился Виктор.

— И вы никак не сможете мне помочь? Я слышала, что в Лост Арке лечат даже маньяков.

— Есть одно эффективное средство, но я не уверен, что вы на него согласитесь.

Анна вытерла слезы, шмыгнула носом в последний раз и застыла, положив ладони на колени; в потускневших глазах появился здоровый блеск.

— Что для этого нужно? — решительно спросила она.

— Всего лишь дать вашему монстру то, чего он хочет.

Анна непонимающе-удивленно уставилась на Виктора, словно в кабинете, залитым летним солнечным светом, не она была психом, а темноволосый мужчина напротив нее, несущий какой-то откровенный бред.

— Только так мы сможем выманить его из вашей головы. А затем… захлопнем ловушку, где он, надеюсь, останется навсегда. Он даже не успеет ничего понять, — по немигающему и ошарашенному взгляду пациентки Виктор понял, что немного переборщил с метафорами. — Вы слышали о шэллах?

— Это ведь люди под куполом?

— Ну, людьми бы я их не стал называть, — улыбнулся Виктор. — Они выглядят как люди. Ведут себя как люди. Считают, что они люди. Но на самом деле они всего лишь бездушные оболочки, напечатанные на биопринтере. Инструмент для шэллтерпаии и конструктор из органов, если вдруг у кого-

нибудь в городе начнет пошаливать сердечко или откажут почки. Десять миллионов франкенштейнов, похожих на людей. В Лост Арке их обычно называют мясом.

Анна перестала смотреть на Виктора как на сумасшедшего. Но все еще блуждала в потемках, не в силах найти выход.

— И как они мне помогут?

— А мы перенесем ваши голоса, вашего монстра в одного из них — закроем, как тюрьме, — Виктор вздохнул. — Другое дело, согласитесь ли вы пойти на это, учитывая… э-мм, ваши корни.

Виктор молча прошагал до двери, открыл ее и пригласил Мартина войти.

— Хочу, чтобы ваш муж тоже это слышал. Присядьте, пожалуйста.

На этот раз Мартин воспользовался предложением и опустился на кушетку.

— Ты как? — обеспокоенно спросил Мартин.

— Все хорошо, — ответила она. — Мистер Шварц считает, что может мне помочь.

Слезы на ее щеках уже высохли, губы и руки перестали подрагивать — внешне она выглядела здоровой. Но внутри нее жил злой и жестокий монстр-паразит, рожденный травмой трехмесячной давности, стрессом, усталостью и, возможно, дурными генами. И Виктор собирался обвести его вокруг пальца, надеясь, что кавенам хватит разума, храбрости, средств и любви. В чем лично он очень сомневался.

Виктор медленно мерил шагам кабинет, подбирая подходящие слова, и чувствовал, как на него заточенными копьями направлены два цепких взгляда. Он не мог просто выдать стандартную тираду, которая была припасена и выучена для обычных пациентов. Половину слов кавены просто не поняли бы, другую восприняли бы как оскорбление.

— Вашу супругу можно вылечить, — твердо произнес Виктор, останавливаясь и обращая взор на Мартина. — Но для этого ей придется… — он так и не подобрал нужных слов. — В ее мозг придется ввести крошечный чип, — наконец произнес он, соскоблив с этого безобидного процесса всю научную муть.

— Это исключено! — сразу громыхнул Мартин со вселенским возмущением, вспыхнул и вскочил. — Мы не будем ее осквернять. Пойдем…

Виктор положил ладонь ему на плечо и слегка надавил, подивившись собственной смелости.

— В Гринвуде ей не помогут. Врач, который осматривал ее до меня, он это прекрасно понимал, поэтому и отправил вас ко мне, не желая, чтобы ваша медицина над ней издевалась.

— Но так мы станем изгоями, — прошипел Мартин, сжимая огромные кулачищи.

— А что, если я вам скажу, что никто ничего не заметит.

— Если вы не знаете, мистер Шварц, то на границе…

— Я в курсе про ваши сканеры, проверки и прочее.

Мартин и Анна растерянно переглянулись. Виктор понял: пора добивать.

— Несколько лет назад был создан… аппарат, позволяющий временно вводить необходимые чипы. Для разных экстренных случаев. Вроде вашего, — пояснил он. — Всего полчаса. Никаких следов. Поверьте, никто ничего не узнает.

Виктор ясно видел, как по лицу Мартина мечется тень сомнения. Как разжимаются кулаки. Как…

— Сколько это стоит? — поинтересовалась Анна.

Виктор ожидал этого вопроса и был рад его услышать.

— У вас есть скот?

— Есть, — подтвердил Мартин.

— Думаю, двух коров хватит, — подмигнул ему Виктор. — Я знаю владельца одного ресторана. Он с удовольствием купит их по цене… ниже рыночной.

Мартин поднялся, одарил Виктора жестким взглядом и взял Анну за руку.

— Нам нужно подумать, — хмуро произнес он.

— Конечно, — с пониманием произнес Виктор. — Но, когда решитесь, не забудьте принести мне фотографию всей семьи. Желательно, поновее. Она понадобится мне для… — он осекся, не желая пугать кавенов страшными словами, — для лечения. До скорой встречи.

Глава 2. Цитадель. Часть 1

«Добро пожаловать в Шэлл Интертаймент!» — утреннее небо располосовали янтарно-алые голографические лучи. Приветствие шириной в полмили вспыхнуло за окном летящего аэрокара, словно кровоподтек на голубой коже, и Илон тут же словил привычную инфопулю.

Хотите стать звездой шоу-бизнеса или влиятельным политиком? А может быть, кого-нибудь убить? В Шэлл Сити нет ничего невозможного! — мужской голос радостно звенел в голове. — *Ме…*

— Блокируй, — спешно приказал Илон, и Ма притушила спам.

Пространство рядом с Цитаделью густо и без остановки простреливалось рекламой, кодировку которой меняли каждые стуки, чтобы никто не ушел без своей дробинки инфы. Пиарщики из Шэлл Интертаймент всегда опережали айтишников, занимающихся обновлением прошивки корневых чипов, или… находились с ними в сговоре. Поэтому избавиться от нее можно было двумя способами: сунуть голову в грэйвхэд или заглушить сигнал вручную.

Оставив позади стихшую голограмму, Илон почувствовал, как аэрокар пошел на снижение: от живота к груди поднялась щекочущая волна, резкий перепад давления заложил уши. Илону показалось, что сегодня машина садилась резче и круче обычного: возможно, диспетчеры с последнего раза перекроили его воздушный путь. Не то чтобы он был против. Просто за час полета опустошенный от ничегонеделания мозг жадно набрасывался на любую инфу — поступавшую из вне или откопанную в собственном разуме. Сейчас даже такие мелочи, как слегка измененный угол спуска воздушного судна, замечались без особого труда.

Однако… как странно.

На Илона накатила необъяснимая тревога. Сперва он списал ее на след ночного кошмара, но вдруг поймал себя на мысли, что почти ничего не помнит из того, что с ним происходило во сне. Кроме… странной белой комнаты, затопленной густым светом. Илон не сомневался, знал, что кошмар был самым ужасным из всех, что ему когда-либо снились. Но почему-то не мог его описать. Не осталось ничего, лишь пустая комната белым пятном светилась во мраке памяти. Это было странно и неприятно.

Подозрения в краже собственного кошмара пали на грэйвхэд. Но Илон не хотел верить в его вину, невзирая на очевидные

доводы. Да какие доводы? Совпадение — не более. П-фф, никто не крал его воспоминания. А если и крал, то пусть ими и подавится! Чего он вообще так переживает из-за пропавшего ночного кошмара, словно забыл собственный АйДи, или у него увели лайки со счета. Илон прокрутил в голове ряд цифр своего АйДи и с облегчением убедился, что помнит каждую цифру и их последовательность.

— Ма, проверь состояние счета.

Триста сорок семь тысяч лайков, — отчитался корневой чип, успокаивая взволнованного хозяина.

Все лайки были на месте. Но беспокойство не отпускало — застряло мелкой занозой в пальце, кусочком нори между зубами, противным репейником в густых волосах.

Илон с опаской покосился на массивный шлем, утыканный сферическими и изогнутыми антеннами. Въедливый маленький обвинитель в голове холодным голосом выдавал один довод за другим, цитируя выдержку из нейроса: «Степень влияния грэйвхэдов на разум еще окончательно не изучена. Он вполне может оказаться источником потери памяти. В прошлом году триста двадцать человек, регулярно использующие подобные механизмы защиты от информации, обратились за медицинской помощью в связи с жалобой на частичную потерю памяти». Однако проворный и хитрый защитник не сдавался: «Окончательно не изучена, то есть не доказана…».

С момента появления первых моделей в продаже к производителю не было предъявлено ни одного судебного иска, — вклинилась Ма.

Илон вздохнул, не зная, что и думать. Лишь утешался мыслью о том, что это всего лишь собственный разум, желая избавиться от неприятных воспоминаний, упрятал кошмар глубоко и надежно. Сработал как предохранитель, ограждая своего владельца от излишних переживаний. Илон как-то читал, что некоторые жертвы насилия иногда не могли вспомнить, что с ними происходило на самом деле. И он надеялся, что сейчас с ним случилось нечто похожее.

Тем временем впереди, за лобовым стеклом аэрокара, вырастал гигантский прозрачно-голубой купол Шэлл Сити — надвигался необъятной глыбой, величественной горой, чудовищной громадиной. Вид бескрайнего купола, до вершины которого не дотягивался взгляд, всегда действовал на Илона ободряюще. А сейчас еще и выступал своеобразной проверкой для памяти.

Слушая мерное гудение турбин аэрокара, чувствуя легкую вибрацию, Илон прикрыл глаза и попытался вспомнить, как

впервые увидел Шэлл Сити пятнадцать лет назад. Когда корпорация, создавшая целый живой мир под куполом, еще называлась Шэлл Индастриз и занималась исключительно научными разработками, а не развлечением похотливой толпы.

Илон улыбнулся, ускользая в счастливые воспоминания, — мягко скатываясь в прошлое, в теплое солнечное лето, когда Макс и Вен устроили ему экскурсию.

Он увидел фрагмент своей жизни ясно, во всех красках — как будто в лучах голографа. Тогда, полжизни назад, как, впрочем, и сейчас, купол поражал — грандиозностью, размахом и просто фактом своего существование. Со всеми своими огромными исследовательскими центрами, выстроенными у основания, сооружение напоминало гигантскую многолапую черепаху, несущую стеклянный бледно-голубый панцирь, — новое чудо света и настоящий монумент человеческого могущества.

От созерцания громадины, где таился полноценный мир размером в двести пятьдесят тысяч квадратных миль, захватывало дух. Он впечатлял куда сильнее, чем скоростной лифт, проложенный между Землей и Луной, или громадная станция Спэйс Нидл. А уж пятнадцатилетнего мальчишку…

Когда еще там, в Гринвуде, чумазые ребятишки с придыханием рассказывали ему о куполе и показывали его размер, разводя руки в стороны, словно бывалые рыбаки, хвастающиеся уловом, он думал — враки. Не могло быть такого, чтобы несколько миллионов человек жили здесь, на одной планете, и совершенно не представляли, что мир гораздо больше, чем им кажется. Неужели никто из них не смотрел на звезды, желая дотянуться до них, или хотя бы не пытался найти край своего плоского мира? И ладно бы под куполом царило какое-нибудь темное средневековье… Так нет, оказалось, что Шэлл Сити был создан по образу и подобию мегаполиса двадцатого века…

Аэрокар чуть тряхнуло, и Илон раскрыл глаза. Белая пасть проглотила машину, вокруг замелькали знакомые бледные стены, подсвеченные голубыми и желтоватыми огнями, убегающими далеко вперед — под основание Цитадели.

Машина, несколько минут назад разрезающая небо быстрой и вольной птицей, теперь еле тащилась — плыла жестяной банкой по белому рукаву тоннеля, где система безопасности уже вовсю набрасывала на нее лазурные сети. Одну за другой, прорезая материю в поиске опасности, вынюхивая чутким носом и высматривая сотнями глаз признаки угрозы. Скрещенные тонкими шпагами голубые лучи ложились на металл, на стекла, и машина переливалась небесно-голубыми отблесками, как

огромный кристалл цвета аквамарина под солнечными лучами.

С виду тоннель казался монолитным — длинный, гладкий и широкий рукав, выстроенный с расчетом на прохождение аэрогрузовиков. Но только с виду… Илон знал, что стоит системе лишь ухватить намек на опасность, как из потолка выскочат перегородки и запрут нарушителя в ловушке из глухих и непробиваемых стен. А там… да хоть бомбу взрывай. В прошлом году двое митфанов, взломав аэрокар одного из сотрудников, пытались проникнуть в Цитадель через этот тоннель. Продвинулись они неглубоко.

От осознания того, что сейчас и аэрокар, и его пассажира раздевают, как луковицу, снимая слой за слоем, с подозрением и предвзято разглядывают под лупой, разбирают буквально на атомы, Илон чувствовал себя неуютно. Больше всего он опасался, что в один прекрасный день какой-нибудь механический взгляд залезет к нему в голову и, порывшись в ней тщательно, найдет под завалами воспоминаний и мыслей связь с контрабандистом Капюшоном. А затем поступит, как и любой другой бездушный механизм, то есть донесет пьюрам. Но системе то ли было плевать на то, где и кто покупает кофе с кофеином, то ли она была не настолько совершенной, чтобы заметить это мелкое правонарушение.

Пять минут полета в белом тоннеле превращались в настоящее испытание и длились неоправданно долго, заставляя нервно ерзать на сиденье. Илон вспомнил про комнату из кошмара и подумал, что этот светлый переход вполне мог оказаться ее прообразом, переиначенным подсознанием на свой лад.

Бро, ушедший на время полета в спячку, издал неприятный треск, дернул косичками, когда невидимые цифровые щупальца добрались до его старых микросхем. Илон погладил его по черному панцирю, и на дисплее сложилась пиксельная улыбка, а горизонтальные полоски глаз растянулись в два кружка.

Когда аэрокар наконец-то замер перед массивной дверью, приятный женский голос ИИ Цитадели сообщил:

Опасность не обнаружена, доступ разрешен, личность подтверждена.

Створки дверей расходились молниеносно — так бойко, что человеческий глаз не мог уловить момент их движения. Доля секунды, аттосекунда… Илон много раз пытался поймать этот миг, но каждый раз проигрывал, и в итоге сдался.

Интел запрашивает разрешение на синхронизацию с корневым чипом, — сообщила Ма.

— Разрешаю, — ответил Илон, с неохотой впуская в свою

голову ИИ Цитадели.

Аэрокар еще немного проплыл, а затем плавно выпустил посадочные ноги. Дверца поднялась, и Илон с радостью покинул салон машины, где провел больше часа, изнывая от безделья и пытаясь понять, куда пропала часть его ночного кошмара. На стоянке было безлюдно; где-то вдалеке взревели турбины, и звук воем чудовища пронесся по лабиринтам гаража.

Илон вошел в лифт, и тот, ведомый всезнающей и всевидящей Интел, понесся на трехсотый этаж — к вершине Цитадели, которая на самом деле именовалась скучно и совершенно бездушно: «Центр управления Шэлл Сити». Однако все работники Шэлл Интертаймент, от рядового сотрудника до члена совета директоров, предпочитали называть ЦУШ — Цитаделью. Название давно пошло в народ, приклеилось намертво, как это бывает с меткими прозвищами, и вытеснило официальное из обихода. ЦУШ и выглядел как сказочная цитадель: высоченная серебристо-белая башня, уходящая заостренным перстом в облака и гордо возвышающаяся над всем вокруг, кроме купола.

Лифт летел и летел, оставляя под собой многочисленные отделы планирования, маркетинга, реалити-шоу и сериалов — всю эту шелуху, превратившую бывший научно-исследовательский проект в центр развлечений. Старушка-Земля уже давно разменяла пятый миллиард, на дворе твердо стоял век летающих машин, нанотехнологий, покорения космоса, имплантов и инфоинжекторов, но люди по-прежнему жаждали хлеба и зрелищ.

Бро парил над плечом, руки-косички шелестели над ухом; канареечно-желтый смайлик дремал на футболке, закрыв глаза и высунув красный язычок. Когда двери лифта распахнулись и голос Интел оповестил о прибытии к месту назначения, до годтайма оставалось полчаса.

Всего тридцать минут, сладострастно подумал Илон, предвкушая удовольствие — удовольствие созидания или удовольствие… разрушения.

Время ритуала, великого таинства, священной церемонии. Над столом висит широкий экран, обнажая шэлла: показывая его биометрику, его сокровенные мысли и самые потаенные желания, отслеживая каждый вздох. Под руками парят виртуальные клавиши, вспыхивающие от легкого касания кроваво-красным цветом, словно древние колдовские руны. Магические буквы складываются в слова, а слова — в могущественные предложения. Сердце замирает, когда кусок текста улетает к редактору, чтобы затем обрести жизнь. Горящие глаза не мигая следят за

полноценным актом творения. За чужой судьбой. За тем, как она, подобно буйной реке, неожиданно сворачивает в иное русло, выходит из берегов и меняется до неузнаваемости, к всеобщему удивлению близких и родных…

В светлом, как и все в Цитадели, коридоре не было ни души; за панорамным окном простирался купол Шэлл Сити, уходя высоко в небо и катая по своей поверхности, как по горке, солнечные блики.

Ну, здравствуй, Эдвард! — улыбнулся Илон и приложил ладонь к окну. — *Давно не виделись. Я скучал.*

Двери разошлись, открывая для взгляда просторный круглый зал; шум голосов ворвался в коридор, разбивая глубокую тишину хриплым смехом.

В зале, обставленном по кругу белоснежными столиками и стульями, находились трое: глава отдела Брюс, фьюжинер Юрий, которого все в Цитадели в шутку называли Гагариным в честь какого-то астронавта прошлого, и юный хаосмастер Инста.

Брюс кивнул, Гагарин обернулся на звук шагов и бросил равнодушный взгляд, Инста пряталась за работающим экраном, копошилась за ним тихой мышью и не высовывалась.

Вид у начальника был заспанный и помятый — похоже, ночь провел в Цитадели; седеющие темные полосы торчали в двух местах изогнутыми рожками. Брюс сидел на стуле, откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу; его большие темные глаза смотрели сквозь прозрачный экран на Гагарина, чья лысая голова блестела, словно бильярдный шар. Гагарину, как и Брюсу, было чуть за пятьдесят, оба они пережили войну, у обоих были дети. Поэтому не было ничего удивительного в том, что им всегда находилось, о чем потрещать. И также не было ничего удивительного в том, что зал пока пустовал: мастера хаоса начнут собираться к годтайму.

Илон прошагал до своего места и опустился на стул. Бро спикировал к ногам и устроился под столом, где расправил лапки и теперь напоминал черное выпуклое солнышко, упавшее на пол.

Илон с беспокойством посмотрел на Инсту, не желающую выглядывать из своего укрытия. Теперь их разделял не только ее экран, но и трехмерная разноцветная карта в центре зала. Она медленно вращалась, показывая прекрасный Шэлл Сити со всех сторон; желтый огонек порхал над ним светлячком, жил, казалось, в окне каждого дома и, широко раскинув лучи, отдыхал на зеленых лугах фермерских угодий, заливая их светом цвета меда. В Шэлл Сити, как и в Лост Арке, наступил теплый летний день.

— Короче, — говорил с улыбкой Гагарин. — Вчера был еще

один кадр. На вид весь из себя такой красавчик, в костюмчике, волосы уложены, зубы белее снега. Ну хоть картины пиши. Я в его профиль заглядываю… — он выдержал паузу, — и вижу в графе «желание»: стать бродягой, — с явным возмущением проговорил он. — Понимаешь, Брюс, он отсыпал пятьдесят тысяч лайков, чтобы на целый час оказаться в шкуре бомжа. У меня это до сих пор в голове не укладывается. Всякого я навидался на работе. Но такого чуда еще не было. И главное — ушел довольный такой, окрыленный. Явно еще вернется — придурок, — Гагарин покрутил пальцем у виска. — Скажи мне, Брюс, чего им всем надо? Ну ладно там пришить кого-нибудь или снасильничать. Инстинкты, похоть — дело понятное. Даже желающих сигануть с крыши многоэтажки я могу понять. Острые ощущения, интересно посмотреть, что там, за границей между жизнью и смертью, и все такое. Но стать бомжом… И ведь пришел сам, без направления. Вот уж счастье: нюхать собственную вонь или рыскать по помойкам.

— Ну, наверное, это какая-нибудь форма мазохизма, — Брюс улыбнулся и посмотрел поверх экрана. — А, Илон, сегодня у нас новенький. Проведи ему инструктаж. Растолкуй, что да как.

— Новенький? — удивился Илон, скользнув взглядом по пустующим стульям.

Найти работу в Лост Арке в принципе было проблематично, а уж получить ее в Цитадели — не проще, чем сорвать джекпот в казино. За место держались руками и зубами, и чтобы потерять его, требовалась очень веская причина. Вроде несчастного случая со смертельным исходом.

— Ты что, не в курсе? Ву на три года решил уплыть на глубину.

Илон опустил взгляд на стул по левую руку от себя, где когда-то сидел Ву. Их нельзя было назвать друзьями, но они часто зависали вместе. В том числе и в виаре.

На три года… Откуда у него столько лайков? Неужели решил махнуть на оцифровку и прокутить все средства на глубине? Кто будет следить за ним все эти три года — ухаживать, снимать показатели, проводить профилактические массажи, кормить и прочее, пока он покоряет виртуальные миры?.. Кроме двух андроидов, у него больше никого не было, да и надеяться на андроидов в таком деле. А виар-приюты ломили за год обслуживания баснословные цены. И вообще зачем он решил уйти? Этого Илон не понимал.

— Да он наверняка уже весь инфой обкололся, — отмахнулся Илон, не желая нянчиться с новичком.

— Ага, — подтвердил Брюс. — Но ты все равно покажи ему,

как все устроено. Присмотрись, что за перец. У тебя глаз на митфанов наметан.

Глава 2. Цитадель. Часть 2

Илон недовольно кивнул, лесть нисколько не скрашивала просьбу. Ну выявил он однажды митфана среди мастеров хаоса. Да там бы кто угодно справился. Просто повезло. И теперь получается, что его будут приставлять нянькой к каждому желторотому сотруднику?..

Как там его звали… Илон напрягся, в очередной проверяя память на прочность. Слово крутилось в голове, каталось на языке, но все никак не обретало ясности. А… Ан… Антонио или Антон. Нет, Антонио. Да, точно Антонио.

Антонио — тощая дылда с черными, лоснящимися волосами до плеч и носом, как у Пиноккио.

Антонио — наверняка бесталанный и несчастный человек, живущий на сытое пособие. Дон Кихот наших дней, воюющий с ветряными мельницами — с мифической Цитаделью Зла.

Антонио и его разговоры про свободу и рабство, его сочувственные взгляды на митинги под Цитаделью… Такой же шизик, как робофаны и реалфаны. Странно, что ни СБ, ни Интел ничего не заметили — видимо, в его мозгах недурственно покопались перед тем, как запускать в Шэлл Интертаймент.

Довольный восстановленной картиной прошлого, Илон поднялся и смело приблизился к столику, за которым сидела Инста, прячась от всего мира.

— Привет, — добродушно сказал Илон.

Угрюмая девушка, совсем молоденькая и короткостриженая, почти лысая, подняла на него глаза. Один тускло светился, второй заплыл, укрывшись под налитой кровью гематомой. На щеках и на носу таяла голубая пенка наноидов, скрывая синяки, ссадины и царапины.

— Чего тебе? — шепеляво спросила Инста, еле двигая опухшими губами.

Илон не уловил смущения, стыда — только нотки раздражения.

— Хотел помочь, — ответил он, уткнувшись взглядом в ее стол, где белел выбитый зуб и угасал, изгибался пустой тюбик с лечебными наноидами.

— Хэлсиды есть? — поинтересовалась она устало, словно из последних сил.

— А… Да. Сейчас. Бро!

Дрон с жестяным шелестом метнулся из-под стола и черной медузой завис над экраном Инсты.

— Дай мне наноиды.

Лапка Бро змейкой юркнула под днище и извлекла оттуда светлый тюбик с красным крестом на поверхности. Через несколько секунд голубая мазь толстым слоем покоилась на раздутом веке, на распухших губах, на сбитых костяшках пальцев.

— Утренняя разминка? — невесело улыбнулся Илон.

— Типа того.

— Могла бы взять отгул.

— П-ф! — дунула она оскорбленно и поежилась от боли.

— Оно того стоило? — Илон обвел указательным пальцем вокруг своего лица.

— Полуфинал.

— Поздравляю, — вздохнул он и вернулся на свое рабочее место.

— Илон, — лицо в забавной голубой маске высунулось из-за экрана Инсты. — Спасибо, — она потрясла пустым тюбиком и покосилась на вход.

В зале хаосмастеров появился незнакомец. Выглядел он немного потерянным: озирался по сторонам и ступал робко, как по тонкому льду.

Новичок, конечно, новичок, не сомневался Илон, разглядывая умопомрачительную прическу незнакомца. Желто-медные волосы стояли дыбом, а их кончики сводились в заостренную кисточку — наподобие тех, какими Мэй писала настоящие картины.

Такой антенной, наверное, можно сигналы из космоса принимать, — с иронией подумал Илон.

— Мне нужен…

— Иди сюда, — Брюс махнул ему рукой.

Инста резко подняла свое лицо, покрытое голубой пеной, из-за экрана, и новичок отшатнулся от нее, как от огня. Гагарин хрипло усмехнулся. Брюс улыбнулся, но сразу принял серьезный, невозмутимый вид.

— Вон там твое рабочее месте, — услышал Илон, включая экран.

Через несколько секунд к его столу протянулась худая, бледная рука.

— Денис. Но друзья зовут меня Дэн.

Илон пожал ладонь и тоже представился:

— Илон. И друзья зовут меня Илон.

Дэн сел на свой стул, с удивлением покосился на дрона, дремавшего у ног Илона, и включил экран.

— Красные зоны и красных шэллов не трогай — это для Цивы и прочей фигни. Золотых тоже не трогай — в них пассажиры. С синими делай, что пожелаешь.

— Знаю, — ответил Дэн. — Прошел ускоренный курс

обучения, — с непонятной гордостью заявил он.

Самоуверенный болван, — подумал Илон, провожая взглядом уходящего Гагарина, который пару секунд пялился на новичка — видимо, узнав в нем клиента.

В зал начали стекаться мастера хаоса, когда Илон набрал первые строчки черновика: *«Эдварду не хватает денег на избирательную кампанию. В двенадцать часов дня он едет в ближайший киоск и покупает лотерейный билет…».*

* * *

Борода…

Черная, как уголь, и аккуратно подстриженная. Совсем не та длиннющая борода, что традиционно болтается у жрецов высшего духовенства. И уж, конечно, совсем не та борода, что спутанными, мохнатыми гроздями отвратительно свешивается с опухшей морды какого-нибудь пьянчуги. Но… все-таки борода. Борода и… усы.

Эдвард примостился на стуле в гримерке телеканала «Саншайн» и изучал свое задумчивое отражение, пока воздушные пальцы кудесницы, словно крылья бабочки, кружились над его макушкой, укладывая завитки темных волос.

Борода была палкой о двух концах, сторонами одной монеты, плюсом и минусом. Камнем преткновения, о который не один пиарщик сломал свой острый меч, желая отправить ее под бритву. Все они, ухоженные и прилизанные, морщились при виде бороды, недвусмысленно высказывая свое презрительное «фи». Она, видите ли, старит. Она, понимаешь, не нравится избирателям-технократам, да и нейтралам тоже. Некоторые не ходили вокруг да около, а говорили прямо: «Многим представителям среднего класса борода кажется архаикой, своего рода атавизмом и вызывает нехорошие ассоциации с невежественным мужиком из дремучего леса». Архаика, атавизм… Шэлла-Спасительница, слова-то какие! Слова — не слова, но, согласно последним опросам, от своего главного соперника он, Эдвард Скам, все еще отставал на пять процентов. И, в отличие от него, Юко Накамура, будь она проклята, в силу понятных причин не носила бороду. С другой стороны, никто вообще не ожидал от обычного и неизвестного фермера такой прыти. Пять процентов — всего лишь пять процентов. И, если подумать, борода тоже принесла немало очков. Она нравилась зеленым районам, а духовенство было от нее в полном восторге.

Нежные, едва уловимые прикосновения молодой и

обаятельной гримерши никак не давали Эдварду сосредоточиться на предстоящем интервью. Она мило улыбалась, когда замечала его растерянный взгляд, тихо шелестела своим тонким васильковым платьем и божественно пахла — жасмином, черной смородиной, мандаринами… Эдвард старался дышать спокойно, вполсилы, но шустрые яркие запахи все равно настырно просачивались в самый мозг, где взрывались оглушительным салютом ароматов.

Эдвард посмотрел на часы: «10:35». Казалось, белая секундная стрелка ползет по черному кругу циферблата черепахой.

Еще десять минут до начала. Память играет с ним… Он уже слышит нарастающий шум: оглушительные и лживые аплодисменты несутся роем огромных цикад, воздух дрожит от напряжения — стрекочет, словно по нему проскакивают электрические разряды; в груди холодеет от ледяных улыбок, а перед глазами мелькает несколько десятков мужских и женских незнакомых лиц. Они сияют в свете студийных прожекторов, а затем… размываются, словно мир во время дождя, и ускользают за призрачную вуаль — остаются где-то там, далеко-далеко, — за порогом Шэлл Сити, среди мертвой пустоты…

Эдвард грустно улыбнулся, вспоминая свое первое публичное выступление. О, это было потрясение! Когда его, взмокшего и испуганного, почти невменяемого, впервые выставили в центре оживленного стадиона. Ноги тогда сделались чужими и все норовили его подвести, а влагой из мокрой рубашки можно, наверное, было наполнить ведро. Он выслеживал кабанов и волков — смело, решительно, с каменным лицом, но перед улюлюкающей толпой оказался беспомощным, как новорожденный теленок. И каждый объектив кинокамеры хищным дулом упирался в голову, в грудь, и, казалось, какой-нибудь из них обязательно громыхнет подлым выстрелом.

— Скажите честно, как вам моя борода?

— Вам идет, — улыбнулась гримерша.

Эдвард хотел спросить ее о предпочтениях на предстоящих выборах, но проглотил вопрос, решив не сбивать себе боевой настрой перед интервью. Что, если гримерша ответит «нет»? Он непременно расстроится, как глупый мальчишка, которому только что разбили сердце. Пусть лучше дальше укладывает ему волосы и пудрит его красные от духоты щеки. Август Фокс — тот еще фрукт. Глазом моргнуть не успеешь, как загонит в ловушку. Интересно, за кого он будет голосовать?

Отражение в зеркале поджало губы. Если Фокс его сторонник, то это только на руку. Но если нет, то придется его переубедить.

Причем переубедить так, чтобы после интервью он с удовольствием пожертвовал все свои сбережения на нужды зеленой партии. Эдвард ухмыльнулся в усы, живо представляя, как матерый журналюга выписывает чек с шестизначной суммой.

Перед тем, как очутиться здесь, в гримерке «Саншайна», на шоу «В Шэлл Сити всегда солнечно», он просмотрел с десяток интервью, желая найти слабое место Фокса. И, как показалось, нашел. Это была правда — откровенная, иногда шокирующая правда. Но Фокса она обезоруживала. Он немного терялся, когда на неудобные, грязные и интимные вопросы ему вдруг отвечали без стеснения и откровенно. О внебрачных детях, о разрыве двадцатилетнего брака, о сексуальных предпочтениях, об изменах и о вкусе дыма забитого косяка.

Правда и уверенность, — подумал Эдвард. — *Пусть роется в грязном белье, сколько душе угодно. Сам и испачкается.*

В гримерку заглянул щуплый темноволосый парнишка лет восемнадцати и, хлопая большими черными глазами, запыхавшись, произнес:

— Мистер Скам, пора.

За парнишкой в дверном проеме возник телохранитель Боб — великан с сердитой бульдожьей мордой. До того, как его увидеть, Эдвард считал себя крупным мужчиной, но после встречи с ним пересмотрел свои взгляды. Да, теперь у него, у обычного фермера из зеленого захолустья, был не только личный водитель, но и самый настоящий телохранитель, который следовал за ним тенью. Увы, эта тень умела еще и говорить, причем, как ни странно, иногда довольно умные вещи. Но сейчас громадная тень, занявшая все пространство дверного проема, молчала и просто взирала на него немигающим взором.

Эдвард поднялся и критическим взглядом смерил свое отражение. Галстук цвета зеленого яблока лежал на груди ровно, темно-синий костюм на крупной фигуре сидел как влитой, о стрелки брюк, казалось, можно было порезаться — только пальцем проведи, а начищенные туфли, вне всякого сомнения, годились для того, чтобы пускать солнечных зайчиков.

Расправив плечи и выставив грудь колесом, он последовал в коридор. Пусть все видят — вот идет будущий мэр Шэлл Сити. Не человек — глыба, гора, которую не сдвинуть никому на свете. Полный сил, несгибаемый и… с бородой.

— Мистер Скам, — окрикнула его гримерша.

Он остановился и повернулся, подумав, что о чем-то забыл.

— Просто хотела сказать, что буду голосовать за вас.

Эдвард поймал ее теплую улыбку и тоже улыбнулся в ответ, только сейчас осознав, что не знает имени этой чудесной

девушки, сделавшей правильный выбор. Улыбка была почти осязаема. Этот маленький кусочек солнца, поддержки и счастья будто раскрылся незримой волшебной накидкой, нежно лег на широкие плечи, и Эдварду показалось, что теперь он неуязвим.

И все же, когда рокот оваций и музыки ударил по ушам, а глаза ослепили студийные прожектора, он вдруг подумал: «Шэлла, зачем я во все это ввязался?!!». Мысль возгорелась на мгновение и растворилась в темноте, как искра, взметнувшаяся над ночным костром.

— Я думаю, вы все узнали нашего гостя?!! — сквозь шелестящий океан света прорвался голос. — Конечно, это Эдвард Скам! Кандидат в мэры Шэлл Сити, в котором… — Август подставил ладонь к уху. — Что?!!

— Всегда солнечно!!! — взревела трибуна, когда Эдвард оказался в центре съемочного павильона.

Нестройный хор голосов проскакал табуном, ударился о стены и разбежался по коридорам. Статисты угомонились, отбив ладони, и молча застыли на своих местах, точно глупые птицы на жердочках. И глядя на них, не замечая их лиц, только неясные образы, Эдвард понял, что больше почти не боится появляться на публике, лишь направленные камеры все еще ворочали в груди холодный колючий ком. Каждое новое интервью, каждое новое выступление подтачивало страх, отгрызало от него по кусочку, и Эдвард надеялся, что со временем он вообще забудет о нем, как о ночных кошмарах. Но, видимо, не сегодня.

Ведущий, высоко поднимая уголки губ, словно скалясь, встал и протянул руку. Эдвард осторожно пожал ладонь своего будущего «дознавателя». Рука Августа Фокса оказалась совсем худой, мелкой и гладкой, как у ребенка. А сам он, несмотря на говорящую фамилию, походил больше на барсука или скунса, чем на лиса. Не было в нем ничего от лисицы: ни рыжей шевелюры, ни грации, ни острого носа, ни хитрых глаз. Зато в темных пышных волосах белели продольные сугробы седины.

— Мистер Скам, Эдвард, — не переставая лыбиться, Август так развел руки, словно хотел его обнять. — Наконец-то вы здесь! Я очень рад… Вам кто-нибудь говорил, что у вас прелестная борода?

Трибуна взорвалась наигранным смехом. Но Эдвард подавил раздражение, проглотил его, всем своим видом показывая, что ему нет дела до каких-то там колкостей. Он расстегнул пуговицу на пиджаке и опустился в кресло — спокойно, с каменным лицом посматривая на интервьюера холодным ясным взглядом.

— Ну а если серьезно: как так случилось, что обычный фермер вдруг решил стать политиком?

Эдвард подумал, что хотел бы и сам знать точный ответ. Это было какое-то озарение, словно сама Шэлла нашептала на ухо свои желания, когда он, потный от полуденного солнца, бродил среди высоких зарослей кукурузы. Но такое объяснение вряд ли устроило бы ведущего, да и звучало слишком религиозно для технократов.

— А почему нет? Я люблю Шэлл Сити, как и все мы, и хочу сделать его лучше. Моя ферма входит в тройку лучших, работает как часы, а конкурс на любое вакантное место на ней составляет от пятнадцати до двадцати человек. И, конечно, ее работники ни в чем не нуждаются. Но у меня осталось еще очень много энергии, очень много сил, и, полагаю, я сумею найти им прекрасное применение на посту мэра. К тому же, мне кажется, Юко засиделась в своем кресле. Шэлл Сити нужны новые люди. Со свежим взглядом на проблемы, которые, на мой взгляд, не решаются годами.

— Хорошо. Раз уж вы заговорили о проблемах, то какую бы из них вы назвали ключевой?

— Конечно, экология. Здоровая еда, свежий воздух, чистая вода. В конце концов, мы то, что мы едим, чем дышим и что пьем.

— Спасибо за откровенность. Обычно представители вашей партии не склонны так открыто говорить о своих приоритетных задачах. И я их понимаю. Ну а вы — вы не боитесь отпугнуть некоторых избирателей подобными заявлениями? Вам же известно, как вас называют?

— ? — Эдвард не хотел сам произносить это слово.

— Дровами, — улыбнулся Август, разгадав маневр и решив подыграть. — Многие городские жители опасаются, что вы хотите вернуть нас в каменный век.

— Ах, вы об этом, — Эдвард театрально закатил глаза. — Послушайте, хватит воспринимать фермеров как каких-нибудь пещерных людей, — он на мгновение обернулся к аудитории. — Мы ведь тоже пользуемся комбайнами для сбора урожая, смотрим передачи по ТВ и звоним по телефону, чтобы вызывать врача. Врача, Август, а не знахаря из землянки! Однако я также вижу, как задыхаются промышленные районы и как с каждым годом в родильных домах появляется все больше больных младенцев. Вот что я вижу, Август. И если мы сейчас не займемся экологией, то… — Эдвард состроил страдальческую мину. — Что касается дров. Не вижу в них ничего плохого. Дрова — это тепло, идущее от раскаленного камина в холодный зимний день. Дрова — это сытное блюдо, тонко пахнущее дымком. Дрова — это яркое пламя костра, играющее искрами. А пламя — это отражение Шэллы, которая сгорела во имя всех нас, чтобы развеять тьму.

Послышались робкие одинокие хлопки, через секунду они стали увереннее, громче и наконец ухнули салютом.

Эдвард выдохнул, понимая, что слишком увлекся, поддаваясь жару риторике. Последняя фраза выглядела чересчур религиозной. Но публике, судя по не гаснущим овациям, вроде бы понравилось.

Глава 2. Цитадель. Часть 3

— Я слышал, что у вашей партии несколько дней назад возникли непредвиденные финансовые сложности. После определенных трагических событий, — сказал Август в стихающем шуме. — Это правда?

Этого вопроса Эдвард не ожидал. Весть о дыре, появившейся в партийном бюджете после скоропостижной смерти ее главного спонсора, разлетелась быстрее, чем он предполагал. Хотелось банально соврать Августу, но, глядя на его хищный оскал и чрезмерно внимательный взгляд, Эдвард решил, что стоит придерживаться прежней линии обороны. То есть не врать. Совсем. Ни единого лживого слова.

— К сожалению, да. Бедный Джон. Умер в самом расцвете сил, — со страдальческим видом произнес Эдвард, хотя важного спонсора видел лишь однажды и даже не разговаривал с ним толком. — Легкого ветра его пеплу.

— И что вы будете делать?

— Куплю лотерейный билет, — неожиданно для самого себя выпалил Эдвард.

Смех прокатился по студии, а ошеломленный Эдвард выпал из нее, будто убегая от волны гогота публики. Мысль, казалось, миновала разум, родилась сразу на кончике языка и совершенно безвольно выпорхнула между зубами. Как? Как он до такого додумался?!! И зачем он это ляпнул, выставляя себя на посмешище? — безумной каруселью вертелись вопросы, и он крутился вместе с ними, забыв, что дает интервью.

— С вами все хорошо? — спросил кто-то в темноте.

— Да, простите, — очнувшись, сказал Эдвард. — Хотите еще что-нибудь узнать?

— Конечно. Я не могу не спросить о том, что волнует каждого жителя Шэлл Сити. Как вы планируете бороться с ПД и СИПРО, если станете мэром?

— Не «если», а «когда», — скромно улыбнулся Эдвард.

К этим вопросам он был готов. Не так основательно, как хотелось бы, но во всяком случае не ощущал себя полностью безоружным.

— Скажите, вы помышляете о том, чтобы сделать себе крылья и полететь к звездам? — спросил Эдвард.

— Конечно, нет, — честно ответил Август и поморщился — мол, что за чушь.

— Так, может, не стоит задумываться и о проклятии десяти? Принять его как данность. Как старость, как смерть, как грустное

расставание с другом или возлюбленной, как боль, которая неизменно возникает в ушибленном колене. Мы не хотим, чтобы все эти неприятные и ужасные вещи происходили, но они все равно случаются со всеми нами. Так, может быть, стоит просто принять ПД как, например, время, текущее из прошлого в будущее, а не наоборот. Мы ведь не можем повернуть его вспять? И летать, как птицам, нам не дано? — Эдвард с прищуром, сквозь свет студийных прожекторов, взглянул на Августа. — Я общался со специалистами в этой сфере. Вы ведь знаете, что они говорят? Они считают, что самой природой Шэлл Сити заложен некий механизм, который контролирует нашу численность. По их подсчетам, будь нас не десять миллионов, а пятнадцать, то треть населения страдала бы от голода и жажды. А если бы нас было в три раза больше, то мы опустошили бы все вокруг, как рой саранчи. И это не мои слова, насколько вы понимаете.

Только сейчас Эдвард понял, что говорит в полной тишине. Ни смешка, ни шепотка, ни скрипа студийных кресел. Публика, как и Август, слушали его во все уши; ни один волосок не шелохнулся в черно-белой мохнатой шевелюре Фокса. И Эдварду эта звенящая тишина, как и застывший барсук в человеческом обличие, безумно нравились. Его обсмеяли за глупую шутку, природа которой была не менее странной, чем причина ПД, но он выстоял и теперь отыгрался, заставив к нему прислушаться.

— А теперь о синдроме провалов. Тут, я полагаю, есть над чем поработать. Насколько я осведомлен, ни в одном из исторических документов не содержится сведений о массовых провалах в памяти. Первые случаи начались пятнадцать лет назад. Хотя, конечно, вам всем и так об этом известно. Многие ведущие ученые нашего города связывают распространенность СИПРО с… — Эдвард повернулся к аудитории, — экологией. Телекоммуникационные системы, опутавшие наш любимый мир, будто огромный спрут, каждую секунду излучают электромагнитные волны. Вы только вдумайтесь, каждую секунду невидимая сила омывает наш разум, и воздействие этой силы до конца не изучено, будь то изображение на кинескопе моего телевизора или излучение микроволновки. — Он демонстративно поднял ладонь, предвидя шум трибуны. — Естественно, это вовсе не означает, что мы вдруг должны отказаться от всех благ цивилизации. И пересесть с автомобилей на лошадей. Отнюдь! Но я обещаю вам, что приложу максимум усилий для того, чтобы сделать Шэлл Сити чище, и если уж не одолеть СИПРО полностью, то уменьшить число его проявлений. Так что голосуйте за меня! Голосуйте за Эдварда Скама! Голосуйте за чистый Шэлл Сити!

Август, едва заметно покачивая головой, словно размышляя над чем-то, захлопал первым. А затем его пылко поддержали трибуны. Приятный для уха шелест одобрения заставил Эдварда скромно улыбнуться. Он ничуть не сомневался, что сейчас со стороны выглядел довольным, как кот, объевшийся сметаной. Но его это совсем не тревожило.

— Это был Эдвард Скам! — громко сообщил Август, пожимая Эдварду руку. — Возможно, наш будущий мэр. Надеюсь увидеть вас снова!

Под шум теплых и вроде бы искренних аплодисментов Эдвард покинул студию и оказался в коридоре, где сразу наткнулся на бдительного телохранителя. Но даже его круглая и бульдожья физия нисколько не портила момент триумфа.

— Вижу, все прошло неплохо, — заключил Боб.

— Надеюсь, надеюсь.

— Мне понравилась ваша шутка про лотерейный билет, — усмехнулся телохранитель.

— А кто сказал, что это было шутка? — серьезно спросил Эдвард.

Боб удивленно захлопал глазами, а потом произнес.

— По мне, этот Фокс — весьма скользкий тип

Эдвард хоть и согласился, но промолчал и лениво последовал к выходу, не замечая шастающих людей. Ему не хотелось сейчас ни обсуждать Фокса, ни болтать с прилипшим телохранителем. Он желал только одного: поскорее очутиться в своем загородном доме, побродить среди деревьев, вдохнуть пьянящий аромат яблонь и слив, приласкать детей, прижаться к жене, а, быть может, взять мозолистыми руками лопату и поковыряться в земле. Без всякой цели взрыть ее и побросать, ощущая приятную тяжесть в руках. Это было уже третье интервью за сегодня, вечером предстояло посетить еще два мероприятия.

Солнце сияло на крыше черного автомобиля, тихо урчал движок. От раскаленного асфальта делалось совсем жарко, и Эдвард потянул узел галстука, а когда забрался в машину, сдернул его совсем. Эту проклятую удавку, эту зеленую змеюку, обвившую его шею.

В салоне гудел кондиционер, приятно остужая тело. Боб захлопнул дверь и сел впереди.

— Куда сейчас, мистер Скам? — спросил водитель.

— Домой, — с облегчением вздохнул Эдвард.

Он посмотрел на часы: «11:09». До пригорода добираться почти час, затем еще минут сорок ехать до дома, это если не застрять в пробке.

Машина тронулась с места, тихо шурша шинами. За стеклами

поплыли нижние этажи серых зданий, разноцветные витрины магазинчиков и закусочных. Однако впереди, на перекрестке, в свете сине-красных огней что-то происходило. Раздраженные водители выстроились железной гусеницей и загудели, подавляя шум обычной уличной суеты.

— Ну прекрасно! — всплеснул руками Эдвард. — Только этого не хватало. Объехать сможем?

— Постараюсь, — ответил водитель, высматривая просвет в очереди машин.

Внезапно на стекло глухо шлепнулась ладонь, и Эдвард вздрогнул. Со стороны улицы на него безумными глазами смотрела женщина лет сорока, в черной юбке и белой блузке.

— Вам все врут! Врут! — кричала она, отчаянно шлепая ладонями по стеклу, будто хотела залезть в салон. — Освободитесь! Освободитесь!

Боб незамедлительно выскочил, заломил ей руки и оттащил в сторону, озираясь по сторонам. К нему подбежали двое копов в черной форме и уложили женщину на асфальт, вкалывая успокоительное. А она все кричала и кричала, фыркала и стонала, — перед цветочной лавкой. Пока не замолкла от укола.

Телохранитель вернулся, нервно хлопнул дверью. Машина потихоньку тронулась вперед. Никто не сказал ни слова, все и так знали, что произошло, — СИПРО. Конечно, это был СИПРО, превративший милую женщину в сумасшедшую дуру. Пораженные этим синдромом либо несли всякую белиберду, как эта несчастная, либо творили совсем уж дикие, бесчеловечные вещи, о которых Эдвард не хотел даже думать. Горожане так привыкли к каждодневным вспышкам этой необъяснимой заразы, что даже перестали ей удивляться. Вопившая женщина, скрученная сперва Бобом, а затем брошенная на асфальт двумя копами, не собрала и трех любопытных зевак; только продавец суетливо выбежал из лавки, чтобы занести выставленные цветы. Прохожие продолжали спокойно себе топать вдоль по улице, спешили по своим делам, безмолвно огибая невинную жертву, как лужу. Или вроде того…

А женщина вскоре очнется и ничего не вспомнит. Совсем ничего. Ей будет ужасно стыдно, она станет переживать и глотать таблетки, чтобы заглушить стресс. Но никто во всем Шэлл Сити не скажет, что с ней произошло и по какой причине. СИПРО просто есть, как воздух, как небо, как звезды на нем, до которых никогда не добраться, потому что у шэллов нет крыльев, и летать они могут только вниз, спрыгнув с крыши дома или сорвавшись со скалы в попытке увидеть край мира.

Пробка впереди рассосалась полностью, и машина наконец-то

набрала ход. Краем глаза Эдвард заметил газетный киоск и опять вспомнил про свою неудачную шутку. Но шутку ли? За последние несколько месяцев с ним произошло столько невиданных чудес, что выигрыш кругленькой суммы в лотерею не казался чем-то невероятным.

— Остановись у Цзы, — предупредил Эдвард. — Хочу кое-что купить.

— Хорошо, мистер Скам, — ответил водитель.

Телохранитель обернулся:

— Вы правда это сделаете?

— А что мне мешает?..

Машина выскочила из оживленных кварталов и понеслась резвой лошадью по полупустым улицам. Эдвард глянул на часы: «11:15», а потом расстегнул пуговицу рубашки на груди и кончиками пальцев стиснул медный треугольник — символ огня, символ великой жертвы богини Шэллы.

До того, как началась вся эта удивительная политическая свистопляска, он не считал себя особо верующим человеком. Носил медный знак на шее, ходил в храмы, кормил в нем священный огонь, просил вместе со всеми богатые урожаи, но делал это исключительно ради того, чтобы в его сторону и в сторону его родных не бросали косые осуждающие взгляды. Но теперь… Теперь он знал, что у него есть искра-хранительница, которая зачем-то расчищает (иногда довольно сурово) ему путь к высшему посту Шэлл Сити и почти ни в чем не отказывает. Быть может, и идея уладить финансовые проблемы партии возникла не сама собой, а была самым что ни на есть божественным промыслом.

Ну да, конечно! — воскликнул про себя Эдвард. — *И почему он сразу не подумал об искре! И ведь сегодня был понедельник, а по понедельникам, средам и пятницам его желания почти всегда сбывались. Только бы Цзы была не месте,* — подумал он, размышляя о ее несчастной судьбе.

Цзы — невысокая женщина с раскосыми глазами, остающаяся приятной, невзирая на все невзгоды. У нее было двое детей, а муж, бывший фермер, погиб в перестрелке, когда его поразил СИПРО и когда его второму малышу едва исполнился год. Просто ворвался в центральный полицейский участок и начал полить по всему, что движется. Убил двух копов перед тем, как его самого застрелили.

Конечно, фермеры не оставили ее в беде, как и многих других несчастных собратьев, пострадавших от СИПРО. Сам Эдвард всегда покупал газеты и журналы только у нее, иногда даже специально ездил к окраине города, где находился киоск, чтобы

приобрести что-нибудь или просто дать овощей, фруктов и мяса.

Но сегодня, — решил Эдвард, — *он купит у нее пачку лотерейных билетов и, если один из них действительно окажется счастливым, то разделит с ней выигрыш, чтобы она больше ни в чем не нуждалась.*

От того, что он может помочь не только своей партии, но и бедной женщине с двумя детьми, у него стало тепло на душе, словно искра-хранительница залетела в него, освещая божественным светом сумерки его грешной души.

Молча, с большой радостью в сердце, поглаживая медный треугольник, Эдвард доехал до киоска.

На улице было спокойно, как всегда в спальных кварталах в это время; продавщица, тяжко вздыхая, перекладывала пухлые стопки журналов и газет. Не говоря ни слова, Эдвард вышел из прохлады салона в летний зной и с широкой улыбкой приблизился к Цзы.

— Эдвард, — обрадовалась торговка. — Приехал за своей любимой газетой?

— Нет, — он зловеще сверкнул глазами. — Хочу купить лотерейные билеты. Когда ближайший розыгрыш?

— В эту пятницу. Сколько тебе нужно?

— Все, что есть.

Цзы выпучила глаза от изумления, видимо, припоминая, что никогда прежде он не покупал у нее лотерейные билеты.

— Но их довольно много, — Цзы потрясла увесистой яркой пачкой над прилавком.

— Мне все равно, — улыбнулся Эдвард и посмотрел на часы.

Стрелки сошлись в одну белую тонкую линию, указывая на двенадцать часов. Где-то в городе тревожно завыли пожарные сирены.

* * *

На соседнем экране безмолвно ярилось пламя, бросая красно-желтые отсветы на припаркованные машины.

Горело высокое жилое здание — страшно горело, снизу-вверх, забивая душной, едкой копотью все входы и выходы. Дикий огненный зверь, почуяв свободу, уже вовсю бесновался на нижних этажах и, извиваясь, настырно рвался на верхние, шлепая красными, раскаленными лапами по стенам. Узкую улицу Шэлл Сити заволакивал серый, хмурый дым; гарь крупными лохматыми хлопьями, словно черный снег, плавала в горячем, маслянистом воздухе. Из окна на четвертом этаже выпал полуголый мужчина и

в танце гаснущих искр и серебристых осколков факелом полетел вниз…

Илон отвел взгляд и ожег им нового соседа — больной ублюдок. Сколько очков из месячного лимита он уже спустил на пожар? Скольких шэллов… убил в свой первый рабочий день, бросив их в топку неуемных капризов?

Новичок с маниакальной увлеченностью наблюдал, как пожарище перемалывает здание в угли, а те растирает в пепел. Как в красных, будто налитых кровью языках жертвенного пламени безумно мечутся загнанные шэллы, задыхаясь и сгорая заживо. Жуткая смерть — мучительная, незаслуженная и неоправданная.

Илон краем глаза уловил отблески сирен пожарного расчета и услышал, как Дэн раздраженно что-то прошипел под нос.

Время годтайма истекло, — сообщила Интел.

Они поднялись одновременно и встретились взглядами. Илон не скрывал отвращения; ненависть засела в нем жгучей иглой, воспламеняя взор, стискивая зубы и сжимая кулаки. Он еле совладал с ней. Глубоко вдохнул и медленно выдохнул, как учила Мэй.

— Что? Я что-то сделал не так? — растерянно спросил Дэн, не сумев разгадать взгляд темных раскосых глаз.

У самого Дэна глаза были большие и голубые. И лучились так ярко, словно в них все еще отплясывало жестокое пламя его рукотворного хаоса.

— Халтура, — неодобрительно поморщился Илон.

— Халтура? — не понял Дэн. — Но разве…

— Устроить пожар и пустить несколько шэллов на пепел — много ума не надо, — как будто равнодушно пояснил Илон. — Банально, бесхитростно, неинтересно, — он разочарованно махнул рукой, скучающе зевнул и, демонстративно отвернувшись, вразвалочку направился к выходу.

В коридоре Илон сбавил шаг, пропуская вперед хаосмастеров и с горечью переваривая увиденное. После того, что выкинул этот рыжий псих, кое-что прояснилось: Дэн не подарок, но точно не митфан, потому что никакой митфан не станет уничтожать объект своего обожания, да еще и таким чудовищным способом. Конечно, пожар мог быть устроен намеренно, чтобы отвлечь внимание, показать, что он, новый хаосмастер, весь в доску «свой» и плевать хотел на жизни невинных шэллов. Но стоило Илону об этом подумать, как во мраке размышлений сразу проступали блестящие от удовольствия глаза Дэна, где колыхалось радостное пламя, и хлипкая версия о притворстве новичка разваливалась, как карточный домик.

Глава 2. Цитадель. Часть 4

Дэн настиг его у дверей лифта и, бросая встревоженные взгляды на других мастеров хаоса, с беспокойством спросил:

— Может, пояснишь, что я делаю неправильно?

— Вы едете или нет? — проворчали из набитой кабины лифта.

Илон задумался, слушая, как Бро, зависший над ухом, тихо шуршит старыми процессорами, словно стрекоза, и чувствуя, как кончики механических лапок елозят по плечу. С этим Дэном надо было что-то решать, и чем раньше, тем лучше. Пока он не спалил весь Шэлл Сити, а вместе с ним и Эдварда Скама.

Илон покивал, шагнул в сторону от лифта и опустил локоть на высокие перила, за которыми блестела поверхность купола. Кулак подпер подбородок, холодный взгляд впился в бледное узкое лицо.

Нелепая прическа новичка была настолько нелепой, что оттягивала все внимание на себя, как перебитый нос, большая бородавка или длинный, безобразный шрам. И только здесь, в пустом и светлом коридоре Илон понял, что наконец-то сумел рассмотреть физию новоиспеченного хаосмастера во всех деталях.

Он видел эту несуразную прическу, закрученную из медно-рыжих волос, уже заглядывал в разгорающиеся от чужой боли голубые глаза. Но лицо все время находилось как будто в тени. И сейчас, трогая его взглядом медленно и внимательно, как место преступления, Илон прикидывал, кому на самом деле принадлежала эта бледная и узкая маска, усыпанная веснушками? Что за демон прятался там — внутри щуплого, невысокого мерзавца лет двадцати?

Глаза Дэна-убийцы все еще сияли, как разогретые ионные двигатели.

— Думаешь, накидался инфой и теперь знаешь, как у нас тут все устроено? — спросил Илон, не сводя с него пристального взгляда.

Дэн совсем осунулся, не зная, что ответить.

— Что там тебе дали твои инжекторы? Научили жмякать на кнопки и только? Уверен, в них не было ни строчки кода, например… про Рохи.

— Что это? — с интересом спросил Дэн, вскинув поникшую голову.

— Так я и знал. Ни один инфокурс никогда не заменит опыт.

— Будто ты сам никогда не заливал в себя инфу, — возразил

Дэн.

Илон молчал, поигрывая недоброй усмешкой. Этот разговор стоило затеять хотя бы ради того, чтобы посмотреть на то, как у новичка отвиснет челюсть, а глаза, его большие голубые глаза, поползут на лоб.

— Что — ни разу?

Илон медленно покачал головой.

— Почему? Аллергия на инжекторы?

— Нет. Просто не хочу спечь себе мозги, — честно ответил Илон.

— Говоришь прямо как кавены.

Илон даже не моргнул. Давно научился пропускать подобные упреки сквозь себя. Не обращать на них внимания, как на рентгеновские лучи. Конечно, в Цитадели с самого начала знали о его истинных корнях, но Дэну пока эти знания были совершенно ни к чему. Они могли его оттолкнуть или даже напугать, и вправляй ему потом мозги как хочешь.

— Зачем ты здесь? — спросил Илон.

Дэн бросил на него непонимающий взгляд, а Илон продолжил:

— Лайкают тут вяло, на аквaферме можно собрать вдвое больше. Поэтому люди приходят сюда по трем причинам. Первая: не смогли устроиться на аквaферму, но устали от безделья. Вторая: не смогли устроиться на аквaферму, но желают подкопить лайков на лишний месяц оцифровки. Третья: хотят немного почувствовать себя богом. И какая из них привела тебя в Цитадель?

Дэн задумчиво поскреб в затылке и еле заметно улыбнулся.

— Думаю, всего понемногу.

Илон скривил губы. Очень обтекаемый, осторожный и взвешенный ответ. А потому, скорее всего, лживый.

— Рохи? Так что это такое? — напомнил Дэн.

— Не что, а кто, — уточнил Илон и внимательно посмотрел на прозрачную стенку купола, за которой высились серые скалы, затем поднял взгляд, хватая им острые, вершины — пусть, пусть новичок немного помучается. — Впечатляет, правда? — спросил он, не глядя на собеседника. — Впечатляет и… умиротворяет. Особенно, когда смотришь на Шэлл Сити с высоты или представляешь, как прописывалась его история, его эпохи и поворотные моменты, сколько кропотливого труда было вложено в прошлое каждого напечатанного ребенка, мужчины, женщины или старика на смертном одре. Сердце замирает. Иногда… я даже им завидую, — он медленно провел кончиками пальцев по стенке купола.

— Хм, мясу? — Дэн явно не разделял этой странной зависти.

— Мне кажется, в отличие от нас, именно они живут настоящей жизнью, как жили наши предки. От первого вдоха до последнего вздоха. Рождаются, живут и умирают. Без оглядки на цифратории, без инжекторов, нейроса и виара.

— И что в этом хорошего?

Илон промолчал, понимая, что Дэн, целиком и полностью вскормленный Лост Арком, все равно не поймет. Овитый тонкой, невидимой паутиной нейроса, свободно, без усилий заливающий в мозг концентрат инфы и очарованный красотой и доступностью виар-миров, он не поймет. И никогда не узнает, каково это: просыпаться под дребезжащий звон будильника, а не бездушного, механического голоса в голове; шелестеть пожелтевшими страницами книг, старательно соскабливая с черных рядов букв крупицы знаний.

— А-а, я понял, это что-то вроде теста, — удовлетворенно произнес Дэн. — Хочешь проверить, не сочувствую ли я мясу? Я — не митфан. И разве только что я не доказал, что не один из них? — справедливо спросил он.

— Доказал, — мрачно вздохнул Илон. — Знаешь, когда Шэлл Сити был еще только проектом, но миру уже стало ясно, что задумали в Шэлл Индастриз, все конфессии в один голос проклинали его создателей и всеми правдами и неправдами хотели его запретить. А когда, вопреки терактам, угрозам и митингам, Шэлл Сити был все-таки построен и ожил, эти же конфессии едва не перегрызли друг другу глотки за право распространять свою веру под куполом и, конечно, пришли в бешенство, узнав о шэллуизме. Даже не знаю, чем бы все это закончилось, если бы чуть позже не появились цифратории, переключившие все внимание годфанов и реалфанов на себя.

— К чему ты мне это рассказываешь? — не понимал Дэн, начиная скучать.

— Но самое удивительное то, что, несмотря на подаренную шэллам идеальную веру, созданную лучшими писателями и религиоведами, в Шэлл Сити появился свой собственный бог.

— Хорош заливать. Ты ведь меня сейчас разыгрываешь? Какой-то ваш местный троллинг, — не поверил Дэн. — Интел контролирует каждого из них, и она бы… Не-не-не.

Дэн махнул рукой, рассмеялся и уперся взглядом в непроницаемое лицо Илона.

— Круто, правда? Не веришь мне, пошарься в нейросе. Или спроси любого хаосмастера.

— Но это невозможно, — все еще не верил Дэн. — Я же знаю, как работает Интел.

— Мы тоже все знаем, как она опускает взгляды шэллов, когда они смотрят в небо. И как каждую секунду незаметно манипулирует ими, сплетая судьбы. И как позволяет нам три раза в неделю немного похулиганить внутри, чтобы внести элемент случайности и непредсказуемости в отлаженный ИИ тонкий и сложный механизм. И тем не менее бог Рохи существует, а Интел ломает свой совершенный мозг, пытаясь найти его источник. Или… делает вид.

— И какой он?

— Никто не знает, — Илон покачал головой. — Но это… — он выдержал драматическую паузу, — еще не все. Говорят, Рохи иногда снится работникам Шэлл Интертаймент. Перед тем, как они исчезают бесследно или погибают мучительной смертью, — зловеще прошептал Илон. — Возможно, мстит за утилизированных шэллов. Так что на твоем месте я бы не сжигал их так безрассудно. Хотя, конечно, тебе решать… Ну как? Мурашки бегут?

— П-ф, не, — не очень уверенно ответил Дэн.

Но Илон видел, как в изменившемся, потускневшем взгляде нового хаосмастера подрагивают призраки сомнения. Крошечное зерно, отлитое из мифов и реальности, скатилось в мозг и начало прорастать, орошаемое беспокойством. Он очень надеялся, что фантазия у Дэна окажется бурной, и сегодня ночью новый хаосмастер не уснет крепким сном. Будет часто ворочаться, источать липкий вонючий пот и, возможно, даже стонать, подпитывая зародившийся страх яркими ночными кошмарами.

Из зала хаоса вышла преображенная Инста. Хэлсиды искусно разгладили гематому над глазом и смыли алые дорожки царапин со щек. Она молча прошла мимо, ритмично шлепая кулачком по внутренней стороне ладони, словно наигрывая какую-то мелодию. Но уже перед самым лифтом резко повернулась и, воткнув сверкающий взгляд в Дэна, с очевидной угрозой проговорила:

— Это ты сегодня шэллов сжег? Не делай так больше.

— А-м, я… — замешкался Дэн, не зная, что и сказать.

— Илон, у меня осталось два ключа на виар-трансляцию полуфинала. Если хочешь, могу скинуть.

— Конечно. С удовольствием дайванем вместе с Мэй.

Поступили два цифровых ключа от Инсты Рут, — сообщила Ма. — *Отправить их в облако?*

Илон кивнул.

— Сделано, — подтвердила Инста и зевнула.

— Да что с ней не так? — в замешательстве спросил Дэн, когда лифт проглотил нахальную девчонку.

Он посмотрел на Илона в поиске поддержки. Но вместо нее нарвался на очередную злую и довольную ухмылку.

— Ну ты попал, — с сочувствием покачал головой Илон.

— Почему?

— Про Колизей слышал?

— Видел пару раз. Хочешь сказать, она — гладиатор?

— Угу. И не самый худший. А еще у нее обостренное чувство справедливости и повышенный уровень агрессии. Гремучая смесь. Поэтому глупый ИИ не принял ее в чистый корпус, и теперь она сеет закон и порядок в Шэлл Сити, а гнев и обиду сгоняет на гладиаторской арене.

— Так вот в чем дело! — неожиданно воскликнул Дэн, словно совершил фундаментальное открытие. — А я гадал, откуда там взялись пожарные… Ведь я… — он как будто только что осознал, что произносит эти слова вслух, и замолк. — Но я не понимаю, разве мы не должны…

— Капля порядка в море хаоса — это тоже хаос, — улыбнулся Илон. — Об этом я и хотел с тобой поговорить. Ты действуешь слишком прямолинейно и грубо. Если бы каждый из нас утилизировал шэллов пачками, то в Шэлл Сити никого бы не осталось.

— И как…

— Тоньше. Попробуй стать хирургом, а не мясником. И тогда, возможно, Инста не сломает твой очаровательный носик.

— Ну, пипец. Это нельзя, то нельзя, — Дэн разочарованно всплеснул руками. — Окей, я в принципе понял. Я постараюсь. Хирургом.

— Займись шоу-бизнесом, наукой или… политикой. Да чем угодно.

Дэн посмотрел поверх плеча Илона.

— Зачем он тебе?

— Бро? Мои глаза и уши. Мои современные глаза и уши. Не хочу в голове устраивать свалку имплантов. Мне и корешка по горло хватает.

— Ну да, я помню, «спечь мозги», — не без издевки проговорил Дэн и потянул ладонь к дрону. — Сто лет таких не видел.

Бро издал череду резких, противных звуков, на кончике его вытянутой лапки угрожающе забегали бело-голубые искры шокера.

— Он не любит, когда чужие его трогают, — предупредил Илон, опуская настырную руку Дэна. — Ну что — идем?

— Кстати, клевый прикид, — похвалил Дэн. — Обожаю эмодзи.

Илон погладил желтый, дремлющий кругляш на груди, думая о Мэй. Вспоминания, как она с озабоченным видом прикладывала эту совершенно безумную футболку к его широкой груди, как удовлетворенно кивала, когда он все-таки согласился нырнуть в нее, попутно проклиная дизайнера. И как он хотел забыть уже оплаченный товар в магазине, а потом — случайно уронить над океаном.

Мэй.

Если бы не кофе…

Если бы не ароматный кофе…

Если бы не ароматный кофе, которым в Лост Арке промышлял только Капюшон.

* * *

У Ника Когана по прозвищу Капюшон еще три дня назад было всего две проблемы: страсть к никотиновым сигаретам и тупорылые новые клиенты. Первую проблему он решать и не думал. Вторая проблема казалась ему нерешаемой. Ядреными контрабандными сигаретами из Шэлл Сити он любил подымить сам, не находя ничего зазорного в том, что покуривает собственный товар. А новых клиентов, старательно подводящих его под суровое уголовное наказание своим нереальными запросами, не хотел видеть ни в каком виде. Но на прошлой неделе, в четверг, когда этот дебил Ву вдруг решил свалить в виар на целых три года, возникла новая проблема. Ву был его лучшим поставщиком. Много не просил, товар тащил из-под купола исправно и самое главное — тихо. И теперь было совершенно не ясно, где доставать шэлловские сувениры: сигареты, кофе, книги и прочее.

Было жарко, но спокойно; немного пахло тиной. За спиной тихо шелестела река, впереди простирался серый каменистый берег, слева темнела круглая опора ржавого моста, справа остывал аэрокар.

Ник вытащил из кармана джинсов чуть примятую черно-золотую пачку Свит Смоук, поглядел на рисунок, на милый костерок в ночи, на вьющийся сизый дымок и вытянул последнюю сигарету. Привычным движением большого пальца откинул крышку зажигалки, чиркнул и над язычком пламени подержал смятую пачку. А уже от нее запалил сигарету. Сладко-горький сигаретный дым приятной теплотой скатился в горло и хлынул в легкие, пожираемый огнем бумажный ком упал у ног. Дым покатался во рту, губы свернулись в трубочку и медленно, со

смаком выпустили белую и густую струйку.

Ник поглядел вверх — сквозь голографический маскировочный панцирь. Из-под купола, который скрывал от ненужных глаз как аэрокар, так и его дымящего владельца, небо казалось водянистым, мерцающим, а солнце походило на яичный желток, размазанный по голубому котелку.

Он вновь затянулся, от безделья вороша ногой черные огарки сигаретной пачки, растирая их по камням. С минуту на минуту должен был прибыть постоянный клиент. Кажется… он, как и Ву, тоже работал в Цитадели и…

Почти пойманная мысль выскользнула из головы, будто скользкий угорь из неловких рук. Потому что с неба, завывая и гудя, спустился шикарный красный аэрокар, заставляя прыгать и стучать блинчики камней на берегу. Машина была незнакомой и выглядела очень дорогой.

Ник выругался. Спешно затушил сигарету, разогнал дым, торопливо поднял с сиденья слипер, похожий на игрушечный пистолет голубого цвета, и спрятал его за спиной.

Из аэрокара неловко выползло какое-то недозрелое чудо на высоких каблуках. Лет восемнадцать. Розовые, как фламинго, волосы ниже плеч, золотистая узкая блузка поверх маленьких, еле заметных грудей, по бледно-желтой юбчонке волнами бегают красные сердечки.

Незнакомка сделала несколько неуклюжих шагов по неровному берегу. Завертела головой, бросая беспокойные взгляды то туда, то сюда.

— Вали, вали отсюда, — прошептал Ник.

Но незнакомка не свалила. Медленно, неуверенно опуская худые и длинные ноги на разбегающиеся камни, она направилась в сторону маскировочного панциря. Со ста шагов голограмму не уловил бы ни один человеческий глаз. Однако незнакомка, поблескивая на солнце своей золотистой блузкой, давно переступила эту границу.

Ник глубже надвинул серый край капюшона на лоб, ожидая встречи с нежданным гостем. Через пару минут худая ладонь, сложенная лодочкой и желтеющая маникюром, вспорола голограмму, загребла воздух под маскировочным панцирем и увлекла за собой незнакомку.

— Ты кто? — грубо бросил Ник.

— Меня… Я — Кэт, — она пыталась заглянуть под его капюшон. — А вы…

— Ты вообще совершеннолетняя?

Кэт кивнула.

— Мне кое-то нужно.

Она сделала несмелый шаг, но Ник остановил ее жестом.

— Мне сказали, что у вас можно купить… То… что не купишь в обычном магазине.

Ник уже давно перестал спрашивать, откуда новые клиенты узнают о его существовании — все равно никогда не сознавались. Поэтому задал другой вопрос:

— Что конкретно ты ищешь?

Кэт потупила взгляд, лицо ее раскраснелось.

— Дизэмпатик или… холодок, как его называют пьюры, — прошептала она.

— Сделаю вид, что я этого не слышал. А теперь уходи.

— Но у меня есть лайки. Много лайков.

Ник коротко махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. То, что девчонка купалась в лайках, как какой-нибудь известный блогер, стало ясно, когда ее шикарный аэрокар опустился на берег. А вот то, что она пыталась ими оплатить запрещенный товар, говорило о том, что она никогда не сталкивалась с людьми его профессии. Потому что не один контрабандист в здравом уме не будет собирать лайки. Игровые скины, предметы и валюта, якобы подаренные френдом, а затем проданные за те самые лайки — другое дело.

— Что из фразы «а теперь уходи», ты не поняла? — спросил Ник. — Пошла прочь! — прикрикнул он на нее.

Кэт вздрогнула.

— Но у меня правда есть лайки.

Настырная девчонка все-таки позволила себе шагнуть в его сторону, будто горсть лайков лежала у нее в кармане, и она непременно хотела их показать.

Ник вытащил из-за спины слипер и направил его на упрямую дурочку. Кэт испуганно вытаращилась на голубой пистолет в его руке.

— Говорят, если выстрелить из него больше двух раз, то кома неизбежна, — предупредил Ник.

Кэт всхлипнула.

— Послушайте, если я не пройду этический тест, то отец меня просто убьет, — сквозь слезы проговорила она.

— Пусть это лучше будет он, чем я.

Ник сдвинул ползунок слипера на максимум, тот дрогнул и тонко запищал.

— Даю тебе три секунды. Раз… два…

Кэт, утирая слезы со щек, повернулась и, осунувшись, побрела в сторону своего аэрокара.

— И чтобы больше я тебе здесь не видел! — крикнул Ник вслед.

Он вздохнул, убирая слипер. В последнее время все шло кувырком. Его будто прокляли: месяц назад в мозгу обнаружили опухоль размером с грецкий орех, но это не смертельно, две недели спустя Совет вдруг решил обратить свое око на рынок игровой валюты и виртуальных предметов, хотя окончательного решения еще не принял, и, конечно, Ву — поганец Ву, чтоб ему… И еще были новые клиенты — все как на подбор, тупые и требовательные.

Сигареты — пожалуйста, кофе — будьте любезны, бумажные книги — без проблем. Но дизэмпатик или боевые стимуляторы… Рисковать теплым местечком в цифратории ради лишней тысячи лайков, — ищите других кретинов. В прошлую пятницу вообще нарисовались такие персонажи, что хотелось стереть их из памяти: обещали два миллиона за… инвиз, позволяющий якобы скрыться даже от взора ИИ. Насмотрятся всякой чуши в нейросе…

Ник покачал головой. Нет, есть черта, которую не стоит пересекать никогда. Не убивать, не барыжить дизэмпатиками и боевыми стимуляторами… Только и всего.

Он проводил теплым взглядом аэрокар, взметнувшийся красной птицей, и заметил в небе еще две машины, серебристую и черную. Они медленно планировали к берегу и опустились почти синхронно.

Из серебристого аэрокара выбрался Илон, его теперь всегда можно было узнать по яркому и безвкусному гардеробу, выжигающему глаза. Второй клиент, Адам, тоже носил примечательную одежду — длинный белый халат, который, казалось, никогда не снимал. Наверняка какая-нибудь лабораторная крыса.

Илон оказался чуть впереди, и Адам остановился у своей машины. Они знали правила: сделки только с глазу на глаз.

— Сорян, немного опоздал, — извинился Илон, зайдя под панцирь. — А хорошо тут все-таки у тебя, — сладко потянулся он, окидывая взглядом берега и брызгающую на них шелестящую речку.

Ник поднял с заднего сиденья пакет, брякнув кофейными банками, и протянул его клиенту. Тот открыл пакет, заглянул в него и улыбнулся, убедившись, что все в порядке. После чего сразу перевел тридцать тысяч золотых монет и пять скинов для трех разных игр.

— Все верно? — спросил Илон.

Ник покивал и, поглядывая на старого черного дрона, зависшего над плечом клиента, спросил:

— Не решил еще продавать? Дам хорошую цену. Я знаю одного чудика — он его с руками оторвет.

— Мы это уже обсуждали. Бро не продается. Он не просто машина, — Илон указательным пальцем пощекотал его по дну, словно черного щенка, и дрон весело запищал, постреливая белыми пиксельными фейерверками на узком дисплее. — Он — друг. А друзей я не продаю. Ни за какие лайки.

— Ты ведь… в Шэлл Интертаймент работаешь? — осторожно поинтересовался Ник.

— С чего ты взял? — насторожился Илон.

— Всегда прилетаешь с запада. Кроме купола, там больше ничего нет. И всегда назначаешь встречи в одно и то же время. Смена заканчивается или вроде того.

— Ну, допустим…

— Не хочешь на меня… э-э… поработать?

— Нет, нет, — замотал головой Илон с таким усердием, будто ему предложили убить советника или пьюра. — Это исключено.

— Да я сейчас от тебя ответа и не требую. Ты поразмысли какое-то время. Взвесь все «за» и «против».

— Хорошо, я подумаю, — глухо сказал Илон.

И по его тону Нику стало понятно, что постоянный клиент ничего не будет взвешивать, а забудет о заманчивом предложении, едва покинув границы панциря.

Гремя кофейными банками и с шорохом перекатывая камешки, Илон поспешил к машине, встретившись по пути с Адамом.

Насколько понимал Ник, второй клиент, вечно закутанный в белый халат, тоже прибывал на встречу из Шэлл Интертаймент. Но его кандидатуру на роль поставщика можно было сразу вычеркивать. Потому что выглядел Адам так, как, наверное, и его соименник, впервые оказавшись за райскими вратами. Потрясенным и растерянным. Он часто безмолвно шевелил губами, забывал то товар, то расплатиться. Такого уникума СБ на первом же деле сцапает. Удивительно, как ему вообще удавалось до сих пор скрывать свою маленькую тайну. Обычно он заказывал сигареты и кофе. Но во время последней беседы добавил к заказу еще стопку тетрадей и упаковку шариковых ручек.

Адам зашел под маскировку, поправляя всклокоченные кудрявые волосы, слегка припорошенные сединой.

— Добрый день, спаситель мой, — не сказал, а пропел он.

Ник кивнул и отдал ему увесистый пакет, куда Адам даже не заглянул.

— Тетради и ручки. Мемуары, что ли, собрались писать? — по-доброму усмехнулся Ник.

— Эх, если бы. Если бы… — невесело произнес Адам,

оплачивая товар.

Глава 3. Чистота. Часть 1

Ночь уже прикатила луну и рассыпала звезды, когда Адам рискнул раскрыть тетрадь и взять шариковую ручку. Последние два часа он привидением слонялся по квартире — в сумраке и полной тишине, раздумывал над тем, что писать и как, и разминал пальцы, привыкшие к клавишам, голографическим и виар-интерфейсам, но давно забывшие традиционное письмо.

Однажды он слышал о боязни белого листа, распространенной среди писателей, сценаристов и журналистов, и сейчас на собственном опыте убедился в ее существовании. Тетрадь лежала на столе светлым прямоугольником и в мерцании лампы казалась дверью в таинственный и зловещий мир.

Пустота тетради отталкивала и пугала, но ее надлежало заполнить своими мыслями и расчетами — выплеснуть загогулины букв, цепочки слов, чтобы продолжить исследование. Однако он боялся даже притронуться к ней. Пальцы вдруг почему-то стали деревянными и влажными, ощущались чужими, нервно покручивали шариковую ручку, от которой резко пахло чернилами.

— Ладно, — сказал Адам сам себе, еще чуточку подумал и склонился над тетрадью, как над плахой. — Я тебя не боюсь! — Он нахмурил брови. — Ты ведь всего лишь инструмент, средство. И больше ничего. Вот, смотри!

Тетрадь взметнулась над столом, хлопая страницами, словно крыльями, и замерла напротив изможденного лица. Адам держал ее обеими руками, щупал края и раздувал ноздри, втягивая запах настоящей бумаги. Страницы тихо и приятно шелестели, а бумага пахла… бумагой. Он хотел еще попробовать ее на вкус, но подумал, что это уж чересчур.

— Итак, с чего же начать… — пробормотал Адам, воткнув острие ручки в чистый лист.

«Меня зовут Адам Клейн. Я доктор физико-математических наук. Мне шестьдесят пять лет. Из них пятнадцать я работаю в Шэлл Интертаймент… Ну да, пятнадцать. Две недели назад в Институте транспорта и коммуникаций я возглавил программу «Стар Фрог» после трагической гибели Чарли Уоткинса, который руководил проектом последние полгода.

Основной целью программы является создание и развитие системы эффективного и скоростного перемещения технически-сложных и органических объектов на большие расстояния. Другими словами, я сейчас работаю над принципиально новой телепортационной установкой. Как вы все знаете, в настоящее

время телепортацией перемещать можно только элементарные, обладающие единой структурой объекты — лист металла, кусок гранита или что-то в этом роде. Технически сложные объекты в процессе телепортации выходят из строя, а органические — полностью утрачивают свои полезные свойства и становятся совершенно не пригодными для дальнейшего применения. Проще говоря, дроны и андроиды после акта телепортации превращаются в бесполезный металлолом, а спелые и вкусные яблоки — в безвкусные сухофрукты.

Не скрою, у меня нет уверенности, что я смогу продвинуться дальше, чем это удалось сделать Уоткинсу. Последние две недели я изучал материалы его работы, и понимаю, что, если бы находился на его месте, то двигался бы в том же направлении. По большей части он пытался переместить органические объекты. И это разумно. Ведь если мы научимся за долю секунды перебрасывать человека с одной планеты на другую без какого-либо вреда для его жизни и здоровья, то это откроет для нас…»

Адам вздохнул, пригладил копну непослушных волос и закурил, сквозь облако дыма пробегая глазами нестройное кружево черных букв. Где-то в ночи, за окном кабинета, проревел аэрокар. И снова сделалось тихо.

Еще одна затяжка, шум выпускаемого дыма, горький туман над столом, над исписанной тетрадью, и глоток горячего кофе, разливающийся теплотой по усталому телу.

Адам потер веки, желая прогнать из них тяжесть, и зевнул. Мысли ворочались вяло и неохотно. Но то, что он видел в тетради, пока ему нравилось. Буквы шли нестройно, плясали: ничего — он сто лет не писал на бумаге. Да и саму бумагу, вкусно пахнущую и шуршащую, не видел примерно столько же времени. Главное — ему удалось побороть этой глупый, детский страх чистого листа.

«…такие перспективы, что покорение галактики перестанет казаться несбыточной мечтой. А если даже не человека, а андроида. Которые будут скакать с одной планеты на другую и возводить уже для нас, для людей, телепортационные установки. Все что от нас потребуется в дальнейшем — отправлять корабли к далеким звездам и просто ждать.

Насколько я понял, Утокинс перепробовал все возможные средства, чтобы сохранить полезные свойства как электроники, так и органики. Он пытался перемещать объекты на короткие расстояния, замораживал их, а подопытных животных погружал в анабиоз, предполагая, что дело в сознании, которое не в силах вынести перегрузки и время телепортационного путешествия. Но на выходе все равно получал их высохшие тушки, начиная бегать

по кругу.

Возможно, он смотрел на проблему не под тем углом. Что-то упустил. Не знаю.

И еще эти хакеры, проникшие на наш сервер несколько дней назад. Часть архивов удалось восстановить, но другая, увы, была безвозвратна утрачена. Как оказалась, подобные атаки преследуют институт чуть ли не со дня его основания. Поэтому я принял решения все расчеты, замечания и ход исследования фиксировать на обыкновенной бумаге, а на сервер заливать только общие данные, чтобы снова не лишиться важных сведений. Пусть попробуют взломать мои тетради, мои дневники. Пьюры сообщили, что им удалось выйти на след хакерской группировки, да что толку…

А теперь еще одну сигаретку, еще один глоток кофе и спать».

* * *

Вызов поступил глубокой ночью. Сара медленно плыла на аэрокаре над городом, когда сообщение об ограблении взорвало тишину, срывая покров подступившего сна.

Ограбление?!! — не поверила она, приказывая аэрокару следовать к месту преступления.

Если ее не разыгрывали, то ночью какие-то сумасшедшие решили зачем-то обнести один из распределительных узлов «Роботеха», откуда андроидов, дронов и прочий хлам развозили по всему Лост Арку. Пункт назначения находился в пятнадцати минутах полета. Неплохо. Но, увы, недостаточно для того, чтобы очутиться на месте первой.

Она вывела трехмерную карту города над приборной панелью и с сожалением обнаружила среди белых граней домов три красные точки, двигающиеся с юга, запада и востока навстречу друг к другу. Помимо нее, еще трое пьюров спешили по ночному вызову, слетаясь к месту преступления как…

— Стервятники! — прошипела она, торопливо переключаясь в режим ручного управления.

Твой пульс повысился до ста ударов в минуту, — сообщил корневой чип.

— Дик, не сейчас, — недовольно пробормотала она.

Рекомендую принять дизэмпатическое средство, — посоветовал он. — *И вернуться в режим автоматического пилотирования.*

— Еще чего! — огрызнулась Сара и резко, демонстративно бросила аэрокар к домам.

Звезды закружились в небе, металл опасно затрещал от нагрузки. Она знала это старое корыто как свои пять пальцев. Заботливый и расчетливый автодрайвер всегда думал о безопасности полета, не разгоняясь до максимальных значений. А так — из него можно было выжать еще немного скорости. Иногда ее даже хватало, чтобы прибыть в пункт назначения раньше, чем другие пьюры.

Штурвал гудел в руках, словно огромный рогатый жук. Тело вибрировало вместе с подрагивающей стальной машиной. И Саре это нравилось. Падать вниз вольной птицей, пренебрегая всякой безопасностью и рискуя собственной жизнью. Чувствовать бешеный стук сердца и поднимающийся жар — когда кровь кипятком струится по венам, заставляя лицо пылать. Уже две недели она не принимала холодок, и эмоции захлестнули ее, будто штормовая волна.

Буря эмоций! Ураган эмоций! Она ощущала, как тело возвращает себе жизнь, истинную жизнь и словно танцует в языках пламени от смеси нахлынувших и давно забытых чувств. И страха, леденящего сердце. И восторга, от которого в животе взлетают мелкие бабочки. И от гнева, затлевшего при виде трех красных точек чужих аэрокаров. И от стыда за этот преступный гнев по отношению к своим братьям.

Подумать только — ограбление! Настоящее ограбление! Когда она в последней раз занималась настоящим делом? Сара попыталась вспомнить, но не сумела… Мелкое хулиганство и пьяные драки — вот, чем она занималась все лето. Осматривала искалеченных аднроидов да разнимала драчунов, перебравших в каком-нибудь баре, затем выписывала им судебные повестки, а после сама же, зевая и считая ворон, выслушивала их защитников и выносила решение, обычно смягчая штрафы настолько, насколько это позволял закон. Все дела, все процессы были такими простыми и скучными, что иногда тоже хотелось надраться и ввязаться в драку. Но вместо этого она безропотно колола себе холодок, чтобы не слететь с катушек от безделья и тоски. И тут такой шанс…

Снаружи маячили крыши высоток, плоские, пологие и круглые, утыканные антеннами, словно ежи колючками. В темноте желтоватыми, мутными глазами проступали окна домов; по ночным улицам среди мелькающих голографических проекций лился многоцветный неон.

— Пинг.

— Да, моя радость.

— Помнишь, на прошлой неделе ты пригласил меня поужинать? И… месяц назад. И…, кажется, три месяца назад.

— Так ты наконец-то согласна?

— При одном условии.

— Я сейчас вижу тебя на радаре. Хочешь, чтобы я…

— Да. Я буду тебе очень признательна, если ты сбавишь ход своего аэрокара.

— Тебе говорили, что ты чокнутая?

— Именно это тебе во мне и нравится.

— Ок. Заметано.

Сара увидела, как красный огонек, двигающийся с юга, сперва замер на карте, а затем не спеша двинулся в противоположную сторону. С одним пьюром ей удалось разобраться. Оставались еще двое. Жан и Мики.

— Жан.

— Я знаю, о чем ты хочешь попросить. Нет! И еще раз нет!

В чистый корпус дураков не брали, и Жан даже не хотел слушать о том, чтобы уступить дорогу. Времена джентльменов остались в глубоком прошлом. С Мики связываться не имело смысла, потому что ей попросту нечего было предложить. Все хотели получить это дело, если, конечно, на складе действительно произошло преступление.

— Проси все, что хочешь.

— Прямо все? — заинтересовался Жан.

— Ну, говори!

— Если я отстану, то ты… скажем, нарядишься в костюм феи и… помассируешь мне ступни.

— Только ступни?

— Да я прикалываюсь, — рассмеялся Жан. — А ты бы реально это сделала? Ох, конечно, я тебе не отдам ограбление.

— Ну ты и….

— Опасное сближение! Опасное сближение! — запаниковал автодрайвер, когда аэрокар втиснулся между домами и на полном ходу протаранил янтарную голограмму бармена, жонглирующего коктейльными бокалами.

— Да вижу я, вижу!

В машине что-то хлопнуло, аэрокар тряхнуло так, что Саре почудилось, что она пробьет потолок, а затем ей в грудь брызнула тугая струя, и белая пена, застывающая мгновенно, плотно, словно кокон, обернула тело, чтобы смягчить грядущее падение.

Удар был чудовищной силы. Из глаз фонтаном посыпались искры, по ногам разлилась обжигающая боль, а в ушах зашумело.

Скорая уже в пути, — оповестил Дик.

Сара с трудом разломала кокон и перетекла из аэрокара на улицу, где распласталась на спине, широко раскинув руки. Ночной прохладный воздух тяжело заходил в легкие. Над головой

плыли звезды и неоновые вывески — лиловые и голубые, подрагивали, двоились и разбегались. В салоне, на городской карте, замерли две красные точки.

Не успела, — с сожалением подумала Сара, перекатываясь со спины на бок.

Ты чуть себя не убила, — заметил Дик.

Сара старалась его не слушать. Едва она поднялась, опираясь на разбитый аэрокар, как в переулок вбежал встревоженный Жан. Голубой мундир с иголочки, широкие плечи, круглое лицо.

Жан взял ее под руку и повел из переулка. Она не стала отказываться от помощи. Не сегодня, не в этот раз. Тело ходило ходуном, ног она почти не чувствовала.

— Тоже не успел? — спросила Сара.

— Ты точно чокнутая, — усмехнулся Жан. — До сих пор удивляюсь, как ты прошла наши тесты.

— Не указывай это… в рапорте, — попросила она. — Пожалуйста.

— Не буду, — хмуро буркнул он. — Но не уверен, что Мики окажется столь же великодушной, как я.

— Поговори с ней. Вы же знаете, как это для меня важно.

Жан осторожно усадил ее в свой аэрокар и протянул тюбик с наноидами.

— Если хочешь, я сам… обработаю раны. Пока скорая не прибудет.

Сара еле заметно покачала головой и заметила бордовые пятна на голубом рукаве Жана.

— Я тебя… испачкала.

— Ерунда, — махнул он рукой. — Пойду поговорю с Мики. Заодно разнюхаю, что там за дело.

Сара смотрела, как удаляется голубая фигура, и пыталась собраться с мыслями, которые от удара, казалось, рассыпались на тысячи осколков, словно хрустальный графин. А ведь Дик был прав: она чуть себя не угробила.

Я всегда прав, — напомнил о себе корешок. — *Скорая прибудет через семь минут.*

Прости, ты не мог бы помолчать, — попросила она, поглядывая на тюбик с хэлсидами. — *Я пытаюсь сосредоточиться.*

Она бросила тюбик на сиденье — медики все равно были на подлете, какой смысл? И, постанывая от боли, достала дозу холодка. Нужно было вкатить хоть немного, чтобы прояснить взбаламученное сознание и вернуть рассудок на место. Привычное движение, знакомое «п-шш» и несколько секунд в ожидании покоя, беспристрастности и невозмутимости.

В ночи бесшумно мигали сине-красные огни. Перед входом

на склад желтели голографические ленты заграждения. Мики, по всей видимости, уже допрашивала очевидцев, ее нигде не было видно. Вскоре далеко в темноте исчез и Жан. Холодок начал действовать, прогоняя тревогу и немного притупляя боль. Мысли потекли ровно, как тихая мелкая речка.

Сара обвела склад внимательным взглядом, уже спокойно, без тени зависти пробежала глазами по голограмме ограждения, и ничего не поняла.

Здание склада было огромным. И явно неплохо охранялось, как и прочие объекты «Роботеха». Но кто-то нашел лазейку и пробрался в него. Только для чего? Украсть андроидов, которые стоили пару тысяч лайков в любом магазине? Х-м. Но зачем? Риск выглядел неоправданным, алогичным, таким же глупым, как ее попытка проскочить между домами на ручном управлении, чтобы первой прибыть на место. Под давлением дизэмпатика она осознала, что вела себя как полная дура — пошла на поводу своих эмоций и желаний, уцелев лишь чудом. Однако, по крайней мере, у нее было ради чего идти на этот отчаянный шаг. В отличие от ночных воришек.

Инфы было прискорбно мало, чтобы строить версии и пытаться нащупать мотив грабителей. В уравнении присутствовало слишком много неизвестных. Если бы стало известно, чего сегодня ночью лишился «Роботех», то картина бы хоть немного, но прояснилась. Сара всмотрелась во тьму в надежде увидеть Жана.

И заметила его силуэт. Жан быстро шагал к аэрокару и когда подошел ближе, она поняла по выражению на его лице, что решила упертая и принципиальная Мики.

— Отказалась?

Жан кивнул.

— Что украли?

— Андроидов. Двух. Мужчину и женщину.

— Тебе удалось осмотреть место преступления?

— Чисто как в аптеке. На камерах тоже ничего.

— А их точно украли?

— Похоже на то. Ты же видела, как их доставляют, блоками по тридцать штук. Двух не достает. Но кладовщик уверяет, что сегодня видел их собственными глазами.

— Сами не ушли?

— Очень смешно. Их еще даже не активировали.

— Не активировали, — повторила Сара. — Знаешь, куда их собирались отправить?

— Не-а. Кому вообще понадобилось красть самых обыкновенных андроидов?

— Не активированных обыкновенных андроидов, хочу заметить.

— Слушай, а это мысль, — покивал Жан. — Их не отследить, не найти. Если грабители, конечно, сами их не включат.

— Подкинь эту версию Мики. Возможно, тогда она изменит свое решение. И пусть посмотрит, куда их собирались отравить. Думаю, дело не такое простое, как кажется на первый взгляд. Ты только представь, что можно сделать с двумя чистыми жестянками, только что сошедшими с заводского конвейера.

— Попробую.

— У тебя, кстати, сейчас есть серьезное дело?

— Вроде того. Хакерская атака. Проникли на сервер Института транспорта и коммуникаций. А у тебя?

Сара вздохнула. Жан с сочувствием похлопал по крыше аэрокара, словно это было ее плечо, и молча пошагала в сторону склада под вой сирен скорой помощи, доносящийся с темного неба.

Мысли залетали в голову самые разные. Преимущественно безрадостные. Саре даже подумалось, что, может быть, она и в самом деле начинает потихоньку сходить с ума? И все-таки стоит, как ей не раз советовали, посетить какого-нибудь мозгоправа, чтобы вновь не облажаться так, как она облажалась сегодня ночью?..

Глава 3. Чистота. Часть 2

На Эго накатывала тошнота. От возбуждения, страха и скорости.

Они только что ограбили склад «Роботеха», мчались со всей мочи по ночному небу на аэрокаре и до сих пор не верили, что им удалось незаметно умыкнуть двух новеньких андроидов. Особенно в успех не верил Эго, потому что очень хорошо знал своего бестолкового подельника, который вряд ли мог сложить два и два, даже после львиной дозы общеобразовательной инфы.

Бестолковый подельник по прозвищу Ронан сидел напротив него и со смаком грыз ноготь на указательном пальце правой руки, левая ласкала черное и блестящее тельце автомата, словно любимого питомца. Глупый взгляд, гора мышц, никакого намека на шею и бритая голова — вот что из себя представлял Ронан. Но Эго его все равно любил — за простоту, за верность, за силу, за детскую наивность. И доверял ему. Знал, что тот его никогда не предаст, если вдруг запахнет жареным. А жареным попахивало частенько… Они были вместе много лет, делили один кров, один хлеб, а иногда и одних партнеров, дополняя друг друга. Эго попытался вспомнить, когда они познакомились и….

У его ног, вдоль салона, лежали андроиды — две новенькие куклы, от которых еще веяло заводской упаковкой, пластиком и краской. Темнокожий мускулистый мужчина с резкими скулами и стройная смуглая женщина с прямыми блестящими волосами до плеч. Они лежали друг к другу впритык, обнаженные и заключенные в объятиях, словно любовная парочка.

Аэрокар ревел в потоках воздуха, извергая струи лазурного пламени, будто сказочный дракон на фоне звездного неба. И всякий раз, нарываясь на воздушную яму, заставлял Эго вздрагивать. Он дивился и немного завидовал невозмутимости Ронана. Час назад они под покровом ночи проникли на хорошо охраняемый склад самой богатой корпорации в мире, вошли в него незаметно, сноровисто вскрыли контейнер и без шума унесли с собой двух девственных роботов. А Ронан сейчас вел себя так, будто они всего лишь стащили леденец у ребенка.

— Она ничего такая, — вдруг сказал Ронан, плюнув ногтем в сторону. — У меня никогда таких не было.

— Даже не думай, — серьезно предупредил Эго. — Они нужны для дела. Если хочешь, куплю тебе на день рождения такую модель.

— Ты всегда так говоришь, — нахохлился Ронан. — А потом забываешь и ничего не даришь.

— Клянусь! — Эго торжественно поднял ладонь. — В этом году обещаю тебе подарить андроида!

— Точно такого же?

— Один в один.

Ронан надулся, с неохотой убрал взгляд с пышной груди андроида и устремил его в ночь, бездумно изучая подрагивающие огоньки звезд. Женщина действительно была хороша, подогревая кровь своими сладкими формами, и Эго подумывал, что сам был бы не прочь поразвлечься с ней. Но у нее, к сожалению, была другая цель, другая функция. Гораздо более важная, чем удовлетворение человеческой похоти.

— Эй, мир? — Эго с улыбкой протянул Ронану ладонь.

Тот несколько секунд упрямился, а затем все-таки ее пожал. Чуть сильнее, чем требовалось.

— У тебя что-то в волосах, — сказал Ронан, украдкой посматривая на андроидов.

Эго провел ладонью по своей блондинистой длинной шевелюре и вытащил кусочек черного целлофана.

— Наверное, на складе прицепился.

Он в очередной раз глянул в окно: погони не было, на черном куполе неба мерцали только далекие звезды. Радость постепенно подмывала страх, как волна — крутой песчаный берег. До штаба оставалось еще два часа полета.

— Посмотри на меня, — с улыбкой сказал Эго.

Ронан недоверчиво поднял на него взгляд.

— Ты понимаешь, что мы это сделали? — с восторгом произнес Эго и указал сперва на себя, потом на Ронана. — Мы с тобой. Вдвоем. И мы почти у цели. А ты… сидишь с такой миной, что у меня во рту кисло.

— Хэ, — невесело усмехнулся Ронан. — Умеешь ты завернуть.

— А то… Только прошу тебя, перестань на нее пялиться. Танос сказал, чтобы мы их пальцем не трогали.

— Танос, — сердито повторил Ронан. — Не нравится он мне. Мутный какой-то. Появляется и исчезает. Ничего о себе не рассказывает. Я ему не верю.

— А мне, мне ты веришь?

— Ы-ы. Спрашиваешь.

Их кулаки встретились над андроидами.

— Тогда, пожалуйста, оторви глаза от ее бедер, — попросил Эго. — А на счет Таноса не переживай. Если что, свернем ему башку.

— Я бы сделал это с большим удовольствием.

— Вот и ладно, — улыбнулся Эго и похлопал Ронана по плечу, погружаясь в воспоминания.

Все круто изменилось и завертелось год назад, когда к ним пришел человек. Он дал им новые красивые имена, вручил настоящее оружие, способное убивать, и указал путь…

* * *

Это случалось редко, но случалось. Виктор всей душой любил свою работу, но бывали дни, когда ему хотелось поменяться местами со своими пациентами. Или хотя бы не выслушивать их бредни, пропуская сквозь себя обжигающий поток горя.

Он надеялся, что сегодня, кроме этого психопата Дэна, клиентов больше не будет. По правде говоря, он не очень-то хотел видеть и Дэна, даже аккуратно намекнул ему о желании перенести личную встречу на пару дней. Но тот намека не понял. Поэтому пришлось лететь на работу. Потому что таких, как Дэн, — настоящих психопатов, — лучше было не раздражать.

Виктор был как на иголках. Впрочем, как всегда, когда дело касалось кавенов и шэллтерапии, куда он периодически направлял их не совсем законно — вернее сказать, совсем не законно. Вечером должна была состояться сделка при его непосредственном участии. И эта сделка могла существенно пополнить его счет. Поэтому в такой напряженный день он совсем не желал видеть очередного шизика, когда он сам вздрагивал от каждого шороха и время от времени с опаской всматривался в небо в надежде не увидеть там аэрокар пьюров.

Но прошло буквально пять минут с момента его появления на работе, как пришел запрос на виар-консультацию. Сперва Виктор хотел отказаться, но затем подумал, что это будет хоть какое-то развлечение, способное его отвлечь от насущных забот.

Нового пациента, вернее, пациентку звали Сара. В шезлонге на пляже она очутилась спустя считанные секунды после того, как он сам нырнул в виар-пространство. Это была женщина лет тридцати, довольно симпатичная — во всяком случае, ее ава. Темные волосы до плеч и большие глаза. Одета была строго, в длинную голубую юбку и опять же голубую блузку, застегнутую на все пуговицы. Но, несмотря на свой глухой гардероб, смотрелась вполне раскованной, живой, словно пришла к старому другу, а не к психологу.

— Вам комфортно? — спросил Виктор.

— Да. Люблю море и солнце, — улыбнулась она. — Вообще-то я первый раз обращаюсь. Ну, к людям… вашей профессии.

— Могу сказать, что держитесь вы достойно. Увидев вас, я бы никогда не решил, что у этой красивой женщины есть какие-

нибудь проблемы. Но раз уж вы здесь, то, наверное, они все-таки есть. Итак, я — весь внимание.

— Друзья и коллеги по работе считают меня чокнутой, — усмехнулась Сара.

— И почему они так думают?

— Наверное… потому, что ради настоящего дела я готова на все.

— Дела?

— Я — пьюр.

Виктор почувствовал, как в груди у него заметался холодок — на том месте, где когда-то постукивало горячее сердце… Он замер, не мог пошевелиться, начиная проваливаться в пустоту.

— Мистер Шварц? — нежный голос пьюра выдернул его из цепких объятий страха.

Виктор постарался выглядеть естественным. Но понимал, что его внезапное оцепенение не осталось незамеченным.

— Это большая честь для меня, Сара. Простите, просто пьюров в моей практике еще не было, — попытался оправдаться он в надежде, что ему это удалось.

— Я думала, психологов со стажем, вроде вас, сложно удивить.

— Считайте, у вас получилось, — улыбнулся он, приняв напускной невозмутимый вид. — Так что у вас за проблемы, с вашим настоящим делом? — спросил он, чувствуя, как по спине в реальности ползет струйка пота.

— Вчера. Во время дежурства. Я едва не разбилась, пытаясь прибыть на место преступления раньше других. Видите ли, наша настоящая служба выглядит далеко не так, как ее показывают в фильмах или видеоиграх. Большую часть времени мы проводим за рутиной. Патрулирование города, бесконечные рапорты, судебные процессы, девяносто процентов которых — это дела о мелком хулиганстве. Смешно сказать, но последнее приносит хоть какое-то удовлетворение. Я уже забыла, когда мне приходилось применять эирган по назначению. Ну и… вчера поступил вызов об ограблении. Я так надеялась, что это дело достанется мне, а в итоге нарушила столько внутренних инструкций. Хорошо еще хоть никто не пострадал, кроме моего аэрокара.

— Понимаю, — покивал Виктор. — Может быть, вам не хватает острых ощущений?

— Каждую неделю десять часов отрабатываю боевые навыки в виаре. Не думаю, что дело в этом.

— Но посмотрите на это с другой стороны. У вас есть хоть какая-нибудь работа. Пусть не идеальная. А у кого она

идеальная? — Виктор развел руками. — Вы даже не представляете, сколько людей хотело бы оказаться на вашем месте. Каждый месяц ко мне обращаются три, иногда пять пациентов, которые устали от безделья. Не могут найти себя и понятия не имеют, куда им… хм, приткнуться.

— И что вы им советуете?

— Найти хобби, завести домашнее животное, усыновить ребенка, развлечение. По-разному. Зависит от ситуации.

— А мне?

— Полагаю, вы и сами знаете ответ.

— Значит, виар, — огорчилась Сара.

— А почему нет? Он многим помогает, компенсирует то, чего не достает в жизни. Увы, сколько наша цивилизация не пыталась построить идеальноеобщество, всегда кто-то остается обделенным, всегда кому-то чего-то не хватает. Главное, понять, чего именно вам не достает: запутанных дел или уличных перестрелок, будоражащих кровь. Исходя из того, что я услышал, скорее первого. Поэтому на вашем месте я бы нашел стоящую детективную игрушку и периодически погружался бы в нее с головой. Только без фанатизма, разумеется. Больше я вам ничего посоветовать не могу. Обычно в таких случаях я еще выписываю легкие успокоительные, но у вас же есть дизэмпатик, поэтому не вижу никакого смысла назначать вам что-либо, кроме виара.

— То есть я не чокнутая?

— Нет. Конечно, нет.

Виктор осознавал, что сеанс был одним из самых скоротечных в его практике. Но ощущался так, будто наедине с пьюром пришлось провести целую вечность.

После того, как пациентка из чистого корпуса наконец-то испарилась с виртуального пляжа, Виктор сдернул виар-очки и тут же бросился к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха. Спина взмокла от пота, дышать стало тяжко, а по телу словно бегали пауки, перебирая мохнатыми лапами.

Ему давно не было так страшно. Он все время прокручивал в памяти беседу с пьюром — гонял ее туда-сюда, останавливал, ускорял и замедлял, словно файл звукозаписи, в попытке найти слова, способные его выдать. И ни о чем больше не мог думать.

Нервно дернув створки, а затем и пуговицы на груди, он высунулся из окна и едва не вывалился наружу, лихорадочно хватая ртом прохладный утренний воздух. Страх, заставляющий цепенеть, и неистово стучащее сердце… Виктор прекрасно знал, что с ним происходит.

Паническая атака. Самая обыкновенная паническая атака, столь часто приходящая к его пациентам, а теперь посетившая и

его самого. Из-за грядущей сделки он и без того был на взводе. А внезапное появление пьюра… Одно на другое. Новый клиент лишь столкнул его с грани нервного срыва, где он, словно канатоходец, балансировал последние несколько часов.

Виктор еще немного подышал, а затем устроился за столом и выдвинул средний ящик, где лежал квадратик блистера с успокоительным и поблескивала бутылка виски — непочатая, пленительная, цвета темного янтаря. Ставшая спасением после гибели жены, а затем превратившая его жизнь в сущий ад, когда от пьяного угара он не мог даже вспомнить собственное имя.

Он долго, очень долго смотрел на дно ящика, водя ладонью то над блистером, то над бутылкой, словно над огнем. Но в конце концов резко задвинул ящик, так и не притронувшись ни к чему.

Я горжусь тобой, — сообщил корневой чип.

Да, Аманда бы мной тоже гордилась. Но сегодня немного допинга мне бы, безусловно, не помешало, — вздохнул он. — *Юрий больше не связывался?*

Нет.

Значит, все остается в силе. Хорошо.

Виктор откинулся на спинку стула, сплел руки на животе и уставился в потолок, пытаясь утихомирить дыхание. Потолок был белым и чистым, посреди него стеклянным цветком висела лампа — такая же древняя, как и стол с несколькими ящиками, как и мягкое кресло для клиентов посреди комнаты.

Так он и сидел — почти без движения, с преувеличенным интересом рассматривая потолок, словно картину великого мастера, стараясь не думать ни о чем и слушая привычный уличный шум, залетающий в окно. Почти час. Пока не явился постоянный клиент.

— Проходи, — сказал Виктор, встречая рыжеватого щуплого парня и выглядывая в коридор.

За дверью, в длинном светлом коридоре первого этажа, было тихо и безлюдно. Ни души. Кроме этого придурка Дэна с его нелепой рыжей прической, которую будто выдавили из огромного тюбика или автомата мороженщика.

Страх все еще витал где-то поблизости, за спиной, под потолком — не сдавался, ожидая удачного момента для реванша. Виктор закрыл дверь и, возвращаясь к столу, поводил носом над клиентом. Похоже, тот наконец-то внял его совету и перестал пшикать на себя дурацкими духами с запахом дымка.

— Ну, как твои дела? — спросил Виктор, когда пациент опустился в кресло напротив стола. — Вижу, ты больше не пользуешься своим… парфюмом. Думаю, ты на пути к выздоровлению. А как с работой? Удалось найти что-нибудь?

— Да, — довольно закивал Дэн.

Он дергал головой так отчаянно, что Виктору казалось: еще миг — и медная башня на голове станет не только Пизанской, но и вовсе развалится.

— Это просто отлично! Куда, если не секрет?

— В Шэлл Интертаймент, — не без гордости известил Дэн.

Ответ удивил Виктора. А удивляться, подпитывая стресс, ему совсем не хотелось. Сперва этот пьюр… Теперь психопат, каким-то чудом устроившийся в одно из самых престижных мест на всем белом свете.

— Кем? — все еще не верил Виктор.

— Хаосмастером.

Врет, — мелькнула мысль. — *Ну врет же! Кто поверит в то, что какого-то чудаковатого проходимца с улицы взяли в Цитадель. А ведь он только, казалось, начал идти на поправку. Перестал каждую минуту думать о том, чтобы сжечь что-нибудь в Лост Арке. И пахнуть, как тлеющие угли.*

— Но каким образом? — поинтересовался Виктор, желая вывести клиента на чистую воду. — Я слышал, что туда просто так не попасть.

— А! Мой дядя в совете директоров. У них как раз кто-то недавно уволился. Я по-быстрому прошел ускоренный курс обучения. И вот — я там.

— Ну, я могу тебя только поздравить! — одобрительно произнес Виктор.

А про себя подумал, что в Шэлл Сити теперь будет не только всегда солнечно, но и жарко. А уж если этот пироманьяк сорвется…

— И как в новом коллективе? Как к тебе относятся? Новых друзей завел? Может быть, даже девушку. Это очень важно.

— Ну, одна из хаосмастеров хотела сломать мне нос. А другой… Кажется, ему не очень нравится моя прическа и он меня троллит. Нес какую-то ахинею про вымышленного бога, думая, что я поведусь. Ага, щас. — Дэн немного помолчал. — Зато двадцать пять процентов скидки на фьюжин как работнику Цитадели. Только ради этого стоило туда пойти.

— Не увлекайся, — предупредил Виктор. — Мясо по сути ничем от нас не отличается, и если станешь его жечь каждый день, то, сам понимаешь, никогда не сможешь выбраться из той пропасти, откуда я пытаюсь тебя вытащить. А в целом как? Обстановка?

— В целом мне нравится. Правда, я отработал только один день.

— Кстати, о прическе. Дэн, помнишь мы о ней говорили. Ты

ведь умный парень. Устроился на работу, уже отказался от своего жгучего парфюма. Может быть, пришла пора поработать над своим внешним видом. Я понимаю, она выражает твое «я», твою индивидуальность. Но пламя на голове — это лишнее напоминание о том, с чем мы уже давно боремся. Дэн? Почему ты на меня так смотришь?

Клиент испуганно молчал, словно увидел привидение. Виктор осторожно потянулся к слиперу, не зная, что может отмочить ошеломленный пироманьяк.

— Ваша родинка, — прошептал Дэн. — Она движется…

— Что?

Ладонь метнулся к щеке, шлепнула по ней и не нашла крошечный бугорок на прежнем месте. Виктор уткнулся в экран монитора и, увидев собственное отражение, позабыл и про тревожную сделку, и про напряженный визит пьюра, и про пироманьяка, сидящего в кресле его кабинета. Потому что родинка хоть больше и не двигалась, но теперь темнела не на щеке, а по центру подбородка. И заметно прибавила в диаметре.

— Наверное, я пойду, — промямлил Дэн.

— Иди-иди, — не высовываясь из-за экрана, прошептал Виктор.

Дверь хлопнула, Виктор вздрогнул, рука безвольно потянулась к среднему ящику стола. Но другая крепко схватила ее на пути и до боли сжала.

— Аманда, запиши меня на прием к этому… к дерматологу. Или к терапевту. К какому-нибудь врачу. Прямо сейчас!

Глава 3. Чистота. Часть 3

Мистер Гун ему сразу не понравился.

Он был чуть старше и ниже примерно на голову, но гораздо шире и полнее, массивнее. При этом каким-то чудом умудрялся выглядеть очень подвижным, легким и походил на скачущий между стенами огромный мяч. Белый халат нараспашку, короткие черные волосы, чуть тронутые инеем седины, и узкие глаза. Он все время улыбался и все время щурился, словно сосуществовал не в ладах с лицевыми нервами, и Виктор подумывал, что одного этого хватит, чтобы кого угодно вывести из себя. Но выбирать было не из чего. Ему нужно было покончить с живой родинкой быстро и безопасно. Время сделки неотвратимо приближалось, и не хотелось ее прошляпить.

В кабинете было светло и тесно; пахло больницей, этим особенным неприятным запахом, знакомым каждому еще с детства, с первого врачебного осмотра. Внутри жались друг к дружке стол, стул, кушетка, ширма и прозрачный шкафчик с медицинскими инструментами. Гун указал Виктору присесть на кушетку.

— Это оно? — озадаченно спросил врач, указывая на подбородок.

— Оно, — подтвердил Виктор с таким видом, будто собирался помирать.

— Что-нибудь чувствуете? Боли, жжение, покалывание?

— Ничего. Совсем.

— Странная родинка. Как будто блестит.

— И еще двигается. Вчера была на щеке, а теперь на подбородке. Сегодня один… клиент чуть в обморок не грохнулся, когда увидел, как она бегает по моему лицу. Да я и сам, прямо скажем, нахожусь не в лучшем расположении духа.

Гун молча и безболезненно взял пробу с подбородка и сунул ее под микроскоп, а сам вернулся за стол и уткнулся в экран, разглядывая образец. Виктор затаил дыхание, ожидая вердикта.

— Ничего страшного, — известил Гун спустя пару минут совершенно невозмутимо, как будто и в самом деле не было ничего страшного.

Но Виктор понимал, что за этой заезженной фразой могло скрываться все, что угодно. От «у вас всего лишь насморк» до «готовьтесь переезжать в цифраторий в ближайший месяц». Он сам произносил ее столько раз — бесцветно, с лживой улыбкой на лице. Ну вот в точности, как сейчас пробормотал Гун. Поэтому и не думал успокаиваться.

— Вы разобрались, что это? Что со мной? — раздраженно спросил Виктор.

— У вас наноиды, — зевнул Гун. — Небольшая колония. Думаю, тысяч десять. Давно таких не видел. Наследие войны, так сказать. Летали в пустошь?

Небольшая колония? Тысяч десять? Наследие войны? — будто эхо заметалось по кабинету.

Слово «войны» Виктору особенно не понравилось, хотя наличие сонма паразитов на коже тоже не очень-то радовало. Внутри него все клокотало, а голова загудела и пошла кругом, словно ее сунули в ревущую центрифугу. Страх, затаившийся на время, выпустил свои холодные когти и вцепился в грудь, вновь заставляя сердце отчаянно биться.

Где-то на дне разума, словно старый сом в густой тине, шевельнулась почти истерическая мысль: «Если я доживу до завтра, то это будет настоящее чудо». Про себя он проклял эту клинику. И этого вечно ухмыляющегося доктора. И наноидов. И создателя наноидов. И весь этот безумный мир, который сегодня над ним издевался, как только умел. Была и другая мысль, куда более ясная: «Если бы он сейчас находился в своем кабинете, то Аманда перестала бы им гордиться». О да! Он сбил бы крышку с той самой бутылки и перелил бы ее содержимое в себя до последней капли. Прямо так — из горла, жадно, обливаясь ароматной влагой.

— Пустошь… Нет, — прошептал Виктор, немного придя в себя. — Я там никогда не был. На что там смотреть — на развалины старых городов?

— Значит, контактировали с одним из тех, кто там был, — зачем-то резюмировал Гун. — Да не переживайте вы так.

— Вы мне поможете? — с надеждой спросил Виктор.

— У нас в клинике нет нужного оборудования. Необходим особый магнит, чтобы вытянуть их всех до единого. Обычный скальпель или лазер не помогут. Но, к счастью для вас, я знаю человека, который уберет неожиданных пассажиров с вашего лица. Отправляю.

Поступило сообщение от Шан Гуна. Отправить в облако?

Отправить, — незамедлительно ответил Виктор.

— Свяжитесь с ним. Скажите, что от меня. Он мой старый друг. Не откажет.

* * *

Реальность все больше напоминала сон. Дурной сон.

Казалось, вот сейчас кто-то тронет за плечо, потормошит, ласково позовет, и придет желанное пробуждение. Но оно почему-то не приходило.

Виктор не мигая глядел, как перед ним поднимается гигантский купол, и до сих пор не верил, что летит в Шэлл Интертаймент, потому что у местной клиники, видите ли, не нашлось магнита для наноидов. Это уже не говоря о том, что на его лице туча паразитов основала колонию и отчего-то чувствовала себя как дома.

Всю дорогу Виктор ворошил память, словно кучу осенних, прелых листьев, пытаясь увидеть в ней того, кто наградил его наноидными паразитами. Это было важно, потому что подлец, мерзавец и негодяй, заставивший потратить целый час драгоценного времени на полет к куполу, мог оказаться среди его постоянных клиентов, то есть высадить десант наноидов повторно. Но кандидатов было слишком много. И каждый из них как годился на роль виновника, так мог им и не быть.

Хотите стать звездой шоу-бизнеса или влиятельным политиком? А может быть, кого-нибудь убить? В Шэлл Сити нет…

Убери это! — приказал Виктор, и Аманда прогнала мужской голос из распухшей головы.

Аэрокар нырнул под облака, внизу уже можно было заметить митингующих. С высоты полета митфаны выглядели как свора разноцветных букашек — пыль. Просто никчемная пыль, которой нечем было заняться, или Совет поставил их в такие условия, что единственным местом, где они нашли себе применение, стала старая подъездная дорога к Шэлл Сити. Сколько их там собралось? Две-три тысячи? Виктор отстранился от окна и прикрыл глаза, куда настырно лезли солнечные лучи.

Кутерьма сумасшедшего дня выжала его как лимон. Виктор начал ощущать, что потихоньку сползает в дрему, и разлепил веки, обнаружив, что аэрокар заходит на посадку у молочно-белого здания, похожего на большую древнюю юрту, с круглым основанием и крышей конусом.

Машины, сверкающие под солнцем, усеивали посадочную площадку от края до края. Виктор поглазел по сторонам и понял, что его аэрокар сел чуть ли не на последнее свободное место. Похоже, ему начинала улыбаться удача, пусть и не во весь рот, а пока скромно, нерешительно, как девушка на первом свидании. Старый друг… как там его…

Адам Клейн, — напомнила Аманда.

…оказался на месте и не только обещал его принять, но даже встретить на стоянке, где оказалось свободное место.

Шагах в пятидесяти от него, суетливо огибая черный аэрокар, выбежал невысокий мужчина лет двадцати пяти. У него был маленький, слегка вздернутый нос, худое, бледное лицо и остриженные почти под корень русые волосы. А белый халат его ничем не отличался от аналогичного халата доктора Гуна.

— Меня зовут Томас, — он протянул руку. — Адам попросил вас встретить. Я его старший ассистент.

Ладонь сжала ладонь. И Виктор торопливо зашагал за новым знакомцем. Между машинами, которые с неба казались разноцветными кусочками витиеватой мозаики, а теперь обернулись бесконечным лабиринтом.

— Раньше я вас здесь не видел. К нам обычно посетители не приходят, — на ходу произнес Томас. — Осмелюсь спросить, что у вас к нему за дело?

— Наноиды, — хмуро ответил Виктор.

Ему совсем не хотелось обсуждать свой редкий недуг с каждым встречным и трезвонить о нем на весь мир. Ему в принципе не хотелось говорить ни о чем.

— А-а. Он на них собаку съел. Работал еще с самим Хиггсом.

Виктор понятия не имел, кто такой этот Хиггс, и почему одно лишь упоминание его фамилии должно приводить в щенячий восторг. Поэтому продолжал молча следовать за своим болтливым проводником, стараясь не думать о том, что родинка решит переехать с подбородка еще куда-нибудь. Солнце припекало, разливаясь золотом на поверхности купола, в воздухе приятно пахло лесом. Он зеленел на юге, подступая почти впритык к посадочной площадке.

— Вообще-то он недавно в нашем Институте… доктор Клейн. После того, как…

Томас внезапно замолчал. И молчал он долго, чем серьезно радовал плетущегося следом Виктор. Ему было плевать, почему съевший собаку на наноидах доктор Клейн вдруг обосновался в Институте транспорта и коммуникаций, под широким и могучим крылом Шэлл Интертаймент, в тени необъятного купола Шэлл Сити. В голове вертелась только одна мысль: избавиться от лицевых паразитов. И точка!

Когда череда машин наконец-то закончилась, и они спустились к зданию, Томас тихо, будто виновато произнес:

— Доктор Клейн немного странный, э-м, эксцентричный, наверное, лучше сказать.

Виктор лишь улыбнулся в ответ, едва сдерживая смех. Уж чего-чего, а людьми со странностями его точно стращать не стоит. Только сегодня он вправлял мозги настоящему пироманьяку, убеждая расстаться со своей омерзительной

прической и не злоупотреблять сеансами шэллтерапии.

Они вошли в здание института и двинулись по узкому коридору. Через один пост охраны. Через другой. Через третий… Сквозь рамки, под взором камер, встречая плывущие сети, сотканные из тонких голубых лучей и брошенные невидимым сторожем. ИИ или человеком.

В итоге они оказались в просторном пятиугольном помещении, где возле таинственных конструкций, похожих на прозрачные кабинки лифтов в супермаркете, копошились трое мужчин и две женщины. Они бросили на Виктора равнодушные взгляды и вновь погрузились в свою работу.

Томас довел его до двери и, постучав деликатно, приоткрыл ее, выпуская на волю стойкий запах сигаретного дыма.

— Я его привел, — сообщил он доктору, а потом сказал: — Входите.

И Виктор вошел, суетливо ощупывая взглядом широкое пространство, напичканное электроникой от пола до потолка, откуда тоже свешивалась непонятная увесистая штуковина в виде стеклянной виноградной лозы.

Сразу стало ясно: Томас предупреждал не зря. Доктор Клейн выглядел так, словно не выбирался из своего логова несколько дней: мятый халат, всклокоченные волосы и многодневная щетина, еще не борода, но уже близко. Он под разными углами разглядывал на подставке серебристый куб, откуда вверх вырвалось невысокое голубое пламя.

Виктор решил не отрывать его от созерцания загадочного объекта, напоминающего миниатюрный ионный двигатель. И прислонился к стене, терпеливо дожидаясь хоть какой-нибудь реакции на свое появление и гоняя легкими жесткий табачный дым.

В лаборатории было шумно, словно на оживленной кухне. Тут все время что-то скворчало, постукивало, позвякивало и шипело. Внутри стеклянных пузырей, гроздью падающих с потолка, с треском проскакивали искры.

Прошло некоторое время прежде, чем доктор Клейн расстроенно шлепнул губами, наблюдая за угасшим голубым пламенем, и поднял глаза на измученного ожиданием посетителя. За это время Виктор обшарил взглядом лабораторию несколько раз, но так и не встретил ничего знакомого. Все без исключения предметы, основательно захламившие лабораторию, выглядели чудно, фантастически, безумно.

Доктор Клейн подошел сам, молча остановился на расстоянии вытянутой руки и грубо стиснул пальцами чужой подбородок. Повертел, покрутил и осклабился, словно наконец-то

совершил открытие вселенского масштаба.

— Что — бегают? — похихикал он.

— Еще как, — подтвердил Виктор.

— Сейчас, погодите.

И с этими словами он удалился в дальний угол, где начал рыться по контейнерам, бормоча что-то под нос. Поиски предмета, который выглядел как большой шприц, только без иглы и носика, заняли минут десять. Еще минут пять доктор Клейн потратил на то, чтобы найти, а потом и отмыть пробирку. И примерно столько же на розыск сморщенного тюбика с лечебными наноидами. Пробирку и тюбик он рассовал по карманам и, вернувшись к охваченному тяжелым гневом Виктору, с серьезным видом предупредил:

— Не шевелитесь.

Виктор как стоял у стены, так и замер. Даже затаил дыхание, когда доктор Клейн с усилием надавил прибором на подбородок.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем послышался глухой хлопок, и подбородок словно бритвой резанули. Виктор поморщился от боли, но не проронил ни звука.

— Вот и все, — проговорил Клейн, разглядывая стекающий по прозрачной стенке магнита сгусток крови. — Возьмите, — он протянул смятый тюбик.

— Думаете, все? Опять не вылезут?

Доктор Клейн поглядел на него как на идиота.

— Колония совсем маленькая. Вы смажьте, смажьте.

Виктор выдавил остатки пенки на ладонь и размазал ее по подбородку, чувствуя, как жжет и щипет кожу. Тюбик предсмертно помигал красным огоньком и начал съеживаться в руке, постепенно исчезая, словно тающий на жаре кусочек льда.

— Редкие малыши. Я думал, их всех уничтожили после войны, — пояснил Клейн, бережно спуская их из шприца в пробирку. — Вам повезло. Обычные шпионы. В сущности, они не опасны. Если, конечно, их не перепрограммировать надлежащим образом.

Но Виктору было все равно. Он слушал Клейна лишь из благодарности за то, что тот наконец-то избавил его от этих мелких паразитов, и чувствовал, как отступает гнев.

— Где вы их подобрали? — спросил Клейн.

Виктор пожал плечами.

— Летали в пустошь? Думаю, их можно найти только там.

— Я уже говорил доктору Гуну…

Мрак воспоминаний озарила яркая вспышка, и Виктор наконец-то понял, кто мог оставить ему этот неприятный подарочек.

— Пустошь! Как я сразу не сообразил. Видимо, столько всего навалилось, что башка совсем не варит. Несколько дней назад у меня был клиент. Он работает гидом. Ну вы знаете эти дурацкие экскурсии с облетом послевоенных городов-призраков и прочее. Думаю, именно он…

— У вас остались его координаты? — перебил его Клейн.

— Остались, но я не имею права раскрывать личные данные клиентов. Хотя, если я дам вам его АйДи, наверное, катастрофы не случится, — улыбнулся Виктор. — Вы только не упоминайте мое имя, когда будете с ним общаться.

— Обещаю, — уверил его Клейн.

— Готово, — подтвердил Виктор и, поблагодарив чудаковатого доктора, покинул стены шумной и вдрызг прокуренной лаборатории.

* * *

Посетитель с родинкой бесценных наноидов на подбородке никак не выходил из головы. Весь день — псу под хвост. Адам чувствовал, что было в этом неожиданном знакомстве что-то непостижимое, странное. Какой-то неуловимой знак, стечение обстоятельств, судьба или вроде того. Но смысл все время упорно ускользал. Как его постичь? Как подобрать к нему ключик и где найти этот ключик?.. Адам не знал.

Он размышлял об удивительной встрече до конца рабочего дня, и после, когда катился между облаков по темнеющему небу, и уже дома, склонившись над дневником, над новой чистой тетрадной страницей, которая требовала ее заполнить россыпью слов.

В кружке на донышке темнел кофе, в воздухе таял сигаретный дым, а в голове по кругу бегали беспокойные мысли.

«Силы небесные! Вы только представьте, что треть своей жизни создаете наноидов. В том числе боевых. Для оборонной промышленности. А затем, когда вас назначают главой крупного проекта по разработке телепортационной установки нового поколения, эти наноиды сами вас находят. Являются посреди дня в вашу новую лабораторию, сидя на подбородке какого-то несчастного носителя, напуганного до полусмерти. Здравствуйте, доктор Клейн! Давно не виделись, доктор Клейн! Не хотели бы вы нас приютить? Ведь наш настоящий носитель совершенно не представляет, кого он таскает на своем лице. А уж вы-то, вы-то определенно найдете нам применение. Над чем вы сейчас там работаете? Может, и мы сгодимся…».

Адам разжал пальцы, и ручка шлепнулась на тетрадь. Он допил остывший кофе, нервно закурил и, выпустив облачко дыма, подошел к окну. Черное небо, тихое и таинственное, не мигая глядело на него сотней белых и холодных глаз. Оно по-прежнему оставалось непознанным — вся эта космическая бездна с миллиардами планет. Но если он…

Если он… Адам боялся даже думать о том, что он собирался сотворить с редкими наноидами — возможно, последними представителями своего подвида. Ему казалось, что как только он ясно сформулирует мысль, пощупает ее своими возбужденными нейронами, то она тут же исчезнет, как пыль ветру.

Он глубоко затянулся, хрипло кашлянул и вернулся к столу, хватая ручку, лежащую поперек тетради.

«Думаю, все это время Уоткинс двигался в правильном направлении. Мне кажется, он находился в шаге от разгадки, и добился бы того, чего хотел, если бы не скончался. И, конечно, если бы у него было то, что теперь есть у меня.

О, мой глупый, простодушный посетитель… Он понятия не имел, с чем сегодня расстался со счастливой улыбкой на лице. Впрочем, его сложно в этом винить. Для него наноиды с его подбородка ничем не отличаются от каких-нибудь вошидов. Но это далеко не так. Совсем не так! Попробуйте-ка заставить вошидов, скажем, постричь вам ногти. Ничего у вас не выйдет. Потому что они созданы для того, чтобы чистить зубы, брить щеки и мыть волосы на голове. Они ограничены — рождением, функциональностью и ореолом обитания. Их не переделать. В отличие от… Безусловно, я пока не во всем уверен. Необходимо будет все тщательно рассчитать, поднять старые архивы. Но я точно знаю, что когда-то во время войны такой трюк уже проделывали. Осталось достать программатор и немножко их подрессировать. Завтра этим и займусь».

Глава 4. Фьюжин. Часть 1

За окном кабинета тихо лежало теплое и светлое утро среды.

Клиент сегодня был всего один, и Виктор не знал, чем себя занять до его прихода. Он слонялся без дела, от стола до зеркала, от зеркала до стола, и всякий раз замечая свое счастливое отражение, принимался ощупывать подбородок, очищенный от колонии наноидов.

Его переполняла вселенская радость, и он ее не скрывал, улыбаясь сам себе. Казалось, будто кто-то выбил из него невидимую заглушку, и через возникшую дырку вытек весь негатив — та гремучая смесь из страха, волнения и раздражения, которая вчера окутывала его с головы до ног и заставляла тянуть руку к бутылке виски.

— Пру-м, пурум. Прум-пурум, — напел он под нос, поглаживая чистый подбородок и гладко выбритые щеки.

Вспомнилась Аманда. Она обожала гладить его по лицу, нежно брала его в ладони, словно хрупкий цветок, а затем целовала в губы.

Сделка прошла удачно. Тысячи лайков и за посредничество при продаже скота, и за выписанное направление на шэллтерпапию, и за предстоящий сеанс гипноза упали на счет, согревая душу и предрекая качественную оцифровку.

Он будет помнить все, в деталях, в мелочах. Приятный женский голос в голове, сообщивший о пополнении счета. Легкий завтрак, все еще катающийся сладостью на языке. Крупные слезы, текущие по щекам шизофренички из Гринвуда. И даже боль, с которой наноидная колония слетела с подбородка в прокуренной лаборатории Института транспорта и коммуникаций. Ничего не забудется. Ничего проклятое время не перемелет в прах, вращая острые стрелки часов.

Его цифровая, первосортная проекция не станет бледной тенью оригинала, жалкой копией среди других таких же жалких копий. Он явится к… Аманде таким, что она совсем не заметит разницы. Он будет прежним, живым. И произнесет те самые слова — простые, правдивые и чудесные. А потом еще скажет, что больше никуда не уйдет и останется с ней… навсегда.

В дверь постучали, и Виктору почудилось, что даже стук, раздавшийся секунду назад, будто прозвучал по-особенному. Спокойно, приятно, почти мелодично. Словно кто-то умело бил по маленькому барабану легкими палочками.

Окрыленный Виктор дотанцевал до двери, вальсируя с невидимым партнером, и радушно пригласил кавенов. Будь он

проклят, сегодня его улыбка была настоящей и искренней, излучая теплоту и доброту. А не как обычно… Гипноз, всего лишь сеанс гипноза перед фьюжином — нет ничего проще.

На Анне было платье цвета пыльной розы, в ушах поблескивали золотые серьги с мелкими рубинами. Муж ее по-прежнему напоминал медведя, который, впрочем, уже ни капли не смущал своими лапищами и суровым взглядом. Он, как и прежде, был одет в клетчатую мятую рубаху и потертые джинсы.

— Мартин… — только начал Виктор, но бородатый кавен его прервал.

— Мне уйти? — спросил он, явно не желая оставлять свою несчастную супругу.

— Прошу вас, подождите за дверью. Сеанс не займет много времени, — пояснил Виктор и повернулся к Анне. — А вы пока присаживайтесь. Постарайтесь расслабиться, прогнать все посторонние мысли о повседневной суете. Дышите полной грудью и ровно.

Виктор медленно закрыл дверь, краем глаза увидев, как Мартин прислонился к стене напротив его кабинета и понурил лохматую голову.

— Мне бы хотелось узнать, как это будет происходить? — спросила Анна, утопая в кресле.

Ее зеленые глаза горели яркими звездами, по щекам стелился розоватый румянец — как будто в тон ее длинного платья, которое почти до щиколоток прикрывало ноги, видимо, чтобы скрыть увечье. Она перестала походить на затравленного, бедного зверька.

— Ну-у, — протянул Виктор, устраиваясь за столом. — Я вас загипнотизирую. Скажем так, прикажу вашему демону выплеснуть свою злобу в тот момент, когда вы окажитесь в Шэлл Сити. И он уйдет следом за своей злобой, оставив вас в покое.

По крайней мере, я на это очень рассчитываю, — подумал он.

— Я хочу знать! — неожиданно громко, твердо и грубо произнесла она, словно требовала от своего мужа-медведя раскрыть подробности какой-нибудь интрижки. — Что там произойдет?

Такой бурной реакции Виктор не ожидал. Во время всех встреч Анна никогда не выглядела безумной. И он почти забыл, что перед ним сидит самая настоящая шизофреничка, склонная к насилию. Демон Анны впервые показался в реальности, вылез наружу из мрака сознания, почуяв, что от него пытаются избавиться.

До последней секунды Виктор надеялся, что ему не придется заводить этот неприятный разговор, поясняя суть процедуры. Он

представил себя на месте темного кавена, и понял, что мигом бы усвистал из кабинета кровожадного психолога, если бы услышал подробности фьюжина без прикрас. По сути дела, там, под куполом, Анна должна была убить несколько шэллов, чтобы наконец-то выпустить свою дремлющую ярость на волю, которая изводила ее в реальном мире. Трем отражениям, детей и мужа, суждено было погибнуть от рук собственной матери, подхватившей СИПРО. Но как это объяснить кавену, избегая острых углов и по возможности не упоминая слова «смерть», «дети» и «убийство»?

— После того, как я вас… закодирую, настрою вашего демона на нужную волну, вы… э-э утилизируете несколько шэллов. Только и всего.

Виктор покивал, удовлетворенный звучанием бесцветной фразой собственного исполнения. Ему она показалась весьма удачной. Но настырная Анна не сдавалась, решив проникнуть еще глубже.

— Утилизирую? То есть…

— Вы все правильно поняли. Не нужно произносить то, что вы хотели произнести. В Лост Арке мы называем это утилизацией.

Они замолчали. Виктор видел, как в ней заворочалось сомнение. Бегающие глаза, эти ерзания в кресле, словно оно вдруг стало жестким и неудобным. Нужно было действовать немедленно.

— Послушайте, — начал он спокойно, желая предотвратить побег пациентки. — Сейчас ваш демон нашептывает вам, чтобы вы отказались от фьюжина. Он боится. Понимает, что если вы решитесь, то проиграет. Навсегда останется где-то там, далеко от Гринвуда, под высоченным куполом. Но вы не должны его слушать. Прежде всего, вы должны думать о своих… детях. О своем выздоровлении. И больше ни о чем.

Они еще немного помолчали. В полной тишине.

— Как это будет? Они не будут мучиться?

После этих слов Виктор понял, что одолел сомнения Анны. Все пациенты, когда-то задававшие аналогичные вопросы, неминуемо соглашались пройти сеанс шэллтерапии.

— Нет, — уверенно ответил Виктор. — Поверьте, все кончится очень быстро. Я понимаю, что в вас сейчас клокочут чувства. Но, собственно говоря, шэллы и печатались только для того, чтобы такие, как вы, могли получить эффективную помощь.

— Я их увижу до…

— Исключено.

— Почему?

— Потому что ваш демон успеет подготовиться. Начнет

играть с вашим разумом, отговаривать, взывать к состраданию. И в конце концов убедит вас отказаться от фьюжина. Но… — Виктор строго посмотрел на нее, подталкивая к правильному решению. — Мы ведь этого совсем не хотим?

Анна покачала головой и, глядя в пустоту, смиренно прошептала:

— Начинайте.

Она вздохнула, положила, как примерная девочка, руки на колени, поверх легкого платья цвета пыльной розы.

Виктор достал каплевидный серебряный кулон на цепочке, подошел к креслу и остановился за спиной Анны. Для гипноза он уже давно применял голографические проекции, которые можно было подогнать под клиента, под уровень его внушаемости. Но Анна была кавеном, и для нее он решил использовать что-нибудь простое и приземленное. Фамильный кулон подходил идеально.

— Дышите глубоко и ровно. Глубоко и ровно.

Цепочка зашелестела, расправляясь в воздухе. Крупная серебристая капля повисла напротив женского лица, напротив широко раскрытых зеленых глаз.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Виктор.

— Нормально.

— Комфортно, наверное, вы хотели сказать, — поправил Виктор, ненавязчиво начиная погружать ее в транс. — Думаю, вам очень комфортно и спокойно. Вам никогда еще не было так комфортно. А теперь посмотрите на этот кулон. Сосредоточьтесь на нем. Не теряйте его из виду. Он ваш маленький проводник, дверь в ваше подсознание. Сейчас в этой комнате есть только вы, мой голос и кулон. Вы чувствуете себя легкой, настолько легкой, что вам хочется улететь, словно облаку. Вы слышите мой голос — ясно и четко. Вы видите кулон. Кулон и больше ничего.

Кулон закачался, как маятник.

— Один — вы полностью расслабляетесь… Два — вы не чувствуете собственных рук… Три — вы закрываете глаза, — Виктор отвел кулон от лица и опустил его в карман. — Ваше тело, от кончиков пальцев ног до макушки головы, наполняется теплотой и светом. Вы вся сияете. И парите над землей. Вы видите зеленую лужайку и большой, белый двухэтажный дом. Он немного похож на ваш, но это не ваш дом.

Вы медленно опускаетесь на лужайку. Зеленая трава приятно щекочет кожу и шепчется под вами. Вы немного осматриваетесь и заходите в дом. Вы видите двух детей, мальчика и девочку. Они похожи на ваших детей. Но это не ваши дети. Запомните, это не ваши дети. Вы видите мужчину, но это не ваш муж. Запомните, это не Мартин.

Вы стоите и смотрите на детей и на мужчину. Но вы знаете, что не одни пришли сюда. Анна, с кем вы пришли в этот дом?

— Другая я. Она плохая, она очень плохая. Я не хочу, чтобы она была со мной. Она все время напоминает мне, что я устала. Что муж меня не любит, а дети — ненавидят. Постоянно говорит мне про них гадости. Я пыталась ее прогнать, но она не уходит.

— Чего «другая я» хочет?

— Убить моих детей и моего мужа.

— Но вы помните, где вы сейчас находитесь?

— В доме с детьми и мужчиной. Но это не мой дом, не мои дети и не мой муж.

— Все правильно. Они чужие. Они всего лишь отражения. Они находятся в этом доме, чтобы помочь вам и созданы только для того, чтобы утолить гнев другой я. Понимаете?

— Понимаю.

— Сейчас они вас не видят. Но совсем скоро вы посетите это место снова. Вы встанете у калитки, вы найдете рядом с ней пистолет, возьмете его, войдете в дом и убьете всех, кто в нем находится, чтобы отпустить свою другую я. Пусть делает, о чем всегда мечтала. Пусть останется в этом доме навсегда. Вместе с этим мужчиной и его детьми. Повторите, что вы должны сделать?

— Я встану у калитки, возьму пистолет, войду в дом и убью всех, кто там находится, чтобы отпустить другую я.

— Вы — умница. Вы все запомнили. А теперь я начну обратный отсчет и на счет «один» вы полностью проснетесь. Вы уже возвращаетесь — три… Вы чувствуете пальцы рук, чувствуете, как бьется ваше сердце, — два… Вы пробуждаетесь и узнаете кабинет, в котором находитесь, — один.

* * *

Сегодня на работу Илон явился первым, на месте не было даже шефа, и каждый звук, будь то шаги, щелчки виртуальных клавиш или шелест одежды, звучал в зале хаоса как будто с удвоенной силой. Несколько секунд назад Интел сообщила, что до годтайма осталось полчаса.

Илон устроился на рабочем месте, привычно уткнулся в экран, где Шэлл Сити лежал как на ладони, маленький, словно игрушечный, почти неподвижный, и попросил компьютер найти Эдварда Скама. Изображение моргнуло, на мгновение расплылось, а когда обрело прежнюю четкость картинки, послышалось забавное «Пфу-у-пр! Пфу-у-пр!».

Именно с таким звуком бывший фермер, а ныне второй

политик в Шэлл Сити тащил через трубочку столбик лимонада и в ус не дул. Да и вообще выглядел так, словно послал подальше предвыборную подготовку и теперь кайфовал от привычного бытия, оставив далеко позади всю эту грязную и нервную политическую кутерьму.

Илон забеспокоился, но, полистав новости Шэлл Сити, убедился, что Эдвард и не думал выходить из игры. Никаких громких заявлений ни на одном канале, никаких намеков в газетенках, как это обычно бывает. Тогда Илону подумалось, что Эдвард захворал, простуда или банальный стресс, но показатели говорили, что тот здоров, как бык, и спокоен, как удав. Астронавты позавидуют.

Некоторое время Илон подсматривал за Эдвардом, пытаясь выяснить, что произошло за время их разлуки. Но вскоре убедился, что ничего. Новоиспеченный политик, закинув ногу на ногу, сидел в спальне и с наслаждением потягивал прохладный желтоватый напиток, беспечно гоняя трубочкой льдинки в стакане. Ну и бездельник!

Все выглядело так, словно подопечный решил устроить себе незапланированный выходной и на время отгородиться от всего мира. Не смотрел телевизор, не слушал радио, не читал газет, чтобы узнать последние новости о предвыборной гонке.

Ничего-ничего, — с улыбкой подумал Илон. — *Через полчаса я его взбодрю. А уж в пятницу он и сам встряхнется. После того, как выиграет в лотерею кругленькую сумму.*

Поняв, что Эдвард продолжит сидеть сиднем в полумраке спальной комнаты, словно крот в норе, Илон поднял камеру над домом Скамов, откуда в этот момент выходила Джессика.

Ох, Джессика! Она была хороша. Даже сейчас, когда упоротые пиар-технологи заставили ее коротко состричь шикарные волнистые волосы цвета ржи, чтобы создать образ деловой женщины и тем самым понравиться технократам. Она всегда выглядела на миллион лайков — как бы ни стриглась, во что бы ни одевалась, а уж без одежды… Сейчас на ней покачивалось легкое светлое платье на лямках, и солнце, пробиваясь сквозь тонкую ткань, как будто подсвечивало волнительные изгибы ее прелестной фигуры. Илон позволил камере медленно облететь миссис Скам от области декольте до спины и того, что пониже, и вновь поднял невидимое око над домом.

Илону нравился этот дом. Белый, двухэтажный, с зеленой аккуратной лужайкой во дворе и ровной оградой. Это был хоть и не самый большой, но зато самый уютный дом в округе. И он напоминал о… Гринвуде.

Джессика пересекала двор и остановилась у калитки.

Нагнулась, натягивая ткань вокруг своих широких бедер, и начала рыться в траве, словно пес. Илон подвел камеру ближе и увидел, как тонкие пальцы, не щадя ногтей, чернеют от земли, разбрасывая ее комьями.

— Какого хрена?!! — он произнес это вслух.

Потому что Джессика откопала пакет, где блестел револьвер. Она вытащил оружие, крепко сжала его правой рукой и решительно направилась к дому. Илон вывел ее данные на часть экрана: пульс взлетел до небес. Но все другие характеристики находились в норме.

Мысли сорвались с цепи. Разгоряченный разум начал подкидывать одну версию за другой. Джессика узнала об измене и решила от горя прикончить супруга? Но он вроде бы был ей верен… Или кто-то нашептал ей, что она не единственная женщина, которую ласкает Эдвард?.. Может быть, просто розыгрыш? Нет, на нее совсем не похоже, да и показатели. Она… СИПРО, фьюжин? Но аура. Аура была синей. Не золотистой, а синей. Внутри Джессики никого не было. Сбой ИИ?..

Интел, что не так с Джессикой Скам? — торопливо и беспокойно проговорил Илон.

Конкретизируйте вопрос.

Она под фьюжином?

Нет.

Да чтоб тебя…

Совершенно не понимая, что происходит, Илон в панике бросил камеру в коридор дома, куда только что уверенно вошла Джессика. Она подняла пистолет и навела его на своего семилетнего сына Пола. Мальчишка испуганно вжался в угол и прикрылся руками, ожидая выстрела.

Это походило на СИПРО. Но это не могло быть СИПРО! Интел подтвердила.

Илон не видел лица Джессики, но по бледнеющему ребенку, по тому, как тот трясся, понял, что она не шутит. С секунды на секунду должна была случиться трагедия — жуткая, необъяснимая, непоправимая.

Но Илон не представлял, как ее остановить. Время годтайма еще не пришло, да и в любом случае редактор отреагировал бы на сообщение не сразу. В голове вспыхнула только одна мысль: экстренная ликвидация. Пальцы лихорадочно забегали над виртуальными клавишами, заполняя карточку смертника… Код, долбаный код. Проклятье! Он его не помнил, потому что никогда им не пользовался. Он успеет. Он должен успеть!..

Ма, код экстренной ликвидации. Немедленно…

* * *

До того, как стать политиком, Эдвард и подумать не мог, что будет наслаждаться, упиваться тишиной и покоем, смаковать их, словно запах любимой женщины или вкус изысканного вина. В той, прошлой жизни тишины и покоя всегда было вдоволь. Но сейчас и то, и другое стало непозволительной роскошью. Он постоянно куда-то спешил, опаздывал, а автомобиль, пусть и с личным водителем, стал вторым домом. Ему все время кто-то названивал, кто-то от него чего-то хотел или даже требовал. Знакомые и незнакомые люди круглый день мельтешили вокруг, словно рой встревоженных пчел.

Но сегодня Шэлла, втянувшая его в эту авантюру, почему-то решила сжалиться над ним, подарив несколько часов чарующей тишины и дурманящего покоя. Эдвард сидел на втором этаже своего дома, у окна, и потягивал лимонад через трубочку. А чтобы полностью вернуться в прошлое и вновь стать хоть на какое-то время обыкновенным фермером, отпустил телохранителя, несмотря на все его отчаянные протесты.

Эдвард чувствовал, как лимонад тонкой прохладой расходится по телу, и до сих пор не верил, что за все время внезапно рухнувшего на него покоя ни разу не затрезвонил телефон. После нескольких напряженных дней ему это было нужно, как воздух. Несколько часов умиротворения. Посидеть вот так, в полумраке спальни своего дома, со стаканом лимонада в руке. Сбросив душный пиджак и зеленую удавку галстука. Прикрыв усталые глаза, натруженные до рези и слез изучением бесконечных отчетов и зубрежкой предстоящих речей. Представляя, как Джессика, виляя бедрами, суетится на кухне. От стола к холодильнику, от холодильника к плите, от плиты обратно к столу. Он принюхался, втягивая аромат скворчащего мяса и чеснока. Сейчас, еще немного, и снизу послышится ее голос, зовущий обедать.

Но голос не послышался. Вместо этого почему-то испуганно вскрикнул Пол: «Мама, нет!». И следом раздался хлопок, словно в доме лопнула туго надутая шина.

Глава 4. Фьюжин. Часть 2

Не успел… Не успел… Не успел…

Нарывом пульсировала мысль, захватившая разум. Грудь сдавило так, что стало трудно дышать; память заволокло мглой, пальцы тряслись, бездумно летая над виртуальным клавишами и не опускаясь ни на одну из них, словно птенцы, потерявшие родное гнездо.

Илон в ужасе смотрел на экран и до сих пор не верил собственным глазам. Не хотел верить. Ни в тонкую сизую струйку дыма, идущую от горячего дула пистолета. Ни в темно-алое, почти черное пятно на светло-голубой детской футболке. Ни в семилетнего мальчишку, сползающего со стеклянным взглядом по влажной от крови стене. Ни в гильзу, которая бесшумно катилась по полу.

Настырно подкатывала тошнота, в ушах все еще гремел звук выстрела и ни на секунду не смолкал. «Мама, нет!» — предсмертный крик Пола ледяным осколком прыгал и прыгал в голове, разрезая ее на части.

На шум из комнаты выбежала малышка Молли, так похожая на Джессику, и застыла, скованная страхом. Ее старший брат почему-то лежал там в коридоре, совсем бледный, неподвижный, будто спящий, в темной-красной луже, напоминающей клюквенный сироп.

— Беги! Беги! — закричал Илон, наконец-то очнувшийся от шока и отчаянно заколотивший по клавишам.

Но Молли не побежала, оставшись стоять под дулом пистолета. Под странным, злым, совсем чужим взглядом собственной матери.

В этот раз Джессика почти не мешкала. И второй выстрел громыхнул быстрее, чем надеялся Илон. Тело бедной Молли, словно игрушечное, отбросило на несколько шагов, когда со второго этажа выскочил Эдвард, а Илон вдавил последнюю клавишу, подписывая смертный приговор миссис Скам.

Эдвард поскользнулся, не удержался и рухнул перед ногами Джессики. Она не моргнув и глазом навела на него пистолет, но вместо того, чтобы выстрелить, неожиданно поднесла его к собственному виску.

— Джесс, стой! — успел выкрикнуть Эдвард и потянуться к ней перед тем, как она без колебаний спустила курок.

Третий выстрел Илон услышал уже в темноте, отгородившись от мира, от трагедии Скамов за стеной крепко сжатых век. Через несколько секунд во мраке раздался дикий вопль Эдварда, и

пришлось отключить звук. Кажется, в зал кто-то вошел, шаркая ногами. Но Илону было плевать.

Он не хотел даже думать, что сейчас творилось в душе Эдварда, который в один день потерял все. Увы, спрятаться в глухой темноте не удалось. Даже так, закрыв глаза и отключив звук, Илон ясно представлял, что сейчас происходило там, внутри дома Скамов, где остывали три тела. Он слышал безудержные стоны и видел, как разбитый горем Эдвард обнимает хладное тело Пола, прижимает его к себе, не веря, что тот никогда больше не засмеется, не возьмет его за руку, не побежит по лужайке во дворе. Джессика прикончила не только двух своих детей и вышибла себе мозги. Она уничтожила и Эдварда. Все было кончено. После такого мало кто способен вновь подняться на ноги.

В зале послышались голоса, шум шагов. И вдруг кто-то произнес в темноте:

— Я смотрю, ты со своими тоже не особо-то церемонишься.

Илон мало что соображал. Просто резко вскочил и бросился в ту сторону, откуда донеслись слова, — как хищник на звук пискнувшей добычи. Схватил их источник и в бреду грохнулся вместе с ним на пол, только тогда поняв, что придавил собой рыжеволосого новичка. Впрочем, это не имело никакого значения.

Кулак взметнулся над перекошенным от ужаса лицом, но так и застыл в воздухе, не успев опуститься. Кто-то крепко схватил тяжелую руку, предотвращая атаку, и больно вцепился в плечи, а затем упорно, крепко потащил назад, не давая гневу вырваться на свободу.

Мир начал постепенно возвращать привычные очертания — остывать, затвердевать, словно раскисший кусок масла, брошенный в морозилку. С глаз слетела мутная пелена, в беспорядочном шуме проявились ясные, понятные и привычные звуки.

Вдох-выдох, как учила Мэй. Вдох-выдох.

Когда Илон вынырнул из горячего, густого и незримого киселя, то обнаружил, что находится почти в самом центре зала, у голограммы Шэлл Сити, а вокруг него сверкают удивленные глаза хаосмастеров и кружит встревоженный Бро, со страшным треском взрывая на дисплее салюты белых пикселей. У рабочего места царил полный кавардак: столы сдвинуты, стулья опрокинуты.

— Бро, на место, — приказал Илон, потряхивая головой.

Последние несколько минут вспыхивали в памяти фрагментами. Кажется, он набросился на этого рыжеволосого упыря, который сейчас пытался безуспешно поправить свою

нелепую, отвратительную прическу. Локоны крупными медными кольцами расползлись по всей голове, словно размотанная катушка толстой проволоки.

— Что это было? — спросил Брюс, по-прежнему стискивая правое запястье Илона.

Илон молчал. Усиленно пытался придумать, что ответить. Но в голове гулял ветер.

— Ты — идиот, — это был не вопрос, а утверждение. Шеф почему-то перешел на шепот: — Ты хоть знаешь, что этот Дэн за фрукт? И как он к нам попал?

Илон помотал остывающей головой. Он не знал, да и к чему ему было знать.

— Его дядя входит в совет директоров, — пояснил Брюс.

Илон вздохнул, понимая, чем заваруха могла для него обернуться.

— Я попытаюсь это замять. Но ты с завтрашнего дня берешь отпуск…

— Но… — попытался возразить Илон.

— До следующей среды.

Илон решил не возражать, опасаясь, что пререкания с шефом могут значительно увеличить отпуск до двух недель, а то и до месяца. Да и в глубине души понимал, что ему действительно стоит отдохнуть какое-то время.

— Эй, Дэн! — Брюс позвал новичка.

Тот неуверенно подошел, опасливая поглядывая в сторону Илона.

— Я не хочу разбираться, что между вами произошло. Но если такое еще хоть раз повторится…

Дэн несмело протянул руку, и Илон ее пожал. В сущности, понимая, что тот был ни в чем не виноват. Он увидел то, что увидел.

— Извини, — с трудом выдавил из себя Илон. — Я сегодня был не в духе.

— Дэн, я знаю о твоем покровителе, — смело проговорил Брюс, решив зайти с козырей. — Если ты считаешь, что можешь делать в моей любимой Цитадели, что пожелаешь, то сильно заблуждаешься. И не вздумай стучать. В нашем дружном коллективе стукачи долго не задерживаются.

— Понял, — хмуро прогнусавил Дэн.

— Ну раз вы все поняли, то валите с глаз долой.

Они поплелись к рабочим местам. Поправили столы, расставили стулья. И молча опустились на них, слушая оповещение о начале годтайма.

Илон свесил руки поверх подлокотников. Впервые за время

работы в Цитадели ему не хотелось касаться колдовских клавиш — сочинять, просчитывать последствия, сводить одно с другим и результат высекать на экране.

Он глазел на заставку, придуманную им полгода назад для предвыборной кампании, и чувствовал себя опустошенным, выгоревшим и ненужным. С экрана на него смотрел улыбающийся Эдвард, а рядом белели буквы слогана, позаимствованные с рекламы вошидов и немного перефразированные на новый лад. «Эдвард Скам! Чистый город. Чистые руки. Чистый разум», — гласил плакат, который, будь он из бумаги, оставалось только смять, разорвать и отправить в мусорное ведро. На свалку, в печь. Как и несколько лет работы…

Работы… Илон вдруг понял, что больше переживает не за плоды своих трудов, спущенных тремя выстрелами в унитаз, и не за карьеру Эдварда, а просто за несчастного человека, в один миг утратившего самое дорогое, что у него когда-либо было в жизни. От этой мысли Илону немного потеплело на душе. Он лишь вообразил, что стало бы с ним, если бы он пережил такой кошмар, и по коже пробежал мороз.

Пакет, зарытый у калитки… Пистолет в нем… Неловкая походка Джессики… Ее чужие глаза… Звуки выстрелов… Это была не она, чтобы там ни утверждал ИИ. Внутри ныне покойной миссис Скам кто-то сидел — безумный и жестокий пассажир, какая-то тварь нажимала спусковой крючок, забирая одну невинную жизнь за другой. Но почему аура оставалась синей, как будто Джессика не теряла свое я?..

Илон задумался, понимая, что приоткрывает дверь, за которую разумный человек не только побоялся бы заглянуть одним глазком, но и просто поостерегся бы стоять рядом с ней. И что делать? Сообщить руководству? Ни в коем случае. Они предпочтут все замять, а то еще и уволят, чтобы избавиться от чересчур инициативного сотрудника. Связаться с пьюрами? Эти поднимут шум на весь мир, и ублюдки залягут на дно, как только почуют, что дело пахнет жареным. А может быть… осторожно понаблюдать за фьюжин-центром, поболтать с фьюжинерами? Уж если дело обстоит именно так, как представляется сейчас, то концы следует искать именно там…

Илон обвел взглядом зал, прислушался к шепоту, глубоко вдохнул — словно только сейчас окончательно отходя от временного помутнения.

Жизнь шла своим чередом. Мастера хаоса плели нити чужих судеб, а он… Ведь он тоже один из них. Разве нет? Он такой же, как и Инста, как и Брюс, как и этот тупица Дэн. И он не позволит страшной беде сломить Эдварда Скама. Ни за что! Потому что,

мать твою, он самая настоящая богиня! Всемогущая Шэлла, которую, наверное, уже сто раз проклял Эдвард после того, что сегодня случилось в его теперь уже опустевшем доме. Отпуск, конечно, очень некстати. Но с Брюсом лучше не спорить, а молча согласиться.

Илон размял пальцы, смахнул заставку и замер, уткнувшись в экран, где вращались две, не одна — а две! — синие ауры Скамов. Оставшиеся, увы, были белыми, как окружавшие его стены. Молли! Малышке Молли удалось выжить.

— Да! — не сдержался Илон. — Извините, работайте-работайте, — поспешил извиниться он, не отлипая от двух синих аур.

Он бросил камеру к дому Скамов. У ограды перемигивались огни полицейских машин и кареты скорой помощи, бродили туда-сюда копы, фотографировали, вынюхивали, болтали. Через несколько секунд из дома показался Эдвард, сопровождающий носилки, на которых санитары несли малышку Молли.

Убедившись, что она в самом деле жива, Илон отдалил камеру, чтобы изображение не мешало ему ясно думать о том, чем помочь Эдварду. Чем помочь… другу. Не своему политическому проекту. Не воплощению своей заветной мечты. А… другу.

Пока Илон не знал, что конкретно напишет в сценарии. Однако надеялся, что будущий текст хоть немного облегчит страдания Эдварда и, быть может, вернет ему веру в жизнь.

* * *

Адам крякнул от возмущения, когда к нему с выпученными глазами и совершенно бесцеремонно ворвался старший ассистент Томас. Это было наглейшее вторжение в лабораторию, в священное место, где, возможно, именно сейчас творилась история. Пока этот невоспитанный юноша не осквернил его своей непростительной выходкой, прервав ход мыслей и сбив весь настрой на грядущий эксперимент.

Он же предупреждал, чтобы его не беспокоили, но Томас не просто не удосужился постучать в дверь, будто у него руки отсохли, а всем своим видом демонстрировал полное неуважение к озвученным ранее предостережениям.

— Там… Это… Вам лучше взглянуть, — наконец проговорил он, указывая рукой в неопределенном направлении. — Пойдемте скорее.

В иные дни Томас молол языком не утихая. Но сегодня был

немногословен и с трудом составлял примитивные предложения, как будто отупел за одно мгновение.

Адам осуждающе покачал головой. Как выглядел Томас, так он примерно и изъяснялся. То есть весьма скверно. К сожалению, в обязанности руководителя проекта «Стар Фрог» входили не только научные изыскания, но еще и много всего другого — как правило, неприятного и бессмысленного. В том числе и забота о благе коллектива. Его неразумные представители периодически зачем-то открывали рты, чтобы потратить свое и чужое бесценное время на пустую болтовню.

Они спешно пересекли зал и остановились у самой большой конструкции — старой телепортационной установки, которой давно было место в музее. Но сейчас ее прозрачные стенки почему-то плотно облепили научные сотрудники, слетевшись сюда, казалось, со всего Института транспорта и коммуникаций. Насколько помнил Адам, это был портал, ведущий прямиком в Спэйс Нидл.

Под не стихающий шум он растолкал преграду из бездельников в белых халатах и опустил глаза, не без удивления совершив сразу два открытия. Первое: старый портал по-прежнему исправно работал. Второе: в мире все еще остались люди, не ведающие о том, что происходит с органикой в процессе телепортационного перемещения.

На дне кабины находилось скрюченное, иссушенное и безглазое тело, покрытое лоскутами сморщенной кожи. Больше всего объект внутри портала походил на мумию. Она лежала на боку и будто обнимала приличный по размерам невидимый объект.

Не то чтобы Адам растерялся. Что он, мертвецов в своей жизни не видел, что ли? Но подумать было над чем.

— Доктор Клейн, — произнес Томас. — Что будем делать?

На Адама уставились несколько десятков глаз, тревожный шепот стих.

— Ну, а по-вашему, что мы должны делать, если к нам буквально с небес упал высушенный труп? — спокойно спросил Адам.

Его совсем не заботило тело в портале, пусть даже оно вывалилось из чрева космической станции. И его совсем не занимали причины появления мумии в институте. Какой-то глупец решил свести счеты с жизнью или его слегка подтолкнули — все равно. Но труп — это дело пьюров, дело пьюров — расследование, а расследование — это вереница вопросов. А он так устал отвечать на них после хакерской атаки. Логическая цепочка, как ни посмотри, приводила к одному-единственному

выводу — неутешительному.

— Значит, мне вызвать пьюров? — решил уточнить не понимающий намеков Томас.

— Уж будьте любезны, — расстроенно пробормотал Адам. — И ничего тут не трогайте, пожалуйста, — дал он указания и задумчиво побрел в направлении лаборатории, с сожалением понимая, какой бедлам тут скоро начнется, когда появятся вызванные пьюры.

* * *

Ей наконец-то повезло.

Мики, конечно, поворчала и поупрямилась, но за дельный совет в расследовании ограбления склада «Роботеха» закрыла глаза на небольшое ночное происшествие. Кроме того, старое корыто, отчего-то именуемое аэрокаром и едва не убившее своего владельца, наконец-то отправили на свалку, заменив новенькой скоростной моделью. Ну и самое главное — она оказалась ближе всех к куполу, когда поступило сообщение о преступлении. Причем настолько ближе, что у других пьюров не было никаких шансов ее опередить. Только Жан почему-то продолжал упрямо двигаться в направлении Шэлл Сити, как будто не видел, что ему там все равно ловить нечего.

— Ты же понимаешь, что тебе меня не догнать? — спросила Сара.

— Ты вчера, видимо, серьезно ударилось головой. Иначе бы помнила, что я веду дело о взломе серверов Института транспорта и коммуникаций.

— И что ты там надеешься найти? Хакеров с повинной?

— Я просил доктора Клейна сообщать мне о любых происшествиях. Полагаю, труп — это происшествие.

— Думаешь, хакерская атака и труп как-то связаны?

— Не знаю. Может, и никак. Но этот институт словно Бермудский треугольник. Ты ведь не знаешь, да?

— О чем?

— Как погиб его прежний руководитель. Дело вел Пинг. Говорит, что стопроцентный несчастный случай.

— У тебя есть сомнения.

— Нет. На камере все ясно видно. Но тенденция настораживает. Когда, кстати, у вас свидание?

— О-о. Уже разболтал, значит.

— Я знаю один хороший ресторанчик. Стэйки — пальчики оближешь. Самые низкие цены на натуральное мясо в Лост Арке.

— Мне кажется, натуральное мясо в Лост Арке везде стоит одинаково дорого.

— Жаль, я не согласился на массаж ступней, — рассмеялся Жан. — В следующий раз, когда тебе захочется дело, придумаю что-нибудь поразвратнее. Ладно, увидимся на месте.

Новый аэрокар пошел на снижение. Он резал небо легко и почти бесшумно — так странно, совсем не привычно. Ничего в нем не гудело, не трещало и не лязгало, как прежде. Саре казалось, что она находится не внутри огромной и тяжелой консервной банки, а просто сама по себе летит среди облаков, закинув ногу на ногу. Да и садился новый аэрокар, словно опускался на перину.

Снаружи было жарко и душно — не то что в салоне. Стоял полдень, и солнце уже раскалило все, до чего дотянулось своими жгучими лучами. На стоянке пахло нагретым металлом и немного лесом.

Ее уже встречали. Курносый коротышка лет двадцати пяти, с блестящим от пота лицом и бегающими глазами. На нем был светлый халат, по левому рукаву тянулась серая полоска грязи, как если бы им протерли пыльную поверхность.

— Томас, — назвался коротышка. — Ассистент доктора Клейна.

— Сара, — представилась она, вытаскивая из машины темно-синий кейс. Голубая форма не требовала дальнейших пояснений. — Идемте.

Они направились к высокому зданию, походившему на ракету или большую, белую хлопушку. Возможно, из-за недавнего визита Жана ассистент доктора Клейна уже привык к пьюрам и не испытывал страха или излишней тревоги.

Саре это нравилось. Обычно люди при виде голубой формы вели себя иначе: мекали и бекали, не в силах связать пару слов, смотрели на нее вытаращенными глазами, как на злое божество, сошедшее с небес, случалось, что и столбенели. Она устала от впадающих в ступор всех без исключения участников расследуемых ею дел. На Томаса голубая форма пьюра не оказала никакого эффекта.

— В общих чертах — что у вас произошло?

— Старый портал… В нем появился труп. Человека.

— Понятно, — спокойно сказал она, так как уже впрыснула холодок, который на время приглушил ее эмоции. — И куда этот портал ведет?

— На Спэйс Нидл.

— А есть вероятность, что тело подбросили в вашей лаборатории?

— Не, — ухмыльнулся Томас. — Он стоит у всех на виду. Не думаю, что кто-нибудь смог бы пронести целый труп и остаться незамеченным. К тому же — зачем?

Сара промолчала, не соглашаясь со своим спутником. Например, кто-то мог попытаться скрыть следы преступления, произошедшего здесь, в Институте транспорта и коммуникаций, а не на космической станции, с которой после осмотра места преступления надо будет обязательно связаться. Если это, конечно, возможно.

— Кто обнаружил тело?

— Я, — ответил Томас. — Как пыхнуло, я чуть не обделался. Портал старый, новые так не горят. И не шумят.

— Когда это произошло, поблизости находился еще кто-нибудь?

Томас задумался.

— Да почти все были на месте. То есть еще девять человек. Они тоже заметили вспышку.

— Конфликты между работниками?

— Вроде нет… никаких конфликтов.

Они добрались до института. Перед ними уже разъехались створки дверей, когда Сара раскрыла кейс, обнажая ожерелье пьюра, — шесть темных, круглых и блестящих дронов, напоминающих крупные, размером с кулак, черные жемчужины.

Нежное касание оживило ожерелье, и дроны темными бусинами заплясали вокруг хозяйки, собирая урожай инфы: от крошки на полу до видеофайлов с камер наблюдения. Когда она окажется на месте преступления, то будет знать все: кто входил, кто выходил, кто случайно пролил кофе, кто не имеет привычки вытирать ноги после того, как залез в грязь, а кому следует купить шампунь от выпадения волос. А то вон роняет их, словно линяющая псина.

Дик, инфа поступает в облако?

Да, — отрапортовал корешок.

И Сара, окруженная плавающими дронами, последовала за Томасом, почти сразу наткнувшись на подозрительный след. Она посмотрела на дату: во вторник институт посещал Виктор Шварц. Тот самый психолог, который в тот же день безуспешно пытался вправить ей мозги. Он еще так странно смутился, когда она оказалась на его виртуальном пляже. Чем он тут занимался? Оказывал психологическую помощь, навещал приятеля или…

— К вам вчера приходил психолог по имени Виктор Шварц. Знаете, что он тут делал?

— А, да, — ответил Томас. — У него были проблемы с наноидами.

— Что именно случилось?

Томас пожал плечами.

— Спросите доктора Клейна.

— Спрошу.

Они вошли в зал, заставленный телепортами, и, не останавливаясь, начали его неспешно пересекать. Место, где они оказались, походило на цех по сборке кабин лифта разных форм и размеров. Вычурные и совсем простые. Большие, куда поместился бы аэрокар, и маленькие, словно собачьи будки. С прозрачными и не очень стенками. То тут, то там что-то искрилось или вспыхивало голубым пламенем.

Сара отпустила ожерелье на волю, и шесть дронов закружились по залу, чтобы впитать терабайты и терабайты данных. Тем временем Томас подвел ее к громоздкой телепортационной установке, на дне которой лежал труп.

До нынешнего дня Саре не приходилось видеть жертв телепортации. Тело как будто лишили всей влаги. Оно было скорченным, безглазым и полностью обезвоженным. Казалось, только тронь — рассыплется прахом. Именно им и пошла версия о подброшенном трупе. Донести его в таком состоянии было нереально — все равно что фигуру из песка. Иссохший труп просто не перенес бы никакого перемещения.

Сара вновь открыла кейс, извлекла микропроекторы и разбросала их по сторонам, огораживая желтыми голографическими лентами место преступления. Томас поспешил убраться из выделенной зоны, но остался неподалеку. К нему присоединились еще зеваки, двое хмурых мужчин лет за сорок и совсем молоденькая девушка.

Стая дронов, выпущенная на свободу, порхала по залу, загребая инфу. Место преступление было огорожено. Жертва спокойно лежала на дне портала, никуда убегать не собиралась. И…

И Сара понятия не имела, что делать дальше. Если бы труп был обыкновенным, она, исходя из положения тела, попросила бы ожерелье сформировать голограмму его падения, его предсмертного движения. Привычно повертела бы, покрутила ее, а там, глядишь, ниточка бы и потянулась. Но с трупом в телепорте прежние приемы не работали, а дроны пока не нашли ничего любопытного. Ухватиться было решительно не за что. Разве что… Жертва лежала в такой позе, будто перед смертью, перед тем, как войти или броситься в портал, обнимала кого-то или держала что-то. Высушенные руки сходились неровной дугой над грудью.

В помещении сделалось тихо. Почти все сотрудники

института подтянулись к голографическим лентам, чтобы поглазеть на пьюра за работой. Но продемонстрировать им пока было нечего. Настоящее место преступления висело где-то там, среди звезд. А может, никакого преступления и вовсе не было, а этот несчастный шагнул в портал из-за неразделенной любви. Или случайно, под градусом, заскочил не в ту кабину на Спэйс Нидл.

Тишина продлилась недолго. Дроны уловили внезапные восторги, словно в институт вдруг решил заглянуть какой-нибудь известный блогер. Шум приплыл из коридора, по которому они с Томасом шагали несколько минут назад. Сара приказала дронам показать источник суматохи, и при виде картинки подумала, что серьезно бы удивилась, если бы не находилась под холодком. Из коридора выходили двое: Жан и представитель Совета. Жан был крупным мужчиной, но идущий с ним рядом советник настоящей горой. Строгий черный костюм, смуглая кожа, бритый череп, могучие плечи и квадратная челюсть. Казалось, пожелай он — и одной рукой поднимет идущего рядом с ним Жана.

— Советник Грей, — поприветствовала его Сара. — Жан.

Советник молча зашел за ограждение, обвел внимательным взглядом высохшее тело и сумрачно произнес:

— Полетите со мной.

— Туда? — Сара стрельнула глазами в потолок.

— Да. Сегодня вечером.

Ничего толком не объяснив, советник повернулся и зашагал к выходу, сверкая своим черепом кофейного цвета. Жан остался, с интересом изучая труп в портале.

— Пойдем. Меня тоже выбрали, — сказал Жан с улыбкой. — Не волнуйся, о твоей замечательной мумии позаботятся.

— Имей хоть какое-нибудь уважение к мертвым.

Сара раскрыла кейс и опустила его на пол, приглашая дронов вернуться домой. Пока они один за другим падали черными шарами в ячейки, она собрала голографы, про себя отдавая должное тому великому человеку, который первым изрек мудрость о том, что стоит бояться своих желаний. Если бы ее спросили, хочет ли она расследовать настоящее дело, она бы без заминки воскликнула «да»! Но если бы ей сказали, что для этого придется несколько дней болтаться в космосе, она бы сто раз подумала.

— Помочь? С ожерельем? — спросил Жан.

Сара покачала головой, подняла потяжелевший кейс и под шепот сотрудников направилась к выходу.

— Как дела у Мики? — спросила она, когда они оставили зевак позади. — Как ее ограбление?

На самом деле ей было плевать на дела Мики. Просто она чувствовала, как даже сквозь дизэмпатик начинает проступать страх, словно липкий пот на коже, и хотела увести свой разум в сторону от неприятных мыслей. О космосе, о его гробовой тишине, о его смертельном холоде.

— Пока ничего, — ответил Жан.

Глава 5. Без кофеина. Часть 1

Тяжелый невидимый шар отчаянно давил на грудь — медленно ворочался, истязал, вжимая в корабельное кресло; глаза цеплялись за мутную полосу света, бегущую по стене пускового тоннеля; тихий монотонный гул с отзвуками медицинского бура противно ввинчивался в уши; за спиной бубнили, перешептывались и смеялись штурмовики — шебутные, как дети. Двадцать минут мучительного разгона, и огромная электромагнитная пушка со всей дури выбросит в космос корабль «Радбос», словно ядро.

В космос… В бескрайний, темный, холодный и… смертельно опасный.

Сара ни с кем не делилась своим сокровенным страхом. Страхи, фобии — это слабость. А она не хотела выглядеть слабой. Чокнутой и сумасбродной, да кем угодно, даже глупой — пожалуйста. Но только не слабой. Однако межпланетные полеты… Проклятые межпланетные полеты — они стали ее персональным криптонитом, ее ахиллесовой пятой. Космос пугал до дрожи в коленях, до обморока, от одной мысли о нем леденело в груди и сводило живот; за орбитой, среди тусклых стеклышек звезд, в черном океане пустоты она чувствовала себя уязвимой и часто задавалась вопросом, почему так? Ведь она легко, играючи водила аэрокар и с кайфом взмывала выше небоскребов, чтобы баламутить облака. Дело было не в высоте. Разумеется, не в высоте. В чем-то ином. Возможно, в беспомощности. Что она могла противопоставить этой ледяной и безжизненной тьме, если бы очутилась в ней, за бортом корабля? Совсем одна, безвольно плавая в невесомости и неуклюже размахивая руками до тех пор, пока не кончится кислород. Пока… она не начнет задыхаться от удушья.

Ей уже начало чудиться, что в корабле иссякает воздух; перед глазами поплыли разноцветные мигающие огоньки пассажирского отсека. Она зажмурилась, замерла, слушая, как тяжело колотится сердце и завывает корабль, скользящий по глухой, плохо освещенной трубе пусковой установки…

Одна минута, — предупредил Дик.

И Сара ожила. Она ждала этого сообщения, как манну небесную, и незамедлительно впрыснула инъекцию дизэмпатика, чтобы погасить разросшийся, липкий и противный страх. Первый час холодок действовал особенно эффективно, и она решила отодвинуть время его применения до выхода на орбиту.

Жан, тихо сидевший рядом, заметил ее суету и с сочувствием

улыбнулся.

— Волнуешься? — Он положил свою ладонь поверх ее ладони.

Пальцы пьюра были горячими — обжигали, словно колбаски, миг назад снятые с решетки гриля.

— Немного, — сказала Сара, вытягивая свою холодную руку из-под этой грубой и увесистой пятерни.

Жан опять улыбнулся. Но Саре не было дела до его жалости или издевки: дизэмпатик бежал по венам, разрывая оковы паники, резко притупляя одни чувства и обостряя другие. Крупицы страха рассеялись, и она взглянула на мир, на пассажирский отсек, на беззаботного Жана спокойно и внимательно — глазами истинного пьюра, а не испуганной девчонки, вздрагивающей от каждого шороха.

В этот момент стартовая установка плюнула кораблем в открытый космос, и Радбос ощутимо тряхнуло. Спустя считанные секунды после встряски последовал новый толчок — это заработали ионные двигатели, потянувшие звездолет в сторону Спэйс Нидл, откуда сегодня вывалился злосчастный труп.

— Полетели! — произнес Жан и расставил руки, мерно помахивая ими, словно птица крылья.

Полетели, — повторила про себя Сара, размышляя о грядущем деле.

Пустота царила не только снаружи, но и внутри — в голове. Ни одной толковой мысли, блуждание во мраке. Несколько часов между посещением Института транспорта и коммуникаций и выходом на орбиту прошли в сплошной суматохе. На нервах, почти в бреду. Советник ничего не сообщил, хотя, очевидно, знал больше, чем призванные им пьюры.

— Что думаешь? — спросила Сара.

Руки-крылья Жана опустились, он серьезно посмотрел на нее. В последнее время пьюр ухмылялся и улыбался так часто, что Сара даже удивилась, когда заметила на круглом лице проблески озабоченности.

— Советник выглядел встревоженным. Не уверен, что он стал бы нас дергать по пустякам. Но даже не представляю, что могло произойти на станции, если тот бедолага все-таки случайно не шагнул в портал. Не мучай себя раньше времени. Полагаю, с минуты на минуты все прояснится. — Жан обвел взглядом пассажирский отсек, потянулся в кресле и зевнул. — Шикарная птичка. Никогда прежде на такой не летал. А ты?

В отсеке появился советник Грей. Он слегка пригибался, чтобы не набить себе шишку; темная, почти черная кожа блестела, словно полированная, — не то от волнения, не то еще

от чего.

Почему он не позвонил на корешок, а позвал их лично? — удивилась Сара, когда советник молча поманил их ладонью.

Они с Жаном безропотно направились за советником мимо череды кресел, забитых шумными штурмовиками, — туда, в каюту Грэя, чтобы приподнять завесу тайны над загадочной гибелью сотрудника Спэйс Нидл. Во всяком случае, Сара искренне на это надеялась.

Посадку на корабль она помнила смутно: брела сквозь густую и серую мглу, подсвеченную сигнальными огнями, волочилась за Жаном, словно привязанная, и бездумно наблюдала, как покачиваются его широкие плечи, а еще… напоминала Дику, чтобы за минуту до выхода на орбиту он ее обязательно предупредил, как будто корешок мог о чем-то забыть. Все мысли были лишь о том, чтобы поскорее опуститься в кресло, пристегнуть ремни безопасности и ждать момента, когда можно будет закинуться холодком. И только сейчас, когда дизэмпатик разогнал страхи, осознала, на какой громадине они неспешно ползут по космосу.

"Радбос" был огромным. Они миновали около двух десятка отсеков, пока не очутились в каюте советника. Ее тоже строили не под его рост, поэтому Грей предпочел сразу сесть, устав постоянно пригибаться.

Увы, несмотря на свой впечатляющий размер, "Радбос" оставался космическим кораблем, где каждая унция веса, каждый дюйм пространства были на вес золота. Поэтому каюта Грея ничем не отличалась от иных кают — аскетичная и тесная, с откидным столиком и откидной койкой, куда и опустился советник, а затем жестом предложил им присесть.

Сара уже заметила, что Грей не из болтливых. И тем ценнее были его слова, когда он наконец-то раскрыл рот, чтобы произнести несколько фраз.

— То, что я вам сейчас покажу, видели лишь некоторые члены Совета, — предупредил он и потянулся к экрану. — Это все, что у нас есть. Одна минута записи со Спэйс Нидл.

Прозрачный экран шириной в три ладони, плавающий над откидным столиком, вспыхнул от жеста и явил серебристо-серый коридор — чуть шире, чем на местном корабле.

По коридору не спеша, устало шел невысокий и щуплый светловолосый мужчина, одетый в темный мундир. Камера смотрела ему в спину, лица было не разглядеть, но все, что с ним происходило, Сара видела в деталях.

Мужчина неожиданно вскрикнул, загородился руками, как от удара, и упал, словно скошенный стебель, пропустив сквозь себя

нечто почти прозрачное, едва уловимое — призрачное. Затем коридор утонул в тревожном свете красных огней и запись остановилась. Таймер в углу экрана показывал одну минуту и семь секунд.

Грей озадаченно вздохнул. Жан впрыснул в себя холодок, поглядел на Сару не моргая. Он оказался прав. Да она и сама подозревала, что упавшая с неба мумия — далеко не чья-то ошибка, совсем не случайность. Особенно, когда в Шэлл Интертаймент прилетел представитель Совета…

— Шестьдесят семь секунд, — сказала она, не сводя взгляда с застывшей на экране картинки.

Неизвестный мужчина, широко раскинув руки, лежал на полу коридора космической станции, словно накрытый красным погребальным саваном.

— Шестьдесят семь секунд, из которых вы должны выжать максимум до прибытия на станцию, — уточнил Грей.

— ИИ Спэйс Нидл? — повернулся к советнику Жан.

— После… м-м инцидента со станции перестали поступать любые сигналы, как будто она исчезла вместе со всем экипажем. Но пролетающие мимо корабли продолжают наблюдать ее визуально. Кроме того, наши приборы зафиксировали странное… волнение в момент ее исчезновения, чью природу мы пока понять не можем. Над этим уже работают. Как только что-то станет известно, я вам сразу сообщу. Запись теперь в вашем полном распоряжении. Но моей каюты она покидать не должна.

Советник поднялся, предусмотрительно ссутулился и, не проронив ни слова, вышел в коридор. Будто сбежал, не желая ломать мозг над головоломкой, подумал Сара. Хотел, чтобы пьюры сотворили чудо и разгадали пазл вселенского масштаба, имея на руках лишь минутную запись.

Как только Грей исчез, Жан сделал то, о чем думала Сара: воспроизвел запись, замедлив ее до слайд-шоу. Один кадр, другой, третий… Жертва едва двигалась на экране, не рассказывая о себе ничего нового. Да и что она могла рассказать за минуту?..

Но Сара все равно ловила каждое движение, не желая ничего упустить. А вдруг? Вдруг ей удастся заметить что-нибудь, что не бросалось в глаза во время первого просмотра. Какую-нибудь вспышку, какой-нибудь отблеск, какой-нибудь… звук.

— Сделай погроме, — попросила она.

И по каюте советника разнесся звонкий шлепок, как если бы кто-то со всей мочи шлепнул в ладоши, но это жертва всего лишь опустила свою ногу на пол коридора Спэйс Нидл. Звуки шагов были ясными и, помноженные на обостренное чутье пьюра после

дозы холодка, в тишине каюты громыхали настоящими выстрелами, заставляя перепонки отчаянно звенеть и дрожать.

— Отфильтрую их, — известил Жан.

Сара кивнула, продолжая сверлить чистым взглядом экран, где маленький человечек дергался и забавно переставлял ножки, словно старая кукла на ниточках.

Светлая короткостриженая голова, темный мундир на худом теле, строгие брюки, начищенные до блеска черные туфли… Жертва ничего не желала рассказывать о себе.

— П-шш!

Жан остановил запись, и мужчина застыл, подняв ногу для следующего шага.

— П-шш! П-шш! П-шш! — в каюте будто враждебно шипела испуганная кошка.

Жан пустил пойманный звук по кругу. Вперед-назад. Вперед-назад. Вперед-назад.

— Ну хоть что-то, — без оптимизма произнес он и вновь включил запись. — По крайней мере, мы знаем, что призрак…

— Призрак?

— Ну нам же надо как-то его называть, кем бы он ни был на самом деле.

— Ладно, пусть будет призрак, — согласилась Сара. — Прости, я тебя прервала. Так что нам дает этот звук?

— Ну, теперь нам известно, что его можно услышать. Если, конечно, именно он является источником шума, а не техника станции. Спэйс Нидл старая. Очень старая. Ты же видела их портал — настоящий раритет. Мало ли что на ней может шипеть. Отправлю к нам на анализ. Подкину ИИ и спецам задачку, чтобы не скучали.

— Как думаешь, почему он не побежал? Только прикрылся руками.

— Поздно заметил. Призрака и на записи едва видно. В коридоре темновато, свет мутный. Не то что в нашей каюте. — Жан театрально прищурился. — Я же говорю: старая она, станция.

— Наверное, ты прав. Останови.

Незнакомец в мундире застыл, прикрываясь руками. А напротив него замер… призрак — непонятное существо, словно отлитое из стекла, — чуть блестящее, прозрачное, как будто влажное. Оно висело в воздухе без опор — облаком, дымом. Два, может быть, два с половиной фута в длину, рыбье тело, короткие и тонкие щетки щупалец вдоль всего брюха и толстые, вытянутые, изогнутые, как у осьминога, на морде. Каких-либо глаз или клыков Сара не заметила, сколько ни всматривалась в изображение. Только щупальца, похожие на сосульки.

— Давай дальше, — попросила она.

Изображение на экране мигнуло, призрак рванулся к жертве и пролетел сквозь выставленные человеческие руки, как через голограмму — не встретив никакого сопротивления.

На этот раз Жан сам остановил запись, с интересом изучая неприятный кадр. Призрак пробил тело жертвы насквозь, вошел в грудь и вынырнул из спины, собрав щупальца на морде пучком, но не тронув мундир. Ткань осталась как новенькая. Ни прорехи, ни складки, ни… пятна.

— Не вижу никаких внешних повреждений, а ты? — спросила Сара.

Жан повернулся к ней и растерянно, медленно покачал головой. После чего еще немного промотал запись, оставив на экране только бездыханное тело. Мужчина упал ничком и умер без мук и стонов. Мгновенно. Возможно, еще до того, как рухнуть посреди коридора Спэйс Нидл. В тот самый момент, когда его грудь прошил смертоносный призрак.

Сара вгляделась в распластанное тело, прильнула к экрану, изучая жертву, и… не нашла ничего нового. Призрак появлялся внезапно, убивал быстро, тихо, одним касанием, не оставляя никаких следов. Для него не существовало преград, он легко проходил сквозь человеческую плоть, унося с собой чужую жизнь. Идеальный хищник, который пока выглядел совершенно неуязвимым.

— Итак, что мы имеем? — спросил Жан, припадая спиной к стене, и сам же ответил. — Ничего.

Он глядел вверх отрешенно — размышлял, перебирая мысли, и щурился от яркого белого света, падающего с потолка. Круглое лицо пьюра было бледным — хоть на небо вешай вместо луны, мощные руки недвижно лежали на койке.

Сара не знала, что сказать. Ни она, ни ее напарник, никто из пьюров прежде не сталкивался с подобным противником — непознанным, почти невидимым и способным преодолевать любые преграды.

— Думаешь… этот призрак не из нашего мира? — спросила она.

— Необязательно, — ответил Жан. — Откуда нам знать, чем занималась на станции. Может, местный питомец вырвался на волю и решил погулять.

— И нагулял уже два трупа.

— Два?

Саре не хотелось думать, что все люди на станции уже мертвы. Кто-то от страха прыгнул в старый портал, кто-то наткнулся на невиданного монстра в коридоре, кто-то… Но как

они могли избежать гибели, оказавшись один на один с призраком?

— Возможно, кому-то все-таки удалось уцелеть, — сказал она. — Укрыться где-нибудь.

— Не уверен, что от него можно укрыться. Ты сама видела, на что он способен.

— Что мы доложим советнику?

— Надо дождаться результатов исследования.

* * *

Результаты исследования поступили, когда "Радбос" заходил на стыковку со станцией. Сара сидела в своей каюте, под холодком, и перебирала мысли, медленно, медитативно, словно четки. Свет был приглушен — так лучше думалось. Ее со всех сторон обступала тишина.

Тот, кто изучал отфильтрованный шум, ничем толком не помог, сославшись на плохое качество записи. Однако указал на то, что исходный источник был не один и с большой долей вероятности предположил, что шум природного происхождения, похож на импульсно-тональные сигналы — иными словами, призраки общались, как дельфины.

Толковых мыслей не было. Ни одной. Сара глядела на крошечный экран, куда с наружных камер текло изображение, и видела лишь старую и мрачную станцию, похожую на карусель. Три широких обруча, насаженных на длинное основание, которое формой напоминало здоровенную космическую иглу. После происшествия вращался лишь один, самый мелкий из них. Грустно помигивали красные редкие огни.

Они много раз пытались связаться со станцией — безуспешно. Ни члены экипажа, ни ИИ не отзывались. Запуск дальнего сканирования тоже ничего не дал. Вокруг Спэйс Нидл будто раздулся огромный незримый пузырь, где затухли и исчезали любые сигналы. Казалось, станция была мертва. Или находилась в коме. Пятьдесят восемь человек — ни звука. Гробовая тишина. Неужели все они погибли?

Она столько раз прокручивала запись, что ей уже начали сниться кошмары. Это все, чего она добилась, как одержимая мотая запись вперед и назад. Назад и вперед. Вопросы. Нерешаемые вопросы висели в воздухе — смеялись, издевались над ней, раздражая и уязвляя самолюбие.

Что там на самом деле произошло? Кем были эти призраки и откуда пришли? И самое главное — как их одолеть, когда они

вытворяют такое? И вообще можно ли их одолеть?

Пришел Жан — щеки красные, улыбка до ушей, весь такой подвижный, будто на пружинах. Чему радовался — непонятно, но сразу видно: холодок не принимал давно. Круглолицый пьюр сел рядом, на ее койку, источая шоколадно-спиртовый запах.

— Ты что, выпил? Серьезно? — спросила она.

— Не смог отказать штурмовикам. Классные ребята, — ухмыльнулся он и спросил. — Так заметно?

— За милю разит.

— Ой, да ладно, не сгущай краски, — отмахнулся он. — Могу и тебе принести. Неизвестно, что нас там ждет. Жизнь — коротка.

Жан придвинулся к ней так близко, Сара чувствовала его дыхание. И пышущее жаром тело. Она предвидела, что сейчас произойдет. И это произошло: пьюр попытался ее поцеловать. Ей пришлось вежливо отстраниться и положить сложенные пальцы на его вытянутые и влажные губы.

Жан вздохнул, погрустнел, надулся, как обиженный ребенок, и прошептал сквозь ее пальцы:

— Жаль.

— Прими дизэмпатик, — посоветовала Сара, когда он поднялся.

— Ну у меня есть хотя бы шанс? — спросил пьюр, стоя в дверном проеме. — Может, дело в холодке? Я вот когда им закидываюсь… Или дело во мне?

Сара настырно молчала. Пока пьюр, огорченный отказом, не оставил ее в одиночестве. Тогда она покачала головой и сказала:

— Ох, Жан.

Она улыбнулась, представляя, как массирует ему ступни, наряженная в костюм феи. Пестрое короткое платьице, прозрачные крылья за спиной, тонкая диадема в волосах. Как глупо и смешно. А ведь пришлось бы, если бы он согласился отдать ей дело об ограблении? Мики… Ей всегда везло больше, чем другим.

В одном Жан был прав: их ждала неизвестность. Их ждала встреча с призраками, которых по отчету было как минимум двое. И они казались совершенно неуязвимыми.

Дик, сколько до стыковки?

Двенадцать минут тридцать секунд.

Глава 5. Без кофеина. Часть 2

Станция встретила их мраком, скрипами и тревожным шепотом. Ну хоть гравитацией побаловала, и на том спасибо.

Штурмовики, бряцая амуницией и оружием, высыпали в темный коридор Спэйс Нидл первыми. Лучи фонарей вспороли мрак, белые пятна лихорадочно забегали по серым стенам. Потом вышел Жан, следом — Сара, чувствуя, как позади нее высокой горой нависает советник. Станция выглядела тесной и неприятно мрачной, словно старая подводная лодка.

Отвергнутый Жан старался не смотреть в ее сторону. Молча раскрыл кейс, выпуская на волю дронов. Он все-таки внял ее совету: принял дизэмпатик перед тем, как браться за дело. Сара тоже откинула крышку кейса, обнажая ожерелье пьюра. Пять дронов вспорхнули в воздух, сверкнули в лучах фонарей и, собирая инфу, исчезли во тьме в поиске живых и мертвых. Шестой повис над плечом, освещая ей путь.

Штурмовики разделились на несколько групп по три-четыре человека, чтобы максимально расширить зону поиска. Еще кто-то сопровождал советника, кто-то Жана. Ей тоже приделали хвост в виде двух бойцов. Первому, наверное, было под сорок, широкие плечи, на лице — ноль эмоций. Вторая — крепкая, но симпатичная девушка лет за двадцати пяти, с большими сияющими глазами и приятной улыбкой. Вся такая подвижная, энергичная, словно пантера. Оба, к счастью, умели держать язык за зубами. Меньше всего Саре сейчас хотелось отвлекаться на болтовню.

Узкий коридор с серыми стенами, белый свет трех фонарей, тихий шорох шагов, дизэмпатик отчаянно борется с естественным страхом, и будто чей-то ехидный голос в голове спрашивает: «Ты хотела получить настоящее дело?»…

Ей на осмотр отдали нижнюю часть западного сектора, где, кроме теплиц гидропоники, больше по сути ничего и не было. Но не успела она проделать и тридцать шагов, как дроны, убежавшие далеко вперед, уже обнаружили двух мертвецов. Без видимых повреждений.

Жан оказался прав. Худшие опасения сбывались: на связь с "Радбосом" никто не выходил потому, что выходить, по всей видимости, было просто некому. Все, кто находился на станции, были мертвы. Пятьдесят восемь человек… Это было стремительное нападение. Это было уничтожение — безжалостное и необъяснимое. Это было…

Сара взяла обеими руками эирган и подумала, что в борьбе с

призраками он ей вряд ли поможет — возможно, заряд пройдет сквозь них так же, как они проходят сквозь плоть, не встречая сопротивления. На нее начала накатывать тревога — пока еще тихо, вкрадчиво, еле заметно.

Если бы она знала, как прикончить тварей, стало бы проще. Но ей были известны лишь их сильные, нагоняющие жуть стороны. И ни одной слабой. Она остановилась и впрыснула холодок.

Обнаружено превышение дизэмпатического средства, — взволновался заботливый Дик.

Спи, — приказала она, но быстро опомнилась. — *Нет, очнись. Ты мне еще понадобишься. Поговорим об этом позже. Только, пожалуйста, не мешай мне сейчас.*

Этот момент рано или поздно должен был настать. За трое суток она всадила почти месячную норму холодка, заглушая страх перед космосом, призраками, смертельной опасностью и проветривая, остужая голову для размышлений о деле, которому уже было не очень-то рада.

Штурмовики не без зависти поглазели на то, как пьюр закинулась драгоценным холодком, чтобы приглушить тревогу. Они тоже боялись, хоть и держались гордо. Страх выбелил их лица, метался в глазах, блестел капельками пота на бледной коже.

Советник Грей долго раздумывал над тем, показывать ли отряду штурмовиков ту неприятную запись. В итоге все-таки решился, предостерегая чуть ли не под страхом смерти слив подробностей грядущей операции на Спэйс Нидл. Но экипаж "Радбоса" так и остался в неведении, понятное дело, чуя неладное. Целый советник, два пьюра, которые обычно работали в одиночку, и несколько десятков штурмовиков — тут даже полный дебил догадается, что на станции заваривается какая-то жутковатая каша.

— Хотите? — предложила Сара.

Они согласились не раздумывая, дружно покивав. Впрочем, Сара их ничуть не винила. Кто откажется от холодка, когда впереди неуязвимый и неведомый враг, быть может, из иного мира, где проходить сквозь стены и плоть — привычное дело.

— Только советнику не вздумайте говорить, — предупредила она.

— Могила, — с улыбкой произнес мужчина. — Я, кстати, Коннор.

— Элли, — представилась девушка.

— Сара.

Она впрыснула им холодок, прикидывая в уме, что если с

таким рвением будет тратить дизэмпатик и дальше, то скоро исчерпает все запасы. И на обратную дорогу до Лост Арка его просто не останется.

Едва Сара сделала шаг после недолгой остановки, как в ее голове словно взвыла сирена. В секторе гидропоники один из дронов нашел выжившего, заваливая радостной инфой мозг своей обдолбанной в хлам хозяйки. Но и это было еще не самым поразительным. Сара знала уцелевшего. Вернее, уцелевшую. Это была Джу, с которой они выросли в одном приюте и несколько лет даже делили комнату. Пока ее не удочерил Гарри — наставник, воспитатель и… сраный козел.

Сара приказала дрону сторожить Джу, сообщила советнику о находке и торопливо направилась в сектор гидропоники.

— Мы что-то нашли? — спросил Коннор.

— Да. Есть один выживший. Возможно, будут и другие.

До Джу добрались быстро и без происшествий. Помещение с теплицами во всем секторе оказалось единственным местом, где присутствовал свет. После блужданий по серым тоскливым коридорам цветущая, пышущая жизнью зелень выглядела иллюзорной, сказочно-пленительной. Ростки тянулись до самого потолка, широкие листья липли к прозрачным стенкам и, подсвеченные желтоватыми лампами, казались сверкающе-стеклянными, словно были выточены из чистого изумруда. Но Джу для своего укрытия все равно выбрала самый темный угол. Сара нашла ее по дрону, который исполнительно висел в воздухе, указывая путь.

Джу сильно изменилась с тех пор, как они виделись в последний раз, семь или восемь лет назад. Схуднула, похорошела не только фигурой, но и лицом, отпустила волосы, прикрывающие часть лица, словно маленькие черные и взлохмаченные занавески. Она была напугана, на щеках застыла размазанная грязь, раскосые глаза лихорадочно бегали, будто не могли ни за что зацепиться. И Сара поняла, что при любых других обстоятельствах она бы ее вряд ли признала.

Уцелевшая и невменяемая Джу не верила, что рядом с ней появилось три живых человека. Жалась к стене, глядела из темноты боязливо и жалко, словно голодный котенок, выброшенный на улицу.

— Джу, это я — Сара, — она протянула ей руку. — Ты меня узнаешь? Ты меня помнишь? Приют… Гарри…

Испуганная до полусмерти Джу замерла, присматриваясь к ней. Потом еле заметно кивнула, так и оставшись сидеть в углу. Насколько помнила Сара, Джу никогда не была нюней. Молчуньей, немного тихоней — да, но нюней — нет. Плакала

лишь однажды, да и то от великого счастья, когда Гарри, чтоб ему пусто было, ее удочерил. И страшно представить, что ей пришлось пережить за эти три дня, если она вдруг превратилась в чумазую размазню.

Сара осторожно склонилась над ней и коснулась плеча.

— Видишь, мы здесь, мы пришли тебе помочь. Все будет хорошо. Ну, вставай.

Джу взяла ее протянутую руку и, поднимаясь, вдруг прошептала.

— Это все из-за Европы. Из-за Европы.

— Что случилось на Европе?

— Их тела… Они мне показали.

Джу прижалась к ней, обняла ее крепко-крепко и разрыдалась навзрыд.

— Они? Тела? — спросила Сара, ничего не понимая.

— Мой корешок. Они заглушили его, поэтому я не могла… не могла…

— Тихо-тихо, успокойся, — Сара погладила ее по спине.

И тут Джу оглушительно взвизгнула, в панике шарахаясь в свой темный угол.

За спиной глухо ударили эирганы, взбивая пространство. Сара резко обернулась, успела пальнуть, но призрак легко миновал поток сжатого воздуха и вонзил в нее свои длинные щупальца, прошивая тело насквозь раскаленной торпедой.

Нападение! — бросила она последнее сообщение, думая, что погибает.

Это было омерзительно: пропускать сквозь себя эту тварь, ощущая ее движение, колыхание щупальцев, жар ее тела. На миг ей показалось, что вокруг полыхнуло пламя. Жизнь быстро-быстро замелькала перед глазами, но не ее, а чья-то другая жизнь. Бело-голубой шарик посреди черной бездны космоса — нет, не Земля, спутник Юпитера. Что-то поднимается из-под толщи льда. Четыре обмерзшие тела. И кто-то шепчет ей: «Мы уже близко. Мы идем, чтобы забрать свое».

Наваждение внезапно схлынуло. И стало так холодно, словно ее сунули в корыто со льдом. Наверное, именно так и выглядит смерть, подумала Сара обреченно. И вдруг осознала, что все еще жива. Стоит словно после крепкого нокаута — взмокшая, вцепившись в эирган, и подпирает стену, которая не дает ей упасть.

Проклятье, штурмовикам так не повезло. Коннор и Элли неподвижно лежали там — в пяти шагах от нее, а между ними парили эти мерзкие твари, подергивая щупальцами, словно исполняя над жертвами какой-то неведомый танец. Дик не

отзывался, Джу тряслась в углу, но дроны… дроны все еще были здесь, парили слева и справа, ожидая приказов.

— Прикончите их! — крикнула Сара в полном отчаянии, вжимая спусковой крючок эиргана. — А-а!

Стенки теплицы вновь вздрогнули под ударом воздуха, дроны метнулись, брызгая электрическими разрядами, словно черные тучи молниями. Вспышка! Еще одна! Третья! Четвертая!

И вдруг призраки с яростным шипением заметались над бездыханными телами штурмовиков, беспорядочно бултыхая щупальцами в воздухе, потому что их кожа — серая, почти прозрачная, вскипела, покрываясь огромными лопающимися пузырями.

В этот момент в теплицу ворвались советник и несколько штурмовиков, растерянно глазея на то, как призраки в предсмертной агонии истекают крупными каплями — плавятся воском, превращаясь в поток грязно-серой слизи.

…Словно кто-то расплескал жиденькую и горячую кашу, от которой еще исходит пар.

— Дерьмо! — выругалась Сара, когда от призраков осталась лишь пара булькающих лужиц на полу — Грей, срочно передай всем, пусть используют против них шокеры, боевых дронов, оголенные провода, любой источник тока! Быстрее! — Сара поискала взглядом знакомое круглое лицо в толпе потрясенных штурмовиков. — А где Жан? Кто-нибудь видел второго пьюра?

— Он не отвечает, — покачал головой советник.

Сара опустила эирган и медленно сползла по стене, устроившись рядом с Джу. Та начала приходить в себя, всхлипы в углу затихали.

— Ты тоже это видела? — прошептала Джу, размазывая грязь по лицу.

Сара кивнула, прикрыла глаза, чувствуя, как ноздри забивает крепкий запах пота. Она видела. И теперь догадывалась, откуда и с какой целью явились призраки. Но тревожило ее не только это.

* * *

Сара плакала. Без стонов, без всхлипов, без дрожи на губах. Слезы просто катились по щекам одна за другой. Она могла их сдержать, как уже делала не раз, но сегодня не хотела, отдавшись эмоциям. К тому же никто ее не видел, а если бы и увидел — что с того? Кто ее осудит? У нее была сто и одна причина не только плакать, но и рыдать в истерике, уткнувшись лицом в ладони. А она просто сидела на койке и тихо, в полумраке проливала слезы,

никому не мешая и чувствуя тонкий солоноватый привкус на губах.

Десять минут назад она простилась с Жаном и, стараясь не думать о том, что его больше нет, подавленная, вернулась в каюту, которую ей отвели на станции. Призраки забрали еще семь жизней, включая Коннора и Элли.

Пальцы смахнули влагу со щек и безвольно потянулись к холодку. Нащупали капсулу в кармане, ухватили и потянули. Последняя. Если начать тратить сейчас, то на обратный полет точно не хватит. Лучше подождать, поберечь, перетерпеть. Но проклятая голова совсем не пашет, вместо ясных мыслей — полный мрак.

Она вытащила пустую, подрагивающую ладонь и положила ее на койку, пытаясь сосредоточиться на чем-то одном, конкретном.

Техники вернули Дика в строй, перезапустили, так и не сумев внятно объяснить, почему он отключился после атаки призрака.

Спэйс Нидл прочесали от и до. И больше, к сожалению, никого не нашли, только трупы. Призраки знатно порезвились, отправив на тот свет пятьдесят семь человек.

Джу оказалась единственной выжившей. Но почему? Почему они ее не тронули? Нет, неверно! Почему ей удалось уцелеть после контакта с ними? После того, как одна из этих тварей прошла сквозь нее, как и сквозь других работников станции, как и сквозь Жана. Что в ней было такого особенного? Если бы кто-то хотел просто передать послание, то это имело бы смысл. Оставить одного, а остальных казнить за ненадобностью, в знак устрашения и демонстрации силы. Однако призраки сохранили жизнь еще одной жертве. Ей самой… С какой целью? Откуда такая избирательность? Может, дело в холодке? Вряд ли. Она своими руками впрыснула его в кровь двум штурмовикам, и это не спасло их от гибели. Да и опять же Джу, она не могла быть под ним, когда призраки показывали ей веселые картинки с Европы.

Кончено, ей бы радоваться, а не изводить себя вопросами. Но…

Правая ладонь упорно лезла в карман, словно голодный зверек за порцией корма, и Сара сунула ее под зад. Крепко придавила, чтобы пресечь всякие попытки вновь закинуться дизэмпатиком. Она уже начала размышлять трезво, без допинга.

Ничего-ничего. Справится, сдюжит, выстоит. На чем она остановилась?

Версия про спасительный холодок — полная шляпа. Одно с другим не сходится. Но что тогда остается? По какой причине призраки сохранили жизнь Джу и ей? Что между ними общего? Ну, кроме того, что они обе писают сидя. Опять тупик: среди

погибших было немало подходящих кандидаток. Выбирай любую. Но призраки предпочли выбрать именно их. Остается лишь одна ниточка: и она, и Джу выросли в приюте «Дети войны». Сколько там было сирот? Около десяти тысяч. Такая себе зацепка, если честно. Однако другой пока нет.

В коридоре прошелестели шаги, в дверь постучали.

— Кто?

— Это я, Джу, — сказали за дверью.

Сара сделала свет поярче, спешно вытерла лицо и впустила гостью. Джу выглядела лучше, но все еще несла на себе печать трагедии. Сутулая, скованная, вся в себе, с тусклым взглядом, лицо как у крашеной гейши.

Она молча опустилась на койку, закинула ногу на ногу, сплела пальцы и положила их на выставленное колено. Защитная поза — словно отгораживаешься от всего мира, покрываешь себя невидимым панцирем. Ты здесь, но тебя не достать.

Сара села рядом, спросила:

— Как прошел допрос?

— Я все рассказала советнику.

— Даже про видение?

— Да.

— Когда вы их нашли?

— Два месяца назад. Во время экспедиции на Европу.

— А Грей был в курсе?

— Конечно. Он руководил исследованием с самого начала. Правда, не знаю, можно ли мне об этом говорить. Но ты ведь пьюр…

— Столько людей погибло. Даже не сомневайся, что инфа все равно всплывет.

Они замолчали. Сара разглядывала Джу, чувствуя, как внутри разгорается старая обида, и все еще гадая, почему Гарри удочерил ее, а не свою лучшую ученицу. Она даже нисколько на него не походила — ни внешностью, ни характером, словно была из другого мира. Но что им двигало в тот момент, когда он принимал свое решение? И что двигало призраками, когда они оставляли их в живых? А, может быть…

— Полагаю, тела придется вернуть, — сказала Сара. — Ну если вдруг они, действительно, прилетят за ними.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Они здесь, на станции?

— Частично. Многие органы мы переслали на Землю.

— Что думает Грей?

— Он уже всех оповестил. Но все части вернуть не получится.

— О, ну просто чудесно. Ты же понимаешь, чем это может

обернуться?

— Зачем им вообще понадобились трупы?

— Не знаю, возможно, хотят их похоронить с почестями по своим традициям. Если, конечно, они были мертвы, когда вы их потрошили и распиливали на части. Иначе все серьезно усложнится. — Сара помолчала. — Какие они?

— С первого взгляда от человека не отличишь. Только все лысые и высокие. Но ты же их видела, когда…

— Только снаружи. Я имею в виду внутри.

— Почти как мы.

— А если конкретнее?

— Разница между нами примерно такая же, как между прошлогодней и новой моделью голографа. Ничего сверхъестественного.

— Джу, что тебя гложет на самом деле? Зачем ты пришла?

— Это прозвучит странно, — она грустно улыбнулась. — Но почему мы с тобой остались живы? Почему эти твари нас не убили, как остальных?

Про себя Сара похвалила Джу и признала, что ожидала какого угодно вопроса от нее, но только не этого, над которым уже битый час сама ломала голову.

— Тоже не понимаю, — после короткой паузы ответила она. — И меня это пугает гораздо больше, чем возможный конфликт с пришельцами из-за их изуродованных тел.

— И нет даже предположений?

— Думаю, ответ надо искать у Гарри.

Джу встрепенулась, не понимая, причем здесь ее отец.

— Наши родители погибли во время войны с киберами, мы с тобой обе из приюта, обе женщины, нам с тобой немного за тридцать, — пояснила Сара. — Уже четыре совпадения. Понимаю, такой себе след. Но другого пока нет.

Поступил входящий вызов от советника Грея, — уведомил Дик. *— Принять?*

Соединяй.

Сара, срочно ко мне! Ничего не спрашивай, объясню все на месте.

— Советник зовет, — сказала Сара, поднимаясь.

— Меня тоже, — произнесла встревоженная Джу.

Глава 5. Без кофеина. Часть 3

Возле помещения, где обосновался советник, царила суматоха. Штурмовики, поругиваясь друг на друга, протягивали широченный рукав от дверей, сооружали заграждение, лепили на стенах коридора замысловатые крепления. Один хрипло указывал, что делать. Другой тащил дезинфекторы. Третий нес костюмы спецзащиты. Четвертый просто бегала туда-сюда без какой-либо видимой цели. Не иначе началась эпидемия. Конечно, никакой эпидемии не было и в помине, понимала Сара, догадываясь об истинной причине суеты и галдежа.

Никогда прежде она не видела советника настолько обеспокоенным. Гром и молнии. Беспокойство фонтаном брызгало в стихийно собранном штабе, передаваясь всем присутствующим. В том числе и ей. В помещении — довольно просторном по сравнению с любой каютой на станции — было прохладно. Однако кофейное лицо Грея блестело, как слюда. Да и сам он суетился непривычно много, превратившись из стойкой и тихой горы в гремящий оползень.

В штабе, помимо Грея, маялись еще двое штурмовиков. Тоже поддались волнению и переглядывались между собой, пожимая плечами.

— Оставьте нас, — приказал советник.

И два мордоворота спешно, чуть не вприпрыжку выскочили за дверь. Сара нисколько ему не сочувствовала. Даже немного злорадствовала, глядя, как Грей мечется по штабу, явно с кем-то общаясь по корешку. Заварил эту кашу — пусть сам и расхлебывает. Столько людей погибло… Жан… Коннор и Элли…

Сара даже позволила себе зло улыбнуться. Чистая кровь, без примеси холодка бурлила в ней, возвращая давно забытые эмоции и чувства. Бесцветный мир преобразился — заиграл яркими красками, расцвел, распустился, раскрылся разноцветным веером, дуновение которого сейчас приятно остужало напряженное, горячее и требующее дозу дизэмпатика тело.

Они с Джу сели рядом. Советник еще минуты три нервно бродил по штабу, а потом встал перед ними, такой высокий и такой взволнованный, и плавающим хрипловатым голосом пробубнил:

— Похоже, кто-то решил вернуть трупы. Мы уже все подготовили для контакта. Советники… считают, что на встречу лучше отправить кого-нибудь из вас. Я думаю, вы понимаете почему.

— Я согласна! — сразу выпалила Сара.

— Уверена? Просто…

— Я согласна, — уже спокойно повторила она.

— Хорошо. Тогда одевайся.

Он лично подал ей костюм спецзащиты. Но она покачала головой.

— Обойдусь. Думаешь, если что, он меня спасет?

— А мне что делать? — спросила Джу.

— Ждать, — ответил Грей и повел Сару назад, к дверям.

* * *

Итак, она осталась одна. В просторном и пустом отсеке станции. Четыре серые стены и широкий экран, где застыли, как будто замерли в ожидании какого-то безумного представления, бусины звезд.

Космос на экране. Космос снаружи, в нескольких шагах за стеной, — настоящий, где так легко умереть. И черная бездна в груди — растет и ширится от грядущей встречи с новыми призраками. Словно кто-то заманил ее в худший кошмар, в персональный ад. Изощренная пытка.

Страх обволакивал, безжалостно давил изнутри, вышибал испарину, щекотал кожу невидимыми холодными щупальцами. В кармане на бедре в потной ладони мокла последняя ампула спасительного дизэмпатика. Один укол — и сразу станет легче. Сейчас это точно не помешает.

За стеной приглушенно прогудело, и Сара вздрогнула. Немного поплыла, едва чувствуя собственные ноги. Ей казалось, что из темных углов на нее кто-то смотрит. Отвага улетучилась, ее будто отсекли тяжелые створки дверей, когда она вошла сюда с высоко поднятой головой, гордо выставив грудь. Ну и дура! Чокнутая и самоуверенная дура!

Ладонь словно без ее воли вынула ампулу и, даже не дав подумать, незамедлительно впрыснула холодок, разбивая оковы страха и беспокойства. Как же хорошо. Просто кайф…

Сара расправила плечи, повертела головой, будто стряхивая весь тот груз ужаса, который копился и висел на ней с тех пор, как она зашла в пустой отсек. Только сейчас она осознала, что на экране нет корабля. А он должен был там быть, как говорил Грей.

Точно заглядывая в ее мысли и дожидаясь, пока она очухается, кто-то там, за стеной Спэйс Нидл, неведомый и могучий, начал менять пространство. Звезды расплылись и потекли, будто скатываясь по темной сфере. А на их месте вспыхнули совсем иные огоньки — не тускло-голубые, а

золотисто-оранжевые. Черная ткань неба рвалась, прожигалась, плавилась, выпуская из своих ледяных объятий сверкающее и обтекаемое тело корабля призраков.

Приборы слежения Спэйс Нидл не обманывали: корабль находился здесь, но до последнего момента оставался незримым для человеческих глаз. Возможно, все это время ее изучали, прикидывая подойдет ли она для контакта или нет, а, может быть, даже копались у нее в голове.

Сложно было оценить размеры чужого судна, на экране корабль казался раза в три, в четыре больше аэрокара. Но выглядел ярко, дико, необычно и… далеко не враждебно. Никаких орудий, никаких острых углов или чего-то угрожающего. Обтекаемый болид, поблескивающий всеми оттенками оранжевого.

На поверхности корабля словно возгорелось пламя. Их было четверо и, подобно призракам, они свободно перемещались сквозь преграды. Но в остальном… совсем не походили на тварей, которые убили Жана. Будто огонь обрел форму человеческих тел и сейчас просачивался сквозь толстые стены Спэйс Нидл.

Трое пришельцев остались снаружи — полыхали кострами прямо в космосе и, к сожалению, не тухли. Четвертый тихо и не спеша парил прямо к ней. Выглядел он спокойным. Выглядел как проекция самого обычного человека, выведенная лишь красными и желтыми лучами голографа.

Ей не дали никаких инструкций, как себя вести во время контакта, и Сара просто растерянно стояла на месте, наблюдая, как к ней приближается оранжево-красное нечто. Стало жарко, ее начало окутывать марево, отсек словно погружался в крепкий летний зной; свет огненного тела ложился отблесками на стены, пол и потолок.

Он замер на расстоянии шага, это странное существо, сотканное из пламени. И протянул к ее голове свои огненные руки. Несмотря на свежую дозу холодка, Сара все равно дернулась, опасаясь ожогов. Но потом смело шагнула навстречу, чувствуя жаркое прикосновение на висках, куда легли чужие, невесомые пальцы.

Пот лился с нее градом, вокруг подрагивали язычки пламени, когда незнакомец показал ей сон наяву.

Она увидела все. И тварей, рыскающих, словно псы, по космосу в поиске утраченных тел. И тихую быструю смерть работников станции. И сверкающий на солнце купол Шэлл Сити. И Джу, и даже себя. И… слияние ожившего пламени с их хрупкими телами. Все это она увидела в бездне горящих глаз. А затем ей явили чудовищные последствия неисполненных

требований: огромную лавину призраков, сошедших прямо с небес на Лост Арк. Они неслись серой бурей, свирепым и беспощадным штормом, забирая жизнь за жизнью — опустошая прекрасный город. Ее город.

Жар отступил, она проснулась, глядя, как парит пришелец, удаляясь в сторону своего сияющего корабля.

Были обоснованные причины. Были конкретные требования. Были разрушительные последствия их невыполнения. Пришельцы прибыли вовсе не за тем, чтобы забрать тела своих собратьев, потому что это были их собственные тела, которые они оставили на Европе. И теперь огненные призраки хотели получить им достойную замену.

Перебирая мысли, Сара поняла, что огненные призраки показали ей не все, а что-то просто вложили в голову, словно впрыснули содержимое инжектора прямо в мозг. Они говорили с ней, не раскрывая ртов и не произнося ни звука.

На ее глазах четыре огненных призрака уплыли в сторону корабля, а тот, поглотив их, начал угасать и вскоре исчез, оставив после себя нетронутое звездное небо вокруг станции.

Увиденное и беззвучно сказанное впечатляло и пугало, даже с учетом свежей дозы холодка. Сара все равно словно пребывала в легком трансе, не услышав, как открылись двери отсека и как к ней подкрался советник. Он взял ее под руку и повел куда-то, пока она переваривала то, что с ней произошло.

Струи дезинфектора… Белые подрагивающие стены… Советник что-то бормочет… И снова струи дезинфектора.

Они вернулись в штаб, и вокруг нее суетливо закружились врачи, с ног до головы затянутые в защитные костюмы. Защелкали и замигали сканеры.

— Не нужно, отстаньте, со мной все в порядке. Грей, пусть они уйдут, — Сара растолкала их. — Времени мало.

Лишь после этой фразы советник прислушался к ее просьбе и спровадил врачей. Только сейчас Сара заметила, что в штабе в дальнем углу ее дожидается Джу.

— С тобой точно хорошо? — спросил Грей.

— Вспотела немного, — отшутилась она устало.

— Сам их не перевариваю, — сказал советник, стягивая с себя шуршащий костюм спецзащиты.

Сара села рядом с Джу, подняла глаза на Грея и сказала:

— Я хочу, чтобы ты мне ответил откровенно. И больше я к этому возвращаться не буду.

— Говори.

— Мы с Джу — мясо?

Сидящая рядом Джу вздрогнула. Глаза советника выкатились

от удивления:

— Что?!! С тобой точно все хорошо? С чего ты вообще взяла… А, они тебе сказали.

— Нет.

Грей бросил на нее непонимающий взгляд.

— Они хотят нас с Джу вместо тел, которые вы нашли на Европе и выпотрошили. Они хотят наши тела и еще двух шэллов. Вот я и решила…

— А ты не подумала, что у них с вами просто может быть совместимость. — Советник вздохнул и с укором покачал головой. — Мясо… В любом случае мы никого им не отдадим. Ни тебя, ни Джу, ни шэллов. С какой стати.

— Придется, — хмуро произнесла Сара.

— Хорошо, что это не тебе решать.

— Ты не понимаешь, они показали мне, что случится, если мы не выполним их требования. Громадная туча призраков над Лост Арком. Ты знаешь, на что они способны. И ты видел их корабль. Они дали нам восемь суток. Время уже идет.

Грей засомневался. Вытер лицо ладонью. Вздохнул, собираясь с мыслями.

— Я должен связаться с Советом. Вы пока свободны.

Перед ними уже откатывалась дверь, когда советник их окрикнул.

— Сара, ты — молодчина. Отдыхай. Ты это заслужила больше, чем мы все вместе взятые.

* * *

Врачи все-таки получили то, что хотели. И, как показалось Саре, немного огорчились, когда не нашли ничего подозрительного. Ей разрешили вернуться в каюту и выдали тяжелую бутылку с водой, указав на обезвоженность организма. Пить и впрямь хотелось. А еще хотелось побыть в тишине и пораскинуть мозгами, чтобы принять или… не принять самое важное решение в жизни, которая летела в пропасть с тех пор, как пришлось посетить эту злосчастную станцию.

Конечно, она — чокнутая. Пошла на контакт с пришельцами. В одиночку. Еще и без спецзащиты. Ну и пусть! Зато она хороший пьюр, всегда доводивший дело до конца и привыкший докапываться до правды.

В дверь постучали:

— Это Джу. Я принесла поесть.

Она впустила ее, взяла поднос с бутербродами и кофе, после

чего поставила его на откидной столик. Есть совсем не хотелось. А вот кофе пришелся весьма кстати. Она отхлебнула немного, покатала теплую сладковатую горечь во рту, сглотнула. Так себе, конечно. Но лучше, чем ничего.

Сара подняла бутерброд с паштетом и, немного подержав на весу, вернула на поднос.

— Это ведь предлог? — совершенно беззлобно спросила она, дернув стаканчиком с кофе.

— И да, и нет.

Сара улыбнулась, сделал еще глоток.

— Поэтому они нас не убили? — спросила Джу.

— Да.

— Мы с тобой шэллы? Разве это возможно?

— Не знаю, — честно призналась Сара. — Знаешь, я думала, что они просто хотят забрать тела. А оказалось, что им нужна замена. Но ничего, слетаю на станцию, подберу трех шэллов.

— Трех? Ты решила отдать себя?

— Ну-у…

— Почему?

— Правда. Но от советника или от Гарри я вряд ли ее добьюсь.

Сара поразилась самообладанию Джу. Она даже бровью не повела, когда поняла, что задумала ее спятившая подруга.

— Несколько дней назад мне приснился сон, — вдруг начала Джу. — Я бродила в темноте, и мне было очень страшно. Долго звала на помощь, но никто не отзывался. И вдруг среди мрака увидела золотые сияющие следы, которые вывели меня к костру. И этот костер горел ярко, но его пламя не обжигало.

— Это всего лишь сон.

— Нет, не всего лишь. За неделю… За неделю до того, как Гарри меня удочерил, мне тоже кое-что приснилось. Я была совсем маленькой, младенцем. Лежала в колыбели и плакала, а потом над ней склонился мужчина, тихо покачал меня и ласково улыбнулся. Тогда я почувствовала, что скоро все изменится.

— Ты хочешь пойти со мной? — не поверила Сара и сделала несколько глотков, словно заливая удивление.

— Да. Мне кажется, я знаю, что означал этот сон. К тому же, я всегда мечтала увидеть другой мир. Поэтому и попросилась на Спэйс Нидл, чтобы быть поближе к звездам. Но сперва я бы хотела хотя бы на денек вернуться в Лост Арк.

— Зачем?

— Только не смейся.

— Я под холодком. Даже если захочу, то ничего не выйдет.

— Мороженое. На станции его нет. Единственное, чего мне

тут не хватает.

Сара все же усмехнулась и поглядела на донышко стакана, где каталось несколько темных капель. Ей вдруг подумалось о сигаретах без никотина и о кофе без кофеина.

* * *

Лютые кошмары изводили Илона уже вторую неделю. Он боялся засыпать, долго и мучительно ворочался, а когда от бессилия проваливался в сон, то редко мог продержаться в нем до утра. Болезненно стонал, вскакивал с безумными криками. Если же не пробуждался сам, его будила Мэй, чтобы хоть немного успокоить… Наступление каждой ночи приходилось встречать как приближение собственного палача, а сновидения неминуемо оборачивались жестокой пыткой. Днем, рядом с Мэй, в ее ласковых объятиях становилось спокойнее. Но к вечеру опять неминуемо нарастала тревога.

Несмотря на то, что с момента трагедии в доме Скамов прошло семь долгих, очень долгих и тягостных дней, Илон все еще не мог отойти от потрясения. Пробовал отвлечься виаром и прогулками, бездумно гонял сериалы, отчаянно пытался себя убедить в том, что и Эдвард, и Джессика, и их малыш Пол — никто, всего лишь мясо для развлечений, шэллтерапии и института трансплантологии. А затем с тем же усердием начинал себя ненавидеть и проклинать за эти мерзкие мысли, продолжая отсчитывать дни до того момента, когда ему можно будет вернуться в Цитадель на работу.

Солнечный свет заливал квартиру от пола до потолка, казалось, проникая в каждую щелку. Было тихо, только Айзи шуршала на кухне, колдуя над обедом. Илон лежал, сунув руки под подушку, и молча глядел на прикроватный столик, на вздыхающего под маслянистой пленкой котенка. Шерсть местами уже набрала густо-зеленый цвет, а где-то все еще была белой, как пух; на спинке проступили первые робкие серебристые полоски. Еще два-три дня, и питомец откроет глаза, чтобы взглянуть на свой новый и удивительный мир.

— Как бы ты его назвала?

Мэй лежала рядом и гоняла пальцами по его спине приятных мурашек. От шеи к пояснице, туда и обратно, словно мелких пушистых барашков. Илон боялся даже представить, что стало бы с ним, не будь ее рядом. Наверное, просто сошел бы с ума, съедаемый кошмарами или одиночеством.

— Ты что — забыл? — удивилась она. — Мы же

договорились, что я выбираю окрас, а ты придумываешь имя.

— Ну, все-таки…

— Мне нравится Лао.

— Мне тоже. Пусть так и будет. Я не против.

— Ты совсем у меня ленивый. Может, проветримся?

— У-м. Не.

Она встрепала его волосы и провела кончиком языка по шее. В этот момент очень некстати поступил входящий вызов от Инсты. Тревожный звонок моментально сорвал покров накатившего возбуждения.

— Что-то с Эдвардом? С Молли? — без приветствия пробормотал Илон, вскакивая с постели, как ужаленный.

Нет-нет, успокойся, — ответила Инста.

— Ты присматриваешь за ними?

Молли все еще в тяжелом состоянии. Эдвард сейчас у нее в больнице. Я звоню по другому поводу.

Илон нервно заходил по комнате.

У нас ЧП в Цитадели. Гагарина… убили.

— Когда? Почему?

Да мы сами еще толком не знаем. Просто хотела, чтобы ты был в курсе. Ты новости совсем не смотришь?

— Щас гляну, — сказал Илон, прерывая связь.

Он сел на кровать, резко встал и снова сел. Мэй осторожно подкралась к нему сзади и обняла, когда он попросил Ма найти инфу об убийстве старого фьюжинера.

«Серия жестоких убийств прокатилась по Лост Арку. Мы уже сообщали, что сегодня в своем офисе был застрелен известный психолог Виктор Шварц. Только что к нам поступила информация, что был убит фьюжинер Юрий Волков. Оба тела обнаружены со следами насильственной смерти. Пьюры пока не комментируют ситуацию, ведется следствие. Однако из достоверных источников стало известно, что рядом с телами обеих жертв обнаружены кленовые листья — знак террористической ячейки…».

Дальше Илон уже не слушал, а потом приглушил корешок.

— Что произошло? — спросила Мэй.

— Гагарина и… Шварца убили.

— Кто? Зачем?

— Представляешь, — пробормотал он отрешенно, — а я собирался снова записаться к нему на прием

— Ложись, ну ложись, — сказала Мэй, не переставая гладить его по голове. — Успокойся. Все будет хорошо.

Илон лег на бок, прикрыл глаза. Ему стало так страшно, что он нащупал ладонь Мэй и положил ее на грудь, а сверху накрыл своей, словно боялся, что она исчезнет. В один день… Вот так: раз

— и их больше нет.

Глава 6. Сингулярность. Часть 1

С черно-белой доски жизни слетали знакомые фигуры. Одна за другой.

Чудовищная трагедия в семье политика Эдварда, гибель фьюжинера Гагарина и убийство психолога Шварца… Тьма сгущалась. Клубилась и бурлила повсюду, словно живая, подпитывая предчувствие нависшей угрозы. Илон ощущал ее почти физически — в тяжести на сердце, в каждом хриплом вдохе, в капельках пота, выступающих на лице и спине. Казалось, сама смерть загоняет его в западню, выплясывая погребальный танец вокруг будущей жертвы.

Илон лежал на кровати в полусне и видел, как в подрагивающем мраке проступают мертвецы. От того, как они взирали, делалось холодно в животе, а взгляд их словно гипнотизировал. Ему хотелось сбежать, спрятаться, укрыться где-нибудь от их осуждающих взглядов и бледных лиц с синеватым оттенком. Однако он не мог шевельнуть и пальцем. А мертвецы продолжали свой странный немой ритуал. Свою пытку. Безмолвно появлялись из темноты и исчезали в ней.

Мэй, Мэй…

Илон знал, что она была рядом. Чувствовал, как ее дыхание обдувает его взмокшее от страха тело. Хотел позвать на помощь, мечтал, чтобы нежные пальцы привычно коснулись его плеча и выдернули из тисков ночного кошмара, как это уже бывало не раз. Но только не нынешней ночью, не сейчас…

Сейчас перед ним стоял малыш Пол — со стеклянными глазами, в той самой футболке, ставшей темной от крови. Он протягивал руку, желая показать или сказать нечто важное. Илон скосил взгляд: на детской ладошке белела горсть человеческих зубов. Пол немного наклонил руку, и зубы покатились, срываясь и растворяясь во мраке.

В какой-то момент Илон вдруг понял, что не может отвести от них взгляд. Хотя это были всего лишь человеческие зубы, большие и маленькие, поблескивающие, словно жемчужины. Они обладали каким-то нереальным притяжением, заставляя созерцать их падение в черную бездну сновидений.

Детская ладонь. Падающие с ее ребра зубы. И омут бескрайнего и безмолвного мрака… Это продолжалось долго, очень долго. Пока сквозь стены ночного кошмара не пробился дребезг, гул и крики.

Жестокая какофония всколыхнула и непроницаемый морок, и ее безмолвных обитателей, и самого Илона. Шквал резких звуков,

словно штормовая волна, всей своей мощью обрушилась на черный берег, лежащий среди сумерек снов, чтобы смыть, уничтожить все, что стояло на ее пути.

Его почему-то обдало холодом и что-то мощно толкнуло в спину. Илон ударился об пол и только теперь понял, что проснулся. Плечо заныло, он зашипел, хотел приподняться, но над его головой просвистели пули, выбивая из стен фонтаны осколков.

Хаос оборвался столь же внезапно, как и начался. Будто по щелчку пальцев. Стало тихо. Тихо и страшно. Илону чудилось, что он по-прежнему спит. Все произошло так быстро и так неожиданно — за считанные секунды. Голова шла кругом, плечо на любое движение роптало болью.

Пули? Какие пули в Лост Арке? Откуда? — не понимал он, цепляясь за край кровати, чтобы подняться.

Система безопасности дома наглухо закрыло разбитое окно черными крыльями, отсекая и лунный, и звездный свет. Было темно, как в недавнем кошмаре. Но Илон все равно разглядел неподвижный силуэт перед ним.

— Мэй, — робко позвал он ее. — Мэй.

Илон опустился с ней рядом и осторожно коснулся щеки.

— Пожалуйста. Что же ты…

Мэй не двигалась и молчала. От тоже не шевелился и молчал, все еще надеясь, что увиденное им — всего лишь продолжение дурного сновидения. И пройдет немного времени, и из тьмы снова начнут выступать немые призраки, а малыш Пол продолжит разбрасывать чужие зубы… Тяжело билось сердце; и ноги, и руки словно утонули в липкой грязи; к глазам подступали слезы.

— Мэй, — позвал он ее снова и включил свет.

Она была мертва. Лежала лицом к нему, с широко раскрытыми глазами — безжизненными и чужими; простыня под остывающим телом стала красно-черной от крови. Настоящей Мэй — той Мэй, с ласковой и теплой улыбкой, со звонким голосом больше не было здесь… рядом с ним. Да и он сам как будто уже находился в ином месте. Оно было тихим, душным и бесцветным, точно огромная закупоренная склянка, а ее толстые стеклянные стенки делали мир снаружи мутным и нереальным.

Должно быть, его тоже убили, — подумал Илон с облегчением, потому что понял, что ничего не чувствует.

Или… не хочет чувствовать. Как мертвец. Краем глаза он видел, как на поверхности прикроватного столика, на разбросанной земле судорожно дергается котенок — зеленый с серебристыми полосками, а из его пуповины сочится тонкая струйка крови. В какой-то момент так и не родившейся питомец

замер и больше не шевелился, перестав цепляться за жизнь.

Илон не знал, сколько просидел на кровати вот так — без движения и без памяти, наблюдая, как кровь перекрашивает простыню и покрывало, расползаясь по кровати огромным темным пятном. Время больше не имело значения. Ничто больше не имело значения. Даже его собственная жизнь, перемолотая в серый прах безжалостными жерновами ночных выстрелов.

Он не помнил, когда в квартире появились призраки. Трое или… четверо. Один завис напротив него и бормотал неразборчиво, брал за руки, пытался что-то объяснить, показывая свои пальцы; другой плавал по комнате, выскабливая из прошитых автоматной очередью стен смятые серебристые комочки пуль, а третий суетился у самого окна, словно дура-муха, желающая вылететь на свободу. Из разбитых кабинок санузла дугой брызгала вода, словно из замысловатого фонтана.

Один из призраков зачем-то склонился над Мэй, будто стервятник, и Илон с шипением бросился на него. Призрак успел увернуться, а другой схватил его сзади, заломил руки и, усадив рядом с кроватью, что-то впрыснул в кровь.

От укола первой пробудилась боль в выбитом плече. За ней хлынули голоса, которые он стал понимать, а следом вернулись и привычные очертания проклятого и пустого мира, где больше не было Мэй. Призраки перестали быть призраками. У них появились голубые мундиры пьюров и ясные спокойные лица.

— Что вы мне вкололи? — спросил Илон.

— У вас был шок, — ответил пьюр. — Обычное успокоительное, чтобы вы не бросались на людей, которые пытаются вам помочь.

— Хм, помочь? Вы умеете воскрешать мертвецов?

Пьюр пропустил издевку мимо ушей.

— Вы понимаете, где находитесь и что произошло?

Илон кивнул и почувствовал, как к горлу подкатила тошнота. От прикрыл ладонью рот и едва успел добежать до кухонной раковины. Кто-то осторожно положил ему руку на плечо. Илон смахнул ее, собрал из ладоней ковш и, подставив под струю ледяной воды, опрокинул его на лицо.

— Меня зовут Пинг, я буду вести ваше дело. Нам нужно забрать тело, — предупредили за спиной. — Настоятельно рекомендую не сопротивляться.

Илон ничего не ответил. Вытер мокрое лицо и медленно повернулся. Пьюр был ниже его на голову, а на мир смотрел раскосыми глазами; рука лежала на эиргане. Запах резкого парфюма, идущий от пьюра, противно щекотал ноздри.

Жаль, эирган не убивает, а лишь отбрасывает противника

сжатым воздухом, — подумал Илон с сожалением.

Поверх темноволосой головы низкорослого болвана, который предусмотрительно и храбро перегородил путь из кухни, Илон увидел, как пьюры подняли Мэй, чтобы упаковать в пластиковый мешок. Спина Мэй от выстрелов превратилась в месиво; густая кровь не капала, а свешивалась тонкими багровыми ниточками.

Желудок опять прыгнул к горлу, и Илона снова вывернуло наизнанку.

— Мы скачали данные с ее корешка, — вдруг сказал Пинг. — Из того, что я видел, получается, что она спасла вам жизнь.

— Падение, — вслух подумал Илон, разглядывая дно раковины.

Его закружил вихрь событий минувшей ночи. Мрак лабиринта сновидений, вспыхивающие в нем лица мертвецов, детская ладошка, разбрасывающая зубы, словно семена, и неожиданный толчок в спину…

— Что? — не понял пьюр.

— Перед тем… так это была Мэй.

Илон вздохнул и повернулся к пьюру. Над его плечом парил блестящий и круглый, как биллиардный шар, дрон. Еще несколько черными шмелями кружились над опустевшей и темной от крови кроватью.

— Мы здесь почти закончили, — известил его пьюр. — Вам придется поехать с нами.

— Зачем? — грустно улыбнулся Илон и, не дав пьюру ответить, добавил. — Мы ведь оба знаем, кто это сделал. И мы оба знаем, что вы не сможете их достать, потому что даже если вы найдете ублюдков… То что тогда? Полетите в Гринлэнд? Нет, никуда вы не полетите, так как наш долбаный Совет очень боится их арсенала, который может распылить весь мир на атомы. Сколько террористов вы поймали? Ответьте мне, Пинг?

Пьюр молчал. Смотрел на него равнодушно и не мигая — холодный, как снежная королева. Однако на его дроне вспыхнули бело-голубые огоньки, чтобы спроецировать посреди кухни изображение. Проекция вышла кристально четкой, и Илон сразу узнал на ней тварь, едва подавив нахлынувший тяжелый гнев.

— Вам знаком этот человек?

Илон покачал головой, продолжая разглядывать проекцию, — последние секунды жизни Мэй. Скар постарел, облысел, но глубокий змеевидный шрам на правой щеке никуда не делся. Он сидел в открытом аэрокаре, свесив ноги за борт, дымил сигарой и держал здоровенный пулемет.

— Мне кажется, вы меня обманываете.

— Думайте, что хотите, — устало произнес Илон. — Мне все

равно.

— Если вы не последуете с нами добровольно…

— Последую. Дайте мне пару минут побыть в одиночестве и привести себя в порядок. И потом делайте со мной, что пожелаете.

Когда пьюры ушли, Илон опустился рядом с Бро. Старый дрон привычно дремал на зарядник, дергая одной косичкой, словно спящий щенок лапкой во сне. Илон погладил его по черному панцирю, но будить не стал.

— Одни мы с тобой остались, дружище. Жаль, нельзя взять тебя с собой. Ты бы мне там очень пригодился.

Илон вспомнил про Айзи и поднял на нее взгляд. Она тоже заряжалась и ни о чем еще не знала, как и Ма, отправленная вечером в спящий режим. Андроиду повезло больше, чем душевой кабинке и коту. Пули прошли чуть выше ее рыжеволосой головы.

Проекция, показанная пьюром, изменила все. Она подарила новую и теперь единственную цель в жизни. Пусть страшную, пусть кровавую, пусть смертельно опасную, но справедливою и ясную, как день. Теперь он точно знал, кто виновен в смерти Мэй. Оставалось только его найти. Найти, убить… или погибнуть самому.

* * *

Допрос длился чуть больше часа, закончился с восходом солнца и предсказуемо не принес ни результатов, ни удовольствия ни одной из сторон. Напрасная трата времени, чистая и глупая формальность. Вершина бюрократического спектакля: и дознаватель, и свидетель целиком и полностью осознают бессмысленность происходящего, но продолжают упорно исполнять заученные роли. Кто-то лучше, кто-то хуже — в меру своего мастерства.

Илон не умел врать, на что часто с улыбкой указывала Мэй, а тут даже не старался хоть немного подыграть пьюрам. Поэтому все больше кивал, мотал головой, переспрашивал вопросы и хлебал дармовой кофе, чтобы не вырубиться от усталости. Потому что, как и Пинг, трезво понимал, что никакого смысла в допросе нет. Еще до того, как очутиться в разгромленной пулеметом квартире, пьюры уже знали, кто он, откуда появился в Лост Арке и чем занимается. А имеющиеся доказательства его непричастности, как и очевидной вины убийцы Скара были тверже титана. Ну и, спрашивается, к чему этот цирк?..

Голова была занята другим, мысли в ней рождались и

вертелись мрачные. Он незаметно проберется в Гринлэнд, отыщет этого ублюдка с изуродованным лицом и заставит его истекать кровью — отомстит, свершив свое правосудие. Так правильно и справедливо. Отныне и до тех пор, пока эта тварь не сдохнет, он не будет больше думать ни о чем, кроме возмездия. Ну а если кавены окажутся быстрее, хитрее и умнее — плевать. Даже лучше. Он воссоединится с Мэй в цифратории Лост Арка.

Мысли о сладкой мести, о желанной встрече с Мэй, об уютном местечке в городском цифратории — вот все, о чем думал Илон, когда в ночи переступал порог участка. И когда клевал носом на допросе под хмурым взглядом бесполезных пьюров. И когда покидал их громадный улей, выходя в зябкое и серое утро. Главное — не забыть оцифровать последние месяцы жизни перед тем, как отправиться в Гринлэнд.

Именно в ближайший центр оцифровки он и намеревался поехать, вызывая аэротакси у здания пьюров, когда позвонил нотариус, отчеканивший соболезнования и настаивающий посетить его офис.

— А вы не можете подождать? — спросил Илон.

— Конечно, могу, — ответил нотариус, упавший как снег на голову. — Просто это было одно из желаний Мэй. Сообщить вам сразу… Ну вы понимаете. А для меня требование клиента — закон.

— Хорошо. Я приеду.

Перед Илоном опустилось аэротакси, куда он устало забрался, все еще не понимая подобной спешки со стороны нотариуса. Нет, не нотариуса, а Мэй… Это было ее желание. Нотариус, получивший сигнал из цифратория, лишь исполнял волю клиента — с чрезмерным усердием.

Хмурое, без единого просвета небо брызнуло, когда аэрокар взметнулся над домами. Илон вздохнул, сопротивляясь подступающей дреме, вспоминая Мэй. Ей нравился дождь. Она любила сидеть у окна, уронив подбородок на кулачки, и могла часами смотреть, как снаружи в потоках воды меняется мир.

Илон тоже любил дождь. Его бодрящий запах, успокаивающий стук и занавешенные струями окна. Но больше он любил смотреть на то, как Мэй мечтательно глядит вдаль, когда небосвод роняет тысячи холодных и звонких капель, а на дорогах вырастают и пузырятся лужи. В такие моменты ему всегда было интересно, о чем она думает? Скучает ли по родине и прежней жизни — без андроидов, инжекторов, нейроса и цифраториев? И почему так случилось, что она решила оставить эту прежнюю жизнь навсегда? По какой таинственной причине сожгла все мосты?.. Как и он.

Когда они только познакомились, Мэй попросила никогда не спрашивать ее о жизни в зеленой стране. Чего она опасалась и от чего бежала? Что ей пришлось пережить? И, наконец, к чему она готовилась?

Завещание… Неожиданная просьба… Это совсем не походило на Мэй. Она жила здесь и сейчас, восхищаясь красотой ясного неба, вкусом обычного мороженого и запахом перед грозой. Выглядело подозрительно и странно.

Ма, пробей этого нотариуса. Забыл имя. Только кратко.

Алан Гибсон. Двадцать лет стажа. Безупречная репутация. Окончил…

Достаточно.

Нотариус был реален и чист. Он существовал. Завещание Мэй существовало. Ее невероятное и немного пугающее желание существовало. Илон прикрыл уставшие глаза, вслушиваясь, как аэрокар вспарывает плотные занавески дождя. Выбитое плечо все еще немного побаливало; гнев на Скара, на кавенов, на беспомощный Совет, на бесполезных пьюров, на себя самого, на весь этот проклятый мир приутих под действием успокоительных. Но не угас бесповоротно. Затаился в груди, словно мелкий уголек, — подуй, и разгорится яркое пламя.

Месть — это блюдо, которое надо подавать холодным. Илон был не согласен. Бред! Ее следует вершить, пока от несправедливости и ненависти все еще кипит кровь, в горячей голове пусто, а время не успело зарубцевать раны. Иначе…

Такси провалилось в воздушную яму, и Илона хорошенько тряхнуло. Он разлепил тяжелые веки, пошлепал себя по щекам, понимая, что едва не уснул. А может быть, и уснул. Купол неба по-прежнему был сер, как шерсть уличной крысы; вспышки молний высвечивали антенны на высоких башнях впереди. Аэрокар, грохоча и подвывая, точно старинные поезда, по-прежнему несся высоко над домами Лост Арка.

Глава 6. Сингулярность. Часть 2

Мы все еще летим к нотариусу? — на всякий случай уточнил Илон.

Да, — подтвердила Ма. — *Хочешь изменить маршрут?*

Илон покачал головой. Конечно, будь его воля, он бы рванул в цифраторий. К Мэй. Но она только заселилась в свой новый дом, ей требовалось время на адаптацию, и посетить ее разрешат не раньше, чем через три дня, когда специалисты убедятся, что с оттиском все в порядке.

А куда ему еще лететь? Домой? Туда, где кровью Мэй насквозь пропитана кровать? Туда, где на столике среди комьев земли лежит шерстяной комочек?..

Представив дохлого котенка — зеленого с серебристыми полосками, Илон понял, что разрыдается, если не перестанет думать о нем. Он держался долго, слишком долго, но это не могло длиться вечно. Нервы — вдребезги. Пьюры сказали, что успокоительное будет действовать, кажется, часов пять, а затем рекомендовали ему самостоятельно принять что-нибудь от стресса. Он попытался сосчитать, сколько прошло времени, но мысли плавали словно в густом тумане.

Мэй хотела назвать котенка Лао, — вспомнил Илон и прикрыл глаза, облизывая соленые губы.

Неожиданно со всех сторон его обступила тьма, и он увяз в ней, как болоте. Но вздремнуть ему не дали. Голос Ма выдернул его из черноты, возвращая в реальность, — в салон аэрокара. Такси снижалось перед невысоким по меркам Лост Арка зданием этажей в пятнадцать.

Вокруг не было ни души; дождь лил как из ведра. Здание, где его дожидался нотариус, выглядело мрачным, словно его сложили из сотни могильных плит. Между аэрокаром и входом было шагов двенадцать, но Илон все равно успел промокнуть до нитки. И в таком виде вошел в кабинет нотариуса.

Мистер Гибсон был тощим, плешивым и невысоким мужичком лет сорока пяти. Он носил щеголеватый темный костюм в стиле ретро, сверкающие черные туфли и ярко-красный галстук.

Нотариус подал полотенце, и когда Илон вытер волосы, лицо и руки, предложил сесть. Илон бухнулся на стул, предвидя нудную и утомительную беседу. Но оказался не прав.

— Не волнуйтесь, я вас надолго не задержу, — сообщил нотариус.

Голос у него был удивительно бесцветным — спокойным и

ровным, словно говорила машина, а не человек.

— Понимаю, вам сейчас тяжело, — покивал он с сочувствием. — Но Мэй настаивала на том, чтобы вы получили это как можно скорее. Все свое имущество она завещала вам. Однако…

Толстые и короткие пальцы нотариуса осторожно вытащили из ящика стола конверт кофейно-молочного цвета.

— Она хотела, чтобы это я передал вам лично в руки в день ее смерти.

— Что в нем? — спросил Илон, положив конверт на ладонь.

— Понятия не имею, — пожал плечами нотариус.

Конверт был сложен из картона и весил не больше трех унций; на лицевой стороне темнели два слова «Моему Илону». Таких конвертов он не видел с тех пор, как покинул Гринлэнд.

Внутри оказалось письмо, написанное шариковой ручкой на самой настоящей бумаге, и маленький блестящий ключик с биркой, где был указан адрес банка. Илон торопливо сунул ключ в карман и жадно впился в мелкую вязь черных букв:

«Здравствуй, Илон. Если ты читаешь это письмо, значит, я уже в цифратории. Странно звучит. Никак не могу привыкнуть. Как будто я просто переехала в другой дом, а не отправилась на тот свет. Когда я представляю, какой будет та — другая я, то мне становится не по себе. Останусь ли я прежней? Что я буду чувствовать и буду ли чувствовать вообще? Столько вопросов — и ни одного ответа. Только не смейся, но мне по-настоящему страшно. Ты всегда говорил, что я смелая и сильная, на самом деле я та еще трусиха. Но больше всего я боюсь, что с моей оцифровкой что-нибудь произойдет, и я тебя забуду.

Извини за почерк. Волнуюсь. Да и пальцы совсем отвыкли держать ручку. Это уже шестой лист. Надеюсь, что последний, и надеюсь, ты разберешь, что я тут написала.

Помнишь, когда мы только познакомились, я попросила тебя никогда не спрашивать о моем прошлом. Поверь, для этого были очень веские причины. Нет-нет, не подумай, что все это время я тебя обманывала. Я действительно жила в Гринлэнде и, как и ты, сбежала от кавенов. Но есть и еще кое-что, о чем ты должен знать и о чем я сама не люблю вспоминать. Я не хочу говорить об этом в письме. Ты все поймешь, когда увидишь то, что находится в ячейке. С ее содержимым ты можешь делать то, что сочтешь нужным. Хочу тебя предупредить, что пакет, который в ней находится, лучше вскрыть подальше от посторонних глаз.

Ох, я потратила столько слов, но так ничего не сказала о нас, о том, как сильно я тебя люблю. Ты самый замечательный человек на свете из тех, что я когда-либо знала. И я до сих пор благодарна

судьбе, что она решила меня свести с тобой. Просто хочу, чтобы ты знал, что время, проведенное с тобой, было лучшим в моей жизни. Каждый день, каждый миг ты делал меня счастливой.

Надеюсь, ты не забудешь навестить меня в цифратории, когда мне разрешат принимать гостей, и у нас еще будет время все обсудить. Ну ладно-ладно, не дуйся. Конечно, я знаю, что ты придешь. Ты обязательно придешь.

До скорой встречи. Целую. Обнимаю.

Твоя Мэй.

PS. И не потеряй ключ, я знаю, какой ты бываешь растяпа — :)

* * *

Мир с каждой минутой погружался в сумрачное ничто. Словно чьи-то исполинские руки взяли и небо, и землю, и дома, и аэрокары и скатали из них огромный бесформенный серый ком.

Не спать, только не спать…

Он устал, смертельно устал и дивился тому, что все еще держится на ногах. Перед глазами танцевали черные мурашки, живот сводило, во рту стоял привкус горечи — не то от кофе, не то от голода.

Казалось, чем ближе становится банк, тем сильнее накаляется ключ. Илон не расставался с ним ни на секунду. Крепко держал в кулаке, сунув руку в карман, а ее не вынимал до тех пор, пока не пришлось вскрывать ячейку. По совету Мэй, он не стал проверять содержание таинственного пакета в банке, а снял недорогой номер в ближайшем отеле, чтобы спокойно и в одиночестве узнать то, что она от него так долго скрывала.

И вот пакет, похожий на упаковку для спагетти, серый и плотный, совсем невзрачный на вид, лежал перед ним на узкой кровати отеля, на бордовом покрывале с золотистыми ромбиками. За окном продолжал шелестеть дождь; за дверью и стенами было тихо; корешок спал.

Илон аккуратно надорвал край пакета и осторожно выгреб ладонью содержимое. На первый взгляд в пакете не было ничего занимательного: пять карточек с игровой валютой — триста тысяч лайков, если правильно обналичить; пачка зеленых и хрустящих купюр Гринлэнда — совсем новенькие, словно только что напечатанные; два белых, квадратных и безликих пакета размером с плитку шоколада, в которых что-то перекатывалось, и несколько фотографий, перевязанных крест-на-крест розовой ленточкой. Нового письма от Мэй среди этих вещей не оказалось, и Илон подумал, что именно эти вещи должны были пролить свет

на ее прошлое.

Он распустил ленточку и начал медленно перебирать старые фотографии. На первой посреди зеленеющего леса возвышался деревянный, но основательный дом, с широкими воротами — возможно, место, где когда-то жила Мэй. На второй стояла стройная женщина, с большими и немного грустными глазами, волосы были собраны в строгий пучок, а на груди, на темном платье сидела брошь в виде божьей коровки. Мать Мэй? Скорее всего. Илон перевернул фото, но обратная сторона, чуть пожелтевшая, оказалось пустой. На третьем снимке высокий голубой забор подпирала сама Мэй — совсем молоденькая, толстенькая и розовощекая. Платье на ней было двухцветное, голубое и белое, с широкими рукавами. Она обеими руками держала плетеную корзинку, наполненную рыжиками и лисичками. Сколько здесь ей? Тринадцать — не больше. А дальше…

Последнее фото обожгло пальцы, и Илон отпрянул от него, словно от яда, бросив на кровать. Потому что на нем повзрослевшая Мэй, затянутая в серо-зеленый камуфляж, с автоматом наперевес, стояла на фоне военного грузовика, а ее с трогательной осторожностью за талию обнимал… Скар. Оба они улыбались и немного щурились от солнца, у обоих на плече лежал кроваво-красный кленовый лист — символ террористического крыла армии Гринлэнда.

На время сон как рукой сняло. Илон протер глаза, взял кончиками пальцев снимок, в который не верил до сих пор, и поднес его к лицу. Сомнений не осталось — на нем была Мэй, а рядом с ней находился ее будущий убийца.

Это ты хотела мне показать? — подумал Илон. — *Именно поэтому сбежала из Гринлэнда? Именно поэтому Скар тебя убил? Но почему решила скрыть? Боялась испугать?..*

Он уже спокойно отложил снимок, понимая, что причина оставить родину у Мэй была куда существеннее, чем у него самого. Он всего лишь хотел увидеть мир, покорить его, гордо взойдя на его вершину, а Мэй не желала убивать невинных людей, выполняя бесчеловечные приказы Скара.

Илон быстро остыл от удивления и пожал плечами, словно Мэй сейчас сидела напротив него и заглядывала ему в глаза, пытаясь понять, что он теперь думает о ней, когда она открыла ему свою самую сокровенную тайну.

Мысли начали сворачивать к накатанной дороге.

— Я все еще люблю тебя. И буду любить всегда, — прошептал Илон в пустоту. — И, поверь, Скар заплатит за то, что совершил. Ты будешь отомщена, а ваш общий снимок я брошу ему на грудь

перед тем, как он сдохнет, — размышлял Илон, пытаясь разорвать один из двух пакетиков, набитых не то конфетами, не то таблетками.

Пакетик оказался крепким и тщательно запаянным, будто держал в своем чреве смертельно опасный вирус. Илон так и не сумел разорвать его руками, и поэтому впился в него зубами, надкусил, дернул, чтобы наконец-то увидеть начинку.

Внутри находились инжекторы. Илон не рассчитал силу, и от рывка они рассыплись по кровати, словно разноцветные карамельки. Четыре, пять… Пять пластиковых ампул по толщине и длине чуть меньше указательного пальца каждая: «Уроки игры на гитаре. Начальный курс», «Домашние питомцы. Кошки», «100 лучших блюд мира. Готовим просто», «Как похудеть за 30 дней» и «Основы эротического массажа». Очень старые, неразлагающиеся, с длинными иглами — такие уже давно не выпускают. Он внимательно изучил инжекторы, прикинув, что Мэй, очевидно, так и не приняла ни один из них.

Илон помедлил прежде, чем открыть второй пакет, — по ощущениям в нем тоже перекатывались инжекторы. Наверное, такие же древние, как динозавры, и такие же непримечательные, как их собратья их первого пакета, подумал он. Однако какое-то тонкое предчувствие все это время подтачивало подозрение, что наследство Мэй, извлеченное из банковской ячейки, рассказало далеко не все.

Илон надкусил пакетик и потянул, растягивая тугой и неподатливый материал. Когда ему наконец-то удалось выпотрошить пакет, высыпав содержимое на кровать, он понял, что предчувствие его не подвело. И некоторое время сидел молча, в замешательстве, опасаясь касаться того, что до последней минуты скрывал от глаз второй пакет.

Как он и предполагал, там снова оказались инжекторы. Но, в отличие от прежних, они были совсем иного рода. Лишь за одно владение ими можно было запросто лишиться законного места в цифратории, а уж за употребление…

Боевые стимуляторы — загнанные в тесную клетку свирепые псы войны. Настоящий концентрат силы, разрушения и хаоса. Серебристо-серые ампулы с черными значками кулаков, ножей и стволов — бесценные инжекторы, которые не купишь ни в одном магазине, не достанешь ни у одного дилера, как и дизэмпатик. Можно лишь получить. Например, от Совета.

Боевые стимуляторы — попробуй их на вкус, и станешь сильнее Гергулеса и ловчее Леголаса. Сними колпачок с иглы, воткни ее в затылок, слегка надави — и тебя никто не сможет остановить, даже лучшие бойцы из Колизея. Ты выйдешь

безусловным победителем из любой драки и перестрелки. Всего лишь нужно впустить в себя силу инжекторов.

Боевые стимуляторы — табу для простых смертных. Одно из самых серьезных преступлений, какое только можно совершить. Если пьюры пронюхают, что ты их принимал — скажи «бай-бай» цифраторию. Навсегда. Твоя бесценная цифровая душа, твои дорогие воспоминания, твоя суть будут стерты. И ты сдохнешь, как самое обычное мясо, без возможности существовать после смерти.

Мэй, да кто ты на самом деле? — подумал Илон, пытаясь соотнести ее близкое знакомство со Скаром и наличие в банковской ячейке боевых стимуляторов.

Он тщательно вытер потные ладони о покрывало и повертел головой, осматривая комнату. Дверь заперта, на окнах плотные занавески — никто ничего не увидит. Прислушался: в коридоре царила мертвая тишина, на улице продолжал монотонно капать дождь.

Кончики пальцев, словно пинцет, подняли инжектор с клеймом кулака и поднесли на уровень глаз. Боевой стимулятор выглядел в точности как на пикчах из дарк нейроса. Серебристо-серая ампула из пластика с иглой на конце под колпачком.

Илон вздохнул. В голове загалдели разные мысли. От недосыпа и стресса они никак не могли угомониться, словно потревоженная хищником стая птиц.

Ему нужно было попасть в Гринлэнд, найти и прикончить Скара, чтобы отомстить за Мэй. И, чего греха таить, без боевых стимуляторов подобная смертоубийственная затея была обречена на провал. Скар — калач тертый, попробуй к нему подберись, стреляет даже из палки, а кулаками крошит бетон.

Пальцы опустили инжектор на кровать, собрали все боевые стимуляторы в кучку, сложились лодочкой и накрыли их осторожно. Глаза слипались, ни разу в жизни он так не уставал. Но спать было нельзя, пока под его влажной ладонью нагревалась горсть нетронутых боевых стимуляторов — реальный шанс добраться до глотки Скара и разорвать ее от уха до уха.

И вдруг Илон увидел себя со стороны, словно душа ненадолго оставила бренное тело и теперь кружила посреди морока тесной комнаты. Он, сутулый и усталый, сидел на кровати с задумчивым выражением на бледном лице; тусклые взгляд остановился на пальцах, сложенных лодочкой.

Ему стало мерзко, будто все его тело покрылось едкой слизью. Потому что он понял, что размышляет, взвешивает, сопоставляя «за» и «против». Гнев постепенно остывал, голос разума тщательно выметал горячие эмоции, замещая их своими

холодными и убедительными доводами. А сколько времени боевые стимуляторы пролежали в своем стальном гробике банковской ячейки? А не испортились ли они за этот срок? А не спалишь ли ты ими себе мозги, ведь никогда прежде не пробовал инжекторы? А не станешь ли ты инфоманом, когда забьешь свою девственную голову потоком инфы?..

Илон тихо проскулил, резко схватил инжектор, решительно сбил колпачок с иглы и жутко улыбнулся, словно только что отомстил и сейчас чувствовал вкус теплой вражеской крови на губах. Перед тем, как закинуться запрещенной инфой, он представил растерзанную Мэй, чтобы окончательно обойти коварные капканы рассудка, и наконец спустил псов войны с цепей, сунув иглу под кожу.

Одно движение. Одно нажатие….

Мир звонко лопнул. Разошелся по швам, словно туго натянутая кожа на древнем барабане. И одновременно разогрелся, вспыхнул ярче солнца, будто Вселенная в момент своего рождения.

Время с пространством скрутились в разноцветный клубок, и Илон провалился в неизвестность. Это было похоже на прыжок в пропасть, в бескрайнюю бездну. Он падал и падал, оставляя реальность где-то там, далеко позади. Вначале ему сделалось страшно, и он подумал, что умирает. Но затем…

Точно сам Арес спустился с Олимпа и снизошел до беспомощного смертного, посвящая его в свои самые сокровенные тайны. Наполнил его руки зловещей силой, а ноги — твердостью, вдохнул в его разум великие знания, накопленные за тысячелетия кровавых войн, бесславных поражений и радостных побед.

Глава 6. Сингулярность. Часть 3

Теперь он видел, куда бить и как правильно сложить пальцы, чтобы сокрушить любого противника одним верным ударом. Хрупкие кости, надутые артерии, натянутые сухожилия и оголенные нервы… Он вдруг осознал, насколько уязвимо человеческое тело, насколько уязвим он сам. Один точный порез — и жизнь обрывается, брызгая алым фонтаном.

Ему понравился вкус новой инфы. Она опьяняла, завораживала, порабощала и дарила великую власть — над своим телом, над людьми и, казалось, над всем миром. Инфа пронизывала его насквозь, струилась по венам, словно кипящая кровь, гулко стучала в голове и лихорадочно колотилась в сердце. Ей сложно было сопротивляться, как сложно сопротивляться красивой обнаженной деве с упругими грудями и широкими бедрами, которая игриво манит пальцем. Да он и не желал сопротивляться, полностью отдавшись желаниям, — опустошая один инжектор за другим.

Рядом с ним плясали тени… или души погибших воинов. Они кружились, вытягивались и изгибались, нашептывая ему на ухо тайные знания, а он внимательно слушал их, обретая все новые и новые силы. Так продолжалось долго, очень долго — вечность.

А потом вокруг него начало бушевать золотисто-красное пламя, и крупные искры взметались до самых небес. Он ощущал жар, задыхался и обжигался, но не отступал ни на шаг. Ему хотелось познать пламя, каждый его язычок, каждую искорку, стать с ним единым целым. В какой-то момент ему почудилось, что он сам и есть пламя, истинное первородное пламя, и он с радостью сгорел в нем, вместе с ним, рассыпаясь серым пеплом и растворяясь призрачной дымкой.

И мир стал черным, как ночь.

И мир стал тихим, как смерть.

И мир стал холодным, как лед.

* * *

Илон очнулся рядом с кроватью, с полной уверенностью, что у него сейчас расколется голова; от плеча по всему телу разливалась жгучая боль; мышцы тянуло и сводило судорогой; пить хотелось смертельно, его будто высушили, как вяленую рыбу.

Некоторое время он лежал неподвижно, бесцельно

разглядывая во мраке комнаты отеля низкий потолок. Кажется, в Лост Арке уже наступила ночь. Сколько он проспал или пробыл в бреду?

Опасаясь расплескать мозги, накаченные инфой, Илон медленно подполз к окну и слегка дернул занавеску: черное полотно неба прожигали бело-голубые огни звезд.

Шевелить головой было страшно, от каждого движения перед глазами вспыхивали миражи боя — то расплывчатые, совсем не разборчивые, то ясные, словно выведенные лучами голографа.

Он вспомнил, как во сне стоял плечом к плечу с самим Леонидом, как выбрасывал вперед верное копье и как насаживал на его острие орущих от боли персов. И это было круто. Но то, что сны просочились в реальность, было совсем не круто. Он никогда прежде не принимал инжекторы и не знал, нормально ли то, что с ним творится.

От подоконника немного веяло сыростью и прохладой. Илон еще немного полежал у окна, переводя дыхание, а затем, собравшись с духом, дополз до бутылки с водой и осушил ее в три глотка. Стало чуть легче, хотя голова по-прежнему гудела, как изношенный трансформатор, а мышцы ныли так, словно он и вправду минуту назад выскочил из боя при Фермопилах.

Ему опять сделалось очень дурно. Он тяжко поднялся, с трудом сбросил мокрую и липкую от пота одежду и, пошатываясь, доковылял до душевой кабинки, где тупо сел, обхватив колени руками. Жажда внезапно сменилась голодом, но миражи вроде бы перестали выскакивать перед глазами, как скримеры.

Жгутики воды мягко шуршали, катились по пылающему лицу, по сгорбленной спине, кружились у ступней, остужая напряженное, как натянутая струна, тело. Наконец-то он смог дышать полной грудью, а не откусывать воздух жесткими кусками, через силу проталкивая в легкие.

— П-фф, — вздохнул Илон, продолжая мокнуть под душем.

У него не было и мысли выбираться отсюда. Поэтому он тихо сидел, наблюдал, как вода, брызгая и перешептываясь сама с собой, уносит его усталость, и продолжал сдерживать собственных демонов. Ему непременно хотелось что-нибудь разбить вдребезги, с ярким звоном, на сотни осколков — так, чтобы не собрать, не склеить. Навсегда. Еще ему страсть как хотелось орать — не на кого-то конкретного, а просто выйти на улицу, хватить ртом глоток холодного ночного воздуха и прокричать на весь мир громко и зло. Просто так.

Новые ощущения, подаренные боевыми стимуляторами, немного тревожили… Он знал, что никогда не держал в руках автомат, но пальцы откуда-то помнили, как за десять секунд

разобрать его на части. Где полоснуть ножом, чтобы обездвижить противника. Куда заложить взрывчатку, чтобы снести целый небоскреб. В него будто вселился чужой дух — тень того человека, который когда-то владел боевыми искусствами и попадал в яблочко с закрытыми глазами из любого оружия.

Запрещенная инфа постепенно расползалась по закоулкам разума, дробилась на большие и маленькие куски — становилось понятной, как цифры, как буквы. Илон до сих пор не знал, правильно ли поступил, что напичкал себя инжекторами. Но понимал, что пути назад нет. Теперь он точно не отступит, дойдет до конца и отомстит. Надо лишь избавиться от пустых ампул, а затем вернуться на родину, чтобы отыскать и прикончить Скара.

* * *

Пустые ампулы Илон сжег на окраине Лост Арка. Сложил их кучкой, подпалил и, наблюдая с усмешкой на лице, как вьется едкий дымок, подождал, пока они не растекутся черной жижей. После чего смешал ее с землей.

Конечно, проще было открыть дверь летящего аэрокара и сбросить их с высоты. Так изначально он и планировал, когда добирался сюда почти три часа. Но в какой-то момент решил, что хочет их именно сжечь, а не просто отдать всем ветрам на потеху. Это был своего рода ритуал. Подобный тем, что устраивали далекие предки, окуривая себя дымом и выплясывая странные танцы вокруг кострища перед тем, как броситься в битву.

Ему показалось это забавным, символичным. Как и то, что спустя пятнадцать лет он вернулся в один из приграничных районов Лост Арка. Когда-то, давным-давно, именно с такого района началась его настоящая жизнь. Он вдруг подумал, что стало бы с ним, не сбеги он тогда из Гринлэнда? Но ничего не пришло в голову.

Дело было сделано. Последний мост сожжен и размазан гарью по песку. Илон окинул взглядом пустующие и давно покинутые дома — невысокие, облезлые, смотрящие на него черными и грустными провалами окон; кое-где по облупившимся стенам зелеными змеями взбирались тонкие ростки. Дэдтаун выглядел именно так, как о нем рассказывали, заброшенным и побежденным. Его убил страх перед кавенами, а природа и время догрызали то, что осталось.

Район лежал слишком близко к границе с Гринлэндом, чтобы спокойно дышать, чтобы беспечно жить. За ним на севере начинался непролазный лес — якобы нейтральная территория,

которую кавены давно почему-то считали своей. Никто сюда не совался, даже пьюры облетали его стороной. Идеальное место для всякого отребья и гиблое — для обычного горожанина.

Но Илон не боялся. Больше не боялся. Ни-че-го. Ни отребья, ни пьюров, ни кавенов. В конце концов, худшее, что могло с ним произойти — смерть, ведущая прямиком в цифраторий, в объятья скучающей Мэй. Он точно не знал природу рухнувшей на него приятной и безмерной храбрости. Это в равной степени могли быть как боевые стимуляторы, так и утрата Мэй. А, быть может, сплав и того, и другого. По правде говоря, ему было плевать на источник собственной храбрости. Как и на стойкое ощущение того, что за ним следят с тех пор, как аэротакси опустилось в Дэдтауне.

Летнее солнце жарко целовало щеки, дома-призраки бросали в его сторону густые тени, где-то далеко, словно в другом мире, что-то громыхало, а ветер, вздыхая в ушах, нес клокотание птиц и мягкий запах леса.

Илон до сих пор не верил, что попасть в Гринлэнд не сложнее, чем добраться до Цитадели. Совместные блокпосты к западу и востоку отсюда оказались таким же театром, как и утренний допрос пьюров. Вот она — граница, только руку протяни. Поймай такси, усади его среди безлюдных руин (дальше лететь не стоит, чтобы не схватить шальную ракету ПВО), и все, ты на территории кавенов. Просто как дважды два.

Дэдтаун был лучшим из возможных мест для того, чтобы без проблем пересечь условную границу между двумя мирами. Особенно если ты знаешь, куда следовать после того, как за спиной останутся гибнущие дома. Илон знал. Помнил, что за лесом начиналось ущелье, которое выводило прямиком в Гринлэнд. А уж там… Там он что-нибудь придумает. Возьмет языка, припугнет, тряхнет его хорошенько, чтобы узнать, где искать Скара.

Языка… Илон улыбнулся, понимая, откуда в его лексиконе взялось это странное слово, и обогнул красный от ржавчины каркас аэрокара, направляясь в сторону вкусно пахнущего леса. Вокруг по-прежнему было тихо и спокойно. И кто-то все еще будто наблюдал за ним, не решаясь показаться.

Под жаркими солнечными лучами, устремив прищуренный взгляд к высокой стене деревьев впереди, неторопливо, словно во время прогулки по центральному парку Лост Арка, Илон побрел между покинутыми домами. Беспечность выглядела безрассудной и могла стоить жизни. Но Илона опасность ничуть не тревожила, как не тревожит она льва, вышедшего на охоту.

По небу шла вереница облаков — с запада на восток, туда,

куда их, словно пастух, подгонял ветерок. Над темно-зелеными макушками деревьев кружили птицы — мелкие, но шумные, голосистые. С каждым шагом чарующий запах настоящего леса густел и приятно, нежно щекотал ноздри. Пахло корой, травой, смолой и прелью. Пахло… покинутой родиной.

Никто так и не выстрелил ему в спину, никто не набросился сзади, желая поживиться или просто прикончить чужака, по какой-то чудовищной глупости зашедшего в Дэдтаун. Город остался позади — такой же угрюмый и молчаливый, как прежде. И начался лес, а с ним неожиданно пришли новые, совершенно незнакомые ощущения.

Словно кто-то опытный и внимательный предупреждал о том, куда ставить ногу, чтобы не хрустнула ветка, тянул пальцы к спелым съедобным ягодам и помогал отыскать на древесной, не прогретой солнцем коре пятна лишайника — где его много, там и север. Если идти по ним, то обязательно выйдешь к ущелью.

Илон не стал бунтовать, положившись на волю таинственного проводника. Новый невидимый друг, выпущенный из ампулы, словно добрый джинн из бутылки, знал свое дело. А лес… Лес жил своей мирной жизнью. Казалось, он стоит тут с начала времен и совсем не ведает, что творится по обе стороны от него. Вот паук протянул серебристую паутинку по воздуху, тут, сразу за старым дубом, шуршит какая-то мелюзга, высоко над головой глухо хлопают крылья.

Пройдя полмили в глубь чащи, Илон остановился, бросил в рот горсть ягод, и, выжимая из них зубами горько-сладкий сок, повернулся. Дэдтаун уже было не разглядеть, внимательный взгляд, куда бы ни сворачивал, непременно натыкался на деревья. Никакого движения, никакого преследования. Можно было спокойно топать дальше — к ущелью.

* * *

Аэрокар Ронан заметил задолго до того, как тот, раздувая облака пыли, бесцеремонно сел на окраине Дэдтауна. Увидел мутно-желтое пятнышко в небе и проследил за ним, покуда такси не зависло над прохудившейся крышей старого супермаркета, выбирая место для посадки.

Ронан разместился на чердаке высотки, откуда удобно просматривался почти весь район. А уж аэрокар, да еще и желтый, как лимонная кожура, на фоне серых коробок домов отсюда найти было плевое дело.

Насколько помнил Ронан, с тех пор, как они с Эго обустроили

здесь штаб, это был первый чужой аэрокар, осмелившийся опуститься в Дэдтауне. Да и вообще первый аэрокар, подлетевший так близко к границе.

Пока Ронан размышлял, каким недобрым ветром сюда принесло такси, из машины выбрался типок в серых джинсах и темно-зеленой футболке. Побродил немного, озираясь по сторонам, а потом присел на корточки и высыпал что-то из узкого и серого пакета на землю. Ронану не удалось разглядеть содержимое. Но то, с каким титаническим спокойствием незнакомец пребывал в мертвом городе, Ронану крайне не нравилось. Темноволосый незваный гость вел себя так, словно выехал за город на пикник, и сейчас совершенно невозмутимо… разжигал костер среди руин.

— Эго, иди глянь, — негромко сказал Ронан, ни на миг не выпуская незнакомца из виду. — Под кайфом, что ли? — спросил он сам себя и чихнул.

Пыль тут лежала в три слоя. И любое движение, любое колебание воздуха непременно поднимало серый рой, который кружился в воздухе, словно мошкара вокруг уличного фонаря.

Пришел Эго, осторожно заглянул в окно и, приложив ладонь козырьком ко лбу, с удивлением спросил:

— Это еще что за хрен с горы?

— А я знаю? — Ронан пожал плечами.

— Странный какой-то. Давно здесь околачивается?

— Минут пять. Прикинь, на такси прикатил.

— Что он там…

— Как только такси улетело, так и костер развел.

— Должно быть, жил здесь раньше? — задумался Эго. — Смотри, как уверенно держится. Будто у себя дома.

— Может, грохнуть его? — предложил Ронан и, демонстрируя всю серьезность своих намерений, похлопал по автомату, висевшему на плече.

Эго ожег его взглядом.

— Танос сказал, чтобы мы не высовывались и сидели тихо, как мыши. А вдруг он из чистого корпуса? Представляешь, что начнется, если мы пришьем пьюра.

— Танос то, Танос се, — заворчал Ронан. — С каких пор он у нас за главного?

— С таких, как помог нам обнести склад «Роботеха» и спланировал всю операцию. Без него мы бы сейчас по-прежнему прыгали с плакатами, как обезьяны, перед Цитаделью, — пояснил Эго.

Ронан тихо заукал и закачался, изображая примата. Эго в ответ с осуждением покачал головой. Незнакомец тем временем

затушил костерок, поглядел по сторонам и не спеша отправился в сторону леса.

— И что, мы его вот так отпустим? — огорчился Ронан.

— А что ты предлагаешь? Устроить стрельбу на весь район? Мне кажется, до нас ему нет никакого дела. Возможно, он просто в лес по грибы пошел.

Ронан захихикал и спросил озадаченно:

— И где тогда его корзина?

— Иногда ты бываешь таким… — Эго закатил глаза.

Ронан набычился, выставил в окно дуло, направив его на таинственного гостя, и произнес:

— Бух-бух-бух!

Они еще долго стояли у окна, пока подозрительный незнакомец не скрылся из вида, среди высоких деревьев зеленеющего леса.

* * *

Илон шел час, шел два, шел три… Шагал почти без остановок. Легко и бесшумно. Зеленый ковер из мха и травы будто пружинил, облегчая путь. И все это время уши ловили каждый шорох, а нос внимательно читал букет лесных ароматов, пытаясь отыскать в нем подозрительный запах.

Голубое небо растворялось в серости, вечер скрадывал солнечный жар, когда Илон учуял дымок. Так отчетливо пахло жареным мясом, грибами и чесноком, что в животе невольно заметался зверь. Илон вспомнил, что нормально не ел почти сутки. Пресный кофе в участке пьюров да горькие ягоды, сорванные по дороге, — вот и весь рацион. Честное слово, он бы не отказался даже от привычной булки из водорослей и риса. Но теперь…

Он шел на запах, как голодный хищник. По следам, выставив нос по ветру. Словно кто-то крепко ухватил его за руку и потащил по плавающей дорожке пленительного аромата. Однако близость опасности заставила его сбавить темп, низко пригнуться и смотреть во все глаза. От дерева к дереву, почти бесшумно, словно призрак, он осторожно подбирался к цели. Пока среди густой листвы не заметил слабое облако дыма.

Их было двое. Один совсем еще мальчишка, лет восемнадцать, второй постарше, лет двадцать пять. Они беспечно сидели у догорающего костра и поглядывали, как на раскаленных углях румянятся куски мяса. Оба русые и короткостриженные, оба вооружены и в камуфляже, который почти терялся посреди красок

и оттенков летнего леса. Они о чем-то тихо болтали, но Илон так и не смог разобрать ни слова, сколько ни вслушивался.

Глава 6. Сингулярность. Часть 4

Два автомата «Анаконда»: тридцать патронов в магазине, семьсот выстрелов в минуту… Автоматический пистолет «Кобра»: максимальная прицельная дальность — двести футов, вес без обоймы — один и три фунта, вес вместе с полным магазином — два фунта…. Армейский нож «Жало»: общая длина — двенадцать дюймов, длина клинка — семь дюймов. Не голова, а военная энциклопедия.

Илон припал к земле и подполз еще ближе, осторожно выглянул. Кончики травы щекотали шею, по ладоням ползали муравьи — черные, совсем мелкие. Илон вновь прислушался: все еще далеко, чтобы понять суть беседы у костра. Обрывки слов, клочья предложений, тонущие в море лесных шорохов. Ближе не подобраться — заметят.

Илон присмотрелся, рискнув поднять голову чуть выше травы. Тот, что помладше, рядовой. А его напарник вроде бы сержант и… Тот, что постарше, повернулся боком, и глаза обожгло, словно ярким солнцем. На плече сержанта лежал красный кленовый лист. Илон опустил голову в траву и тяжело задышал, словно только что увидел Скара. Гнев, приглушенный на время, мгновенно вспыхнул белым пламенем, и стало невыносимо жарко.

Сердце забилось как бешеное. Илон немного полежал, отдышался, усмиряя нахлынувшую ярость, отдавая ее прохладно-влажной земле, и вновь высунулся их травы. Мозг, распухший от боевых стимуляторов, уже вовсю просчитывал возможные варианты атаки, показывал выгодные позиции, измерял расстояние до противников, как компьютер. Илон словно увидел свою неясную голограмму. Вот он рвется к костру, успевает выхватить автомат у растерянного сержанта… Варианты, варианты, варианты. Они поочередно мелькали в голове, и среди них не было ни одного удачного — того, где он не словил бы пулю.

Перебрав все возможности, Илон отполз к широкому дубу и затаился за ним. Потому что выбор оставался только один — ждать. Долго и мучительно, сколько потребуется, пока кто-то из солдат не отойдет по нужде или еще какой причине. Они нужны были ему живыми, пусть и не очень невредимыми. Особенно сержант с кленовым листом на рукаве. Он мог знать, где скрывается Скар, и уж определенно знал тех, кто укажет путь…

И Илон стал ждать. Под старым дубом, окруженный шепотом трав. Сколько он добирался сюда — к этому привалу? Часов пять,

не меньше. Небо темнеет, солнце сквозь сети ветвей почти не пробивается и скоро сядет…

Ма, очнись.

Да, Илон.

Ничего не спрашивай. Просто скажи, который час.

Половина восьмого.

Мне кто-нибудь звонил?

Нет.

Хорошо. Спасибо. Спи.

Корешок безропотно отключился, и Илон вновь остался наедине с самим собой.

Удивилась ли Ма, увидев его глазами непролазные заросли? Видела ли она вообще когда-нибудь в своей цифровой жизни такие заросли? — подумал он. — *Чувствует ли она вообще что-либо? Понимает ли, что произошло ночью и что случилось в комнате отеля?..*

В нейросе ходило немало слухов о том, что корешки со временем так крепко врастают в мозг, что перенимают привычки, интонации и даже характер хозяина. Но за пятнадцать лет Илон ни разу не заметил ничего подобного. Ма была безупречной. Засыпала и пробуждалась по первой команде, запросы выполняла исправно, иногда, конечно, назойливо лезла с советами, излишне оберегала, как курочка-наседка своих беспомощных цыплят. Но ничего криминального…

Илон вздохнул. Голова немного кружилась — от голода, от впрыснутой инфы, от напряжения, от шумного, как бурная река, потока мыслей.

Голос рассудка каким-то чудом придавил бушующий гнев, и думать стало проще. Илон вновь увидел себя будто со стороны и горько улыбнулся. Та, прежняя жизнь, мирная, веселая и сытая — совсем беззаботная, если не считать ночных кошмаров, казалось сказкой. А теперь вот… По вспученным от напряжения венам бежит запрещенная инфа, он затаился у дерева на территории кавенов, под ним шепчутся самые настоящие травы, кожа покрыта волдырями от комариных укусов, по нему без стеснения карабкаются муравьи, пот тонкими струйками течет по спине, а сам он сжат, как пружина, и в любой миг готов сорваться с места, чтобы сгрести языка и выпытать, если потребуется, у того место нахождения убийцы Мэй…

Мэй… Мэй… Мэй… — словно эхо заметалось по лесу.

Одобрила бы она его безумную затею, его стойкое и непримиримое желание отомстить? Он прекрасно знал ответ, но прогонял его всякий раз, когда тот появлялся на горизонте сознания. А сейчас стыдливо попытался выбить и мысли о Мэй,

но в груди все равно заныло. Она погибла, спасая его… А могла бы… спастись сама… От такой догадки сделалось совсем тошно.

Илон до боли прикусил губу, крепко сжал кулаки и окатил злым взглядом солдат у костра. Мэй пожертвовала собой ради него, и ее уже не воскресить. А он живой. Он дышит, втягивая волшебные лесные запахи, и его сердце, пусть и тяжелое, как камень, стучит в груди. И он будет жить и дальше, пока не отомстит. Пока этот ублюдок не захлебнется собственной кровью.

Гоняя, словно лошадей по кругу, мрачные мысли и постыдные сомнения, Илон широко распахнул глаза, будто опасался потерять солдат из виду, и замер.

Он потерял счет времени и точно не знал, сколько пролежал вот так — почти без движения, не смахивая мух с лица, словно мертвец, и вперив взор в одну точку. Но день, пусть и из последних сил, все еще сопротивлялся подступающей ночи, когда молодой солдат оставил костер и лениво побрел… в его сторону, на ходу собирая хворост.

Это был шанс. Возможно, другого не будет. Если он облажается, если замешкается хоть на секунду…

— Ян, побольше набери! Скоро стемнеет, а нам еще до утра куковать! — крикнул сержант.

Тот, кого назвали Яном, что-то сердито буркнул под нос и махнул рукой — дескать, не дурак, сам знаю. И, шурша травой, взял левее от дуба, за которым укрался Илон, ожидая беспроигрышного момента для вылазки.

Такой момент настал, когда Ян, шаря взглядом в нежных сумерках, повернулся спиной и оказался в пяти шагах от старого дуба. Илон сократил расстояние — в один прыжок, в один рывок. И даже не помнил, как у него оказался чужой автомат. И как его рука, будто питон, обвила тонкую шею жертвы, а другая ткнула дулом в спину.

Он слегка придушил противника, чтобы тот не отрубился, но и не смог закричать. Деревья удачно закрывали обзор сержанту у костра, а Ян хрипел, пытаясь сорвать с шеи неожиданную удавку, и дрожал, как осиновый лист. Совсем еще пацан — напуганный до полусмерти и безобидный.

— Не дергайся. Кивни, если я прав, — прошептал Илон. — Вы здесь одни?

Ян всхлипнул и попытался кивнуть. С ветки на ветку, глухо шлепая крыльями по воздух, перелетела птица. Илон проводил ее взглядом и продолжил допрос.

— Где ваша ближайшая база? Покажи.

Солдатик несмело указал трясущейся рукой на север.

— В ущелье? — Илон чуть ослабил хватку.

Ян коротко кивнул.

— Сколько до нее пешком? Покажи на пальцах.

Перед лицом Илона растопырилась ладонь — грязная и влажная.

— Знаешь, где найти Скара?

— Ум-н, — прогнусавил Ян.

— Твой напарник точно знает.

— Ум-н, — простонал солдатик.

— Зови его, — приказал Илон. — Просто зови. Но помни: одно лишнее слово, и ты труп. Так что не рыпайся.

— Вацлав, — проблеял Ян, отдышавшись. — Вацлав! — уже громче повторил он, спугнув крылатую мелюзгу с насиженных мест.

Илон заслонился им как щитом и повернулся в сторону костра. Ян был примерно его роста, поэтому, если у сержанта вдруг взыграет кровь, придется сперва пустить ее сослуживцу, чтобы прикончить захватчика из Лост Арка. Такой вариант Илон тоже не исключал.

— Чего разорался как…

С кем Вацлав хотел сравнить хныкающего напарника, Илона так и не услышал. Потому что в этот момент сержант вышел к ним и остановился, молча передернув автоматный затвор.

Вацлав выглядел решительнее и опаснее своего нерадивого сослуживца. Твердо стоял на ногах, крепко держал оружие; дуло как уткнулось в сторону Илона, так и застыло, словно легло в гранитные ладони монумента.

Илон вгляделся в его лицо: светлое и круглое, по щекам рассыпаны веснушки — такие же, как и у Яна. Родня?

— Брось ствол! — рявкнул Илон и ткнул дулом Яна. — Если хочешь, чтобы он остался жив. А если хочешь стрелять, давай, — невозмутимо произнес Илон, подивившись собственному спокойствию. — Но кровь брата будет на твоих руках.

Вацлав, застывший скалой среди высокой травы, не проронил ни слова возражения, и Илон понял, что оказался прав. Внезапно всплывшее родство было только на руку. Убить сослуживца — одно, а вот малолетнего брата…

— Что тебе нужно? — спросил Вацлав, так и не бросив автомат.

— Ян сказал мне, что ты знаешь, где найти Скара. Скажи мне, где он прячется, и я уйду.

Ян дернулся, захрипел, пытаясь возразить, что ничего такого не говорил, но Илон сдавил его шею, и тот захрипел, обмяк и быстро угомонился.

— Ты ведь все равно нас убьешь, — справедливо заметил

Вацлав. — Зачем оставлять свидетелей?

Порыв ветра потрогал ветви на верхушках деревьев и стих, словно решил поглазеть, чем закончится противостояние в лесной чаще.

— Придется тебе мне поверить. Либо… мы можем устроить бойню, и твой маленький братик при любом раскладе поляжет. Как тебе такой вариант? Выбирай. Даю тебя десять секунд, а дальше… Я знаю, что у вас тут недалеко база, найду кого-нибудь другого. Время пошло.

Вацлав заколебался, а затем вздохнул шумно и глубоко, словно собираясь нырнуть, с отчаянием плюнул в сторону и наконец-то расстался с автоматом.

— Молодец. Теперь нож и пистолет. Только без резких движений, а то я жуть какой голодный, а когда я голодный, то очень нервный.

Следом за автоматом в траву шлепнулся армейский нож и автоматический пистолет, извлеченный из кобуры.

— Умница. Руки за голову и повернись.

Вацлав прошипел как гадюка, но подчинился.

— Отойди на шесть шагов.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, — нарочито чеканно отсчитал сержант и остановился.

Сумерки собирались на глазах; где-то совсем близко ухнул филин.

— На колени.

Вацлав предсказуемо запыхтел, но снова послушался, ибо иного выбора не было.

Не отпуская его затихшего брата, Илон медленно двинулся в сторону брошенного оружия, отгоняя назойливые мысли. Как ни крути, а сержант был прав: оставлять свидетелей в живых было неразумно — все равно что подписать себе смертный приговор. Так и хотелось свернуть хлипкую шею Яна, а затем, разузнав координаты Скара, прикончить и Вацлава. Лес густой и широкий — пойди отыщи двух кавенов, а, если повезет, то попробуй разберись, кто их лишил жизни.

Но нет… Он не убийца! Он не такой, как Скар. Вот его он отправит на тот свет с огромным наслаждением. Мысль о том, что в Гринвуде нет цифраториев, и этот подонок навсегда исчезнет с лица земли, доставила Илону истинное удовольствие.

Он применил удушающий захват в полную силу, и Ян без чувств рухнул у его ног. Илон пошевелил солдатика ногой — мешок мешком. Пусть живет, пусть живут, пусть вернутся к своим детям и женам. Им просто не повезло. Они оказались не в то время и не в том месте.

Услышав шум, Вацлав завертел головой. Но Илон тут же его предостерег, перекидывая второй автомат через плечо. Нож он сунул за ремень, а пистолет взял в руку. Приблизился к сержанту, ткнул дулом в затылок, покрытый потными, чуть рыжеватыми волосами, и взвел курок.

— Где эта тварь?

— В Дэдтауне, — без колебаний ответил сержант.

Ответ позабавил Илона своей неожиданностью и фантастичностью, и он взорвался истерическим смехом, понимая, что проделал весь путь, чтобы вернуться обратно, если, конечно, пленник не врал. Хохот полетел по лесу, сквозь сумерки и листву, распугивая птиц.

— Так легко его сдаешь? — не поверил Илон и вдавил дуло в затылок.

— Да он уже всех достал. Тебе только спасибо скажут, если он исчезнет.

Илон похлопал дулом по плечу — там, где лежал красный кленовый лист.

— Ты же сам…

— А у меня был выбор?

— Допустим, я тебе поверил. Но что он потерял в мертвом городе?

— Чего не знаю, того не знаю. Может, продолжает мстить за Анну. Кто его разберет.

— Сколько он там пробудет?

— Вроде еще три дня. Он с кем-то из ваших спутался, что-то мутит.

— А что за Анна?

— Да никто она. Обычная баба. А Скару только дай повод… У нее крыша поехала. И кто-то ее надоумил в Лост Арке найти психолога, чтобы он ей мозги вправил… Вот он и вправил, что она в кому провалилась. Ее недавно привезли. Говорят, теперь лежит в больнице овощ овощем.

Илон обмер, чувствуя, как его охватывает леденящий ужас. Как оглушают воспоминания, словно раскаты грома.

Анна… Психолог из Лост Арка… Дети… Как овощ… Фьюжинер Гагарин… Эдвард… И наконец… Мэй…

Безумная карусель минувших событий закрутилась-завертелась перед глазами. Илона захлестнула паника, лишая сил и делая ноги ватными. И он не придумал ничего лучше, чем со всей дури садануть сержанта по затылку. Вацлав распластался на земле, широко раскинув руки.

Сам Илон где стоял, там и сел. Приложил горячий лоб к пистолету, а потом больно застучал им по голове, словно

старался выбить из нее любую мысль о том, что Мэй… погибла из-за него.

* * *

День убегал, тащил за собой свой широкий небесно-голубой плащ и солнце, закатывая его за горизонт. Тени размывались в густых сумерках. Лес изменился, покрываясь пятнами ночи. Сделался тихим-тихим.

Илон слышал свое беспокойное и прерывистое дыхание. Он запыхался, но продолжал шагать уже проторенной дорогой — в сторону мертвого города, не оборачиваясь и не останавливаясь. На плече в такт шагов качался автомат, другой держали влажные ладони, поясницу холодил пистолет, а на боку поблескивал армейский нож.

Жаркое тело никак не остывало, несмотря на подступившую ночь; ветви, неожиданно выпрыгивающие из темноты, хлестали по лицу; во рту стоял привкус чеснока, уксуса и подгоревшего мяса, несколько волокон крепко застряли в зубах, подбрасывая угли в пылающую белым пламенем топку раздражения и ненависти.

Ярость, словно прорвавшаяся из преисподней, толкала и толкала вперед. Но останавливаться было нельзя. Илону казалось, что если он хоть на минуту сделает привал, прильнет к дереву, даст натруженным ногам отдохнуть, то случится что-то непоправимое. Его поймают, начнут преследовать или подстрелят.

Братьев он привязал к дереву, их же ремнями перетянул запястья и привязал, сложив руки за спиной. Но надежно ли?.. Илон не помнил, не мог с уверенностью сказать, правильно ли сплел узлы и туго ли затянул. Воспоминания приходили урывками, зажигались фрагментами и исчезали, как вспышки фейерверков в воздухе.

Вскоре на лес наползла полновластная ночь, и пришлось сбавить шаг, чтобы не расшибиться впотьмах. Стало полегче, а когда из отнятой у кавенов фляжки на волосы, на лицо и в рот пролилась вода, еще лучше. Почти хорошо.

Однако с облегчением вернулись и мрачные мысли, от которых, увы, нельзя было скрыться. Мэй, милая Мэй не только спасла его ценой своей жизни, но и погибла из-за него. Из-за его идиотских желаний, его глупых амбиций… От осознания этого становилось гораздо больнее, чем от удара или пореза. Боль кромсала и жгла что-то в груди, в голове — саму человеческую

сущность, саму душу. И терпеть ее было невыносимо.

Когда впереди наконец-то замаячили знакомые очертания зданий мертвого города, Илон, измотанный и подавленный, едва не упал от бессилия. Однако все равно не позволил себе передышку, пока не устроился на крыше одного из них. Теперь оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что сержант не соврал, и где-то здесь, среди руин, объявится Скар.

Глава 6. Сингулярность. Часть 5

Над ним бело-голубыми гирляндами висели звезды. Тьма простиралась от горизонта до горизонта; среди руин было неприятно тихо, даже ветерок не вздыхал. Илону чудилось, что он один в мертвом городе, и нет здесь ничего, кроме осыпающихся домов и разъедаемых ржавчиной аэрокаров.

Его терзали опасения, что, возможно, так и есть. А рассказ сержанта — самая обыкновенная ложь, на которую он купился, как ребенок. И теперь напрасно всматривается в темноту в надежде заметить какой-нибудь проблеск. Но тогда получается, что весь этот путь был пройден зря? Пройден лишь за тем, чтобы узнать причину убийства Мэй… От этого на душе делалось совсем гадко.

Дурея от ожидания, Илон вновь обвел здания внимательным взглядом и… не увидел ничего. Только бесконечные руины, занесенные песком и пылью, заросшие травой и кустарниками, выступали из темноты.

Он смиренно вздохнул и твердо решил, что все равно не уйдет. Будет ждать всю ночь. А когда наступит рассвет, то обыщет каждый дом в Дэдтауне, поднимется на каждый этаж, заглянет в каждую уцелевшую комнату. И будет искать Скара дальше. Пока не найдет. Пока не отомстит.

Прошло три часа, когда глухой и прочный мешок тишины проткнул грозный гул. Шорохи и шелест затопили дремлющий город — прокатились от дома к дому, словно овации ликующей толпы. Аэрокар садился без сигнальных огней, однако вспышки голубого пламени, прожигающие застоялый мрак, выдавали его с потрохами.

Илон глядел во все глаза, отсчитывая дома, которые разделяли его и планирующую к руинам машину. Хотел рвануть сразу к цели, но решил обождать, пока железное брюхо не коснется земли. И бросился вниз, как только грохот с присвистом стихли, а серебристо-голубые вспышки растаяли в ночи.

Ожидание закончилось, время настало. Дышит он ровно и глубоко, ноги больше не подводят и несут вниз по ступеням легко и ровно, автомат зажат в кулаках, а нож на боку играет в лунном свете. Страха нет. Его затмила ненависть. Осталось лишь добраться до Скара и выплеснуть ее до последней капли.

Илон выскочил на улицу, обогнул яму и бодрым шагом направился в сторону севшей машины. Звезды закружились в темном небосводе, слева и справа потянулись хмурые дома. Иногда он срывался на бег, но темный спутник, рожденный

закинутой инфой, быстро его одергивал. Кругом кромешный мрак, бежать без оглядки слишком шумно и глупо. Илон соглашался, однако едва себя сдерживал.

Он преодолел примерно половину пути, когда в здании, у которого сел аэрокар, примерно на пятом-шестом этаже зажглись белые огни. Лихорадочно забегали, запрыгали, запорхали, словно большие светлячки, и успокоились, чуть подергиваясь в темноте.

Так даже лучше, — подумал Илон, остановившись лишь на миг. — *Скар там, он непременно должен быть там.*

Теперь он ясно видел цель. И почти ничего, кроме нее. Это высокое здание — возможно, самое высокое во всем Дэдтауне, и эти белые огни, подрагивающие высоко над землей. Они словно маяк указывали путь, влекли к себе, притягивали, манили.

За пятьдесят шагов жо аэрокара Илон пригнулся, прислушался, осмотрелся и, убедившись, что вокруг нет опасности, короткими перебежками от развалин к развалинам добрался до машины. Серебристо-серая птичка, посаженная среди метелок колючих кустарников, остывала, но все еще хранило тепло полета. В салоне никого не было, как и у дверей высотки.

Предвкушение схватки щекотало нервы. Медленно и осторожно Илон двинулся к зданию, держа автомат наготове. Почти бесшумно приоткрыл покореженную тяжелую дверь и начал подниматься по лестнице, стараясь взглядом обхватить и ступени под ногами, и лестничные пролеты.

Под лестницей, на первом этаже сердито гудел генератор, а от него ветвились провода, проброшенные между этажами.

На втором этаже Илон услышал слабые стоны и заметил, что провода тут расходятся: один бежал в квартиру слева, другой уходил вверх, повиснув между этажами. Понять, откуда плыли стоны, было легче легкого.

Мягко, как кошка, ступая, Илон пошел на звук. В квартире, куда черным змеем уползал провод, не было дверей, а из комнаты, сразу за коридором, сочилось апельсиново-мутное мерцание, словно там горел камин или костер. Но Илон не чувствовал ни дыма, ни гари, только пыль, жесткую и густую.

На то, чтобы бесшумно миновать коридор, потребовалось время. Но зато сидевший в просторной комнате громила даже ухом не повел, когда Илон в нее заглянул. На столике в дальнем углу булькала лава-лампа, зловещий свет подрагивал оранжевыми всплесками в осколках разбитого окна и играл на непонятных серебристых приборах и деталях, которыми были захламлены все полки.

В обветшалой гостиной находились двое. Один, широкоплечий детина с бритой головой, разместился на стуле и

дымил сигаретой, со смаком пуская струйки дыма в потолок. Другой, тоже довольно крепкий малый, только связанный по рукам и ногам, лежал на полу у окна, гоняя разбитым носом стоны; на его лице не было живого места.

Илон осторожно положил автомат на пол, ладонь сама собой потянулась к ножу. Этого кекса нужно убрать по-тихому. Одним точным ударом — прямо в сердце. Зажать рот и ударить в грудь, резко — ничего сложного. Илон никак не мог привыкнуть к новым воспоминаниям. Было странно и немного жутко. Он как будто проделывал этого сотню раз, помнил каждое движение до малейших деталей. Но в то же время…

Семь шагов. Семь тихих шагов, среди сигаретного дыма и не стихающих стонов. Одна рука бросилась к дымящему рту, другая, словно кобра, взметнулась над бритой головой. Блеск лезвия в оранжевом свете. Глухой удар. Кровь на ладонях. И рукоять ножа, торчащая из широкой и уже неподвижной груди.

Все прошло быстро и, как оказалось, легко. Илон придержал обмякшее тело на стуле, а затем осторожно опустил его на пол, испытывая одновременно отвращение и радость. Отвращение от того, что он оборвал чью-то жизнь, и его при этом не вывернуло наизнанку и не загрызла совесть. И радость, что он смог прикончить этого громилу, кем бы он ни был, а значит, сможет прикончить и Скара.

Мужчина у окна неожиданно дернулся, застонал громче и вдруг шепеляво, с удивлением проговорил знакомое имя.

Илон потряс головой, не веря в услышанное. Молча сходил за автоматом и вернулся.

— Это я, я. Ник. Тьфу, — он сплюнул. — То есть Капюшон.

Илон поднес указательный палец к губам и, потрясенный, опустился на стул, вытирая о край футболки влажные от крови руки.

— Что я у тебя покупал последний раз? — с подозрением прошептал Илон.

— Как обычно, кофе из-под купола, — Капюшон тоже перешел на шепот. — Надеюсь, он тебе понравился.

— И что ты тут делаешь?

Капюшон скосил щелки заплывших глаз на бездыханное тело.

— Приехал пару дней назад. Привез им всякую мелочовку. В основном детали для андроидов.

— Вижу, сделка прошла не очень удачно.

На измочаленном вдрызг лице Капюшона проступило некое подобие улыбки. Разбитые губы дернулись, и он вновь застонал. В янтарном свете лава-лампы распухшая сине-красная морда выглядела особенно зловеще. Удивляло то, что он вообще мог

ворочать языком.

— Кто это? — спросил Илон, указав дулом на труп.

— Вроде митфан. Зовет… звал себя Ронаном.

— Знаешь, я всегда считал тебя очень осторожным.

— А я всегда думал, что ты типичный офисный планктон из Цитадели, а теперь даже не знаю, кто ты на самом деле. И развяжи меня, наконец.

Илон промолчал. Не верил ему. История сама по себе звучала лживо, а ее рассказчик вызывал доверия не больше, чем астрологический прогноз.

— Сколько их всего?

— Трое. Этот, еще есть Эго и… Танос. Последнего ни разу не видел.

— У Эго есть шрам на лице?

— Нет.

— Значит, Танос, — засопел Илон, сжимая рукояти автомата. — Что они от тебя хотели?

— Пообещали свести меня с надежным человеком из Гринвуда.

— И зачем тебе понадобился контакт среди кавенов?

— Мой лучший поставщик, из ваших, смылся в виар на три года.

— Ву? — сразу сообразил Илон.

— Ага, он самый.

— Теперь ясно, откуда у него лайки, — Илон покачал головой. — А от кавенов тебе какой прок? Насколько я знаю, у них шэлловских побрякушек нет.

— Хотел заняться поставками мяса. Да и их сигареты не хуже, чем из-под купола.

— Откуда мне знать, что ты с ними не заодно?

— Там, на полке, — коробка, — с явной неохотой прогнусавил Капюшон. — В ней… инвиз.

— Тот самый? — не поверил Илон. — Ты же сам мне говорил, что его не существует в природе.

— Я тоже так думал.

— Но что это доказывает?

— С Эго охранный бот. Если будешь с инвизом, он тебя не отсканит на подходе.

Илон поднялся и шагнул к полкам у стены, заваленных новенькими деталями, как гнездо сороки блестяшками, и провел пальцами по коробке — совсем невзрачной, чуть мятой с боков, из-под обуви или вроде того. Осторожно сдвинул крышку, опасливо заглянул внутрь.

На дне коробки лежали круглые штуковины, похожие на

прозрачные пуговицы. Илон взял одну, подцепил ногтем мелкий рычажок на ребре, опустил его и, ощутив легкую дрожь на кончиках пальцев, спрятал в тугой карман джинсов. После чего все еще с подозрением глянул на скрюченного под окном контрабандиста.

— Если все пройдет гладко, вернусь за тобой позже.

С этими словами Илон направился в коридор, слушая, как за спиной жалобно мычит брошенный Капюшон.

На втором этаже по-прежнему было тихо и темно. Илон немного постоял, собираясь с мыслями. Митфаны в мертвом городе, изувеченный контрабандист из Лост Арка и детали для андроидов…

Что ты задумал, Скар? — спросил он сам себя, начиная взбираться по ступенькам.

Когда сверху донеслись приглушенные голоса, Илон остановился. Бормотали этажом выше — неразборчиво, раздраженно и мрачно. Илон вынул инвиз, тот колебался, словно внутри прозрачной пуговки жужжал мелкий моторчик, и вернул его обратно в карман.

Шаг, еще шаг… Палец нервно дернулся на спусковом крючке автомата, но, к счастью, не вдавил его до упора. С лестничного пролета уставшие от мрака глаза ухватили бегающие красные лучи, падающие на пол и стены. Черный металл, медузообразное тело, парящее в воздухе, и несколько косичек, точь-в-точь, как у Бро.

Сторожевой бот медленно проплыл слева направо и скрылся из виду, вернувшись к хозяевам. Либо сканер бота доставал не дальше десяти шагов, либо инвиз действительно приглушил присутствие чужака.

Илон поднялся еще выше, туда, где совсем недавно висел бот, и провел взглядом вдоль провода. Квартира, куда тянулся провод, находилась совсем рядом. Дверь была открыта.

— А что делать с Капюшоном? — спросил незнакомый голос.

Молчание.

— Понял, — сказал незнакомец.

И в этот момент красные лучи сканера, подрагивая и разбегаясь, нарисовали на пороге сетку. Едва жестянка показалась в дверном проеме, как Илон нажал спусковой крючок.

Громыхнула автоматная очередь, несколько пуль звонко впились в темный металл. Из бота брызнули искры, он затрещал-запищал, лихорадочно закружился, беспорядочно размахивая красными лучами, и грохнулся на пол, оголив выгоревшие процессоры.

Почти сразу из комнаты прилетал громкий ответ. Злой

свинец лег волнистой линией вдоль стены напротив распахнутой двери. Пыль закружилась в воздухе, посеребренная в белом свете, идущем из комнаты.

Илон тихо подкрался к двери, перехватил автомат одной рукой, сунул его в комнату и, не глядя, вновь вдавил лепесток спускового крючка, разбрасывая пули. Симфония звона и грохота. Чей-то вскрик, чьи-то мучительные стоны. И снова ответ, высеченный свинцом на стене перед дверью. А затем еще один.

Он опустил разогретый, но пустой ствол. Снял второй автомат с плеча, понимая, что стрельбой вслепую Скара не возьмешь, и решил рискнуть. То, что подсказывал ему темный попутчик, выглядело глупо, безумно и безрассудно, но тот еще ни разу его не подводил.

Оставался последний рывок. И Илон начал падать — прямо перед дверным проемом, попутно поливая свинцом дальний угол комнаты. Он выстрелил раньше и точнее, и укрывшийся за столом Скар схватил пулю прежде, чем успел ответить. Его здоровенный пулемет в слабеющих руках выплюнул очередь в потолок, обрушивая водопад штукатурки.

Плечо, почти поджившее, от падения обожгло болью. Но Илон лишь торжествующе улыбнулся ей. Потому что убийца Мэй осел в углу, хрипел и, харкая кровью, безуспешно пытался поднять свое тяжелое оружие. Жизнь утекала из Скара, делая его лицо со шрамом жалким, а не страшным.

Второй противник, тщедушный длинноволосый блондинчик, лежал у стены, неподалеку от стола. Немигающие серо-голубые глазам смотрели в никуда, на простреленном брюхе застыли сложенные ладони, прикрывая рану, но кровь сочилась сквозь пальцы, пятная голубую рубашку.

Бегло оценив обстановку, Илон рывком сдвинул старый письменный стол и склонился над Скаром. Тот криво ухмылялся, булькая кровью, и все еще не убирал ладоней с пулемета. Илон выдернул его и отбросил в сторону. А затем достал фотографию Мэй и ткнул ей в тускнеющие глаза Скара.

— Помнишь ее, а? Помнишь, ты, гребаный ублюдок?!!

Заклятый враг внезапно улыбнулся, его лицо, перекошенное ненавистью и перепачканное кровью, вдруг сделалось счастливым, умиротворенным.

— Д-доча, — произнес Скар, судорожно вздрогнул и замер навсегда.

* * *

В лаборатории висел густой сигаретный дым. И Адам, изможденный, всклокоченный и бледный, плавал в нем, словно неприкаянный дух. Кроме него, в институте больше никого не осталось, что и неудивительно в такой-то поздний час. Бездельники разлетелись по домам, чтобы спустить время на погружение в бессмысленные виртуальные миры, просмотр тупых сериалов и плотские утехи. Пока он… Пока он в одиночестве творил настоящую историю. И это были далеко не пустые слова, теперь это были далеко не пустые слова. Потому что яблоко, брошенное в коробку настольного портала, вернулось уже в третий раз. Целым и невредимым.

После первого успешного перемещения Адам едва не лишился чувств, после второго позволил себе перекусить и перекурить — заслужил все-таки, а после третьего — даже выпить, чтобы немного успокоиться и от великой радости не схватить инфаркт.

Разглядывая нетронутый фрукт, напичканный наноидами, он все еще не верил, что ему удалось. И все еще не до конца понимал, как все это работает. Однако факт оставался фактом: на дне настольного портала лежало перемещенное яблоко — большое, круглое и зеленое. Первое в мировой истории яблоко, которое после телепортации не превратилось в горсть безвкусных сухофруктов.

Наноиды. Все дело было в них, в этих мелких многозадачных сорванцах, которых во время войны использовали и так, и эдак. В том числе и для того, чтобы обманывать сканеры слежения и человеческий глаз, делая из бойцов невидимок и позволяя им по желанию прикидываться мертвецами. По сути, и яблоко было сейчас невидимым и неживым.

Адам открыл сигаретную пачку, заглянул внутрь, сокрушенно покачал головой. Последняя… Рано, пока слишком рано. Нужно ее оставить. Он выкурит ее в момент своего окончательного триумфа, когда попробует перемещенный плод и убедится, что телепортация не отняла у него вкус.

Мария, ты записываешь?

Да, мой гений.

Скажи это еще раз.

Да, мой гений.

Уффф… Адам сдвинул один из двух переносных порталов в центр стола и опустился на стул. Сплел пальцы, уронил на них подборок, разглядывая круглый зеленоватый объект перемещения сквозь прозрачные стенки портала. И вдруг подумал с усмешкой и гордостью, что, возможно, именно это яблоко спустя много-много лет станут показывать в каком-нибудь музее, а безумные

коллекционеры за возможность им владеть станут отсыпать миллионы лайков.

Момент истины надвигался неумолимо. Адам осторожно вытащил яблоко, грубо стиснул его ладонью, проверяя на прочность, и поднес к губам, все еще не решаясь его надкусить. Отложил, хлебнул бренди для храбрости и вновь поднял, закрывая глаза, чтобы было не так страшно.

Зубы прокусили жесткую шкуру и под приятный хруст вошли в мякоть, выдирая крупный кусок. По языку, по деснам растеклась кисло-сладкая кашица, которая опьяняла не хуже виски. Яблоко на вкус было как яблоко.

Адам долго жевал, а когда жевать стало нечего, положил надкушенный плод перед порталом, чувствуя, как от волнения бешено колотится сердце. Подрагивающие пальцы вытянули последнюю сигарету, через несколько секунд в легкие потек мятный дым.

Теперь не было никаких сомнений, что он безоговорочно победил. Оставалось подумать на тем, разделять ли успех с кем-либо или повременить, подготовиться и всю славу забрать себе.

Глава 7. Пульс. Часть 1

Его разрывало на части.

Илон ощущал себя беспомощной тряпичной куклой, которую пытаются растерзать и выпотрошить немилосердные руки. Успокоительные совсем не притупляли боль, лишь ненадолго приглушали раздражение. На резкие надоедливые звуки за окном. На излишне яркий и противный свет, бьющий в щель между занавесками. На самого себя…

От горячительных напитков делалось только хуже. Когда он начинал проваливаться в вязкое беспамятство, прошитое струйками алкогольных паров, то возвращались кошмары, а вместе с ними приходили и мертвецы. Скреблись, шуршали и отрешенно бродили в полумраке комнаты отеля — то ли во сне, то ли наяву. И бедняжка Пол, и ублюдок Скар, и даже этот придурок Шварц. «Ты, ты нас убил», — шептали и бормотали мертвецы, упрекая его в своей гибели. Иногда они показывались по одному, иногда являлись всем скопом.

Зыбкая грань между сном и явью размывалась, а кошмары глубоко впечатывались в память, словно выжженное клеймо, и больше не забывались, как прежде. Он помнил каждого мертвеца, помнил их замогильные голоса, оставляющие липкие следы страха в памяти.

Мэй… ее не хватало, ее ободряющих слов, ее светлой улыбки, ее нежных и исцеляющих прикосновений. Двое суток он не выходил на улицу, пытаясь хоть как-то обуздать отчаяние и примириться с собой. Одна часть убеждала его, что время пришло, и он, несмотря ни на что, должен посетить цифраторий. Другая запрещала даже думать о том, чтобы встретиться с Мэй. Как посмотреть ей в глаза? Как сказать ей о том, что случилось там — в Дэдтауне, на шестом этаже высотки, где сейчас на жаре гниют и разбухают три трупа?.. А ведь она спросит, она обязательно спросит, как это произошло. Он же ее знает?.. И что тогда он ответит?

Илон не знал. Он стоял перед распахнутым окном, куда задувал свежий ветер, и наблюдал, как розовато-перламутровая лента рассвета опоясывает горизонт. Если сейчас вызвать такси, то у цифратория он будет через три часа, как раз к открытию… Ветерок трогал занавески, бордовые в золотую полоску, снимал запах пота с немытого тела, катился по небритым щекам, путался в мокрых волосах и как будто залетал в горячую голову, закручиваясь там по спирали, а затем с шепотом убегал в неизвестность, прихватывая с собой пасмурные мысли.

Лост Арк, дивный, сказочный город, с высоченными домами и не стихающим ни днем, ни ночью карнавалом разноцветных голограмм, пробуждался от ночной спячки. Ясное небо утюжили аэрокары, подмигивая красно-синими огнями, из коридора отеля доносились шаги, а на проспекте далеко внизу появились первые прохожие. Привычная жизнь мегаполиса начинала катиться по накатанной колее. Все куда-то спешили, все о чем-то думали, все чего-то хотели.

А о чем думал и чего хотел именно он? Илон провел ладонью по заспанному и колючему лицу. Успокоительное он проглотил несколько минут назад, а к спиртному решил больше не притрагиваться. Оставалось сделать еще один шаг. Но совершить его было сложнее, чем забраться в дом с убийцами на окраине мертвого города. Тогда он не боялся ничего на свете. А теперь… Он чувствовал себя совершенно безоружным — беспомощным манекеном, выставленным в витрине магазина на оживленной улице.

Илон еще немного постоял у окна, глубоко вдыхая прохладную свежесть раннего утра, потом крепко выругался, махнул рукой и пошел в душ, стискивая зубы.

* * *

Башня — широкая у основания и узкая на вершине.

Высокая белоснежная башня, ослепительно сияющая в солнечных лучах, словно сотканная из белизны чистых облаков, нетронутого горного снега и взбитой пены морских волн.

Высокая белоснежная башня, где тысячи цифровых душ изнывают в ожидании того времени, когда ученые наконец смогут соединить оболочку шэлла и оттиск в перманентном фьюжине. А не как нынче — всего лишь на час.

Вид цифратория из окна летящего аэрокара навевал мысли о Цитадели, но Илон старался их не замечать. Не хотелось думать о несчастном Эдварде (как он там без него?), о его бедной девочке (удалось ли врачам привести ее в чувство?), об утраченных надеждах и чужом человеческом горе. Своего хватало с избытком.

С высоты полета цифраторий напоминал тюрьму или хорошо укрепленную крепость, только выстроенную не из серого камня, а из современных материалов, преимущественно белых и серебристых тонов. Крепкая ограда в три человеческих роста, наблюдательные вышки повсюду, в них охрана с пушками. Не хватало только колючей проволоки, но ее, насколько знал Илон, исправно заменяли шокленты, проброшенные вдоль всех стен.

Вдруг кому-нибудь взбредет в голову взобраться по ним. Только еще попробуй взберись — поверхность гладкая, как зеркало, без единого шва, без единого зубчика — зацепиться не за что, на липучках разве что. Но это так — от митингующих годфанов, реалфанов и прочей бунтующей публики.

Другое дело — хакеры, желающие проникнуть в цифраторий всеми правдами и неправдами с момента его появления. Зачем? Да просто потому что. От скуки, ради славы, спортивного интереса или мнительно-навязчивого: «От нас что-то скрывают». Однако и о них позаботились — полной автономностью заведения, непроницаемыми коконами, где хранились цифровые оттиски умерших, и тотальным контролем посетителей и сотрудников.

Цифраторий был государством в государстве. Новым Ватиканом, со своим руководством, со своей иерархией, со своим нешуточной армией, со своими странными порядками и строгими правилами. Даже непорочные пьюры, практически божества, перед которыми распахивались любые двери, у порога цифратория обращались в простых безвластных смертных.

Не успел аэрокар опуститься на посадочную площадку, как рядом, будто из воздуха, возникли два крепких охранника, прозванные из-за белой формы и золотой окантовки фуражек ангелами. Крепкие ребята с квадратными челюстями, слиперами на поясе и… похожие друг на друга как две капли воды.

Получен запрос на идентификацию личности, — оповестила Ма.

Подтверждаю, — без промедления ответил Илон.

Один ангел удовлетворенно кивнул, кротко тряхнув своим нимбом, другой поводил портативным сканером и, видимо, не поверив полученной инфе, с удивлением спросил:

— У вас только корешок? Других имплантов нет?

— Нет. Надеюсь, это законно.

— Конечно. Следуйте за мной.

Удивленный ангел пошел впереди, его молчаливый напарник держался сзади, и оттого ощущение, что цифраторий походит на тюрьму, только усилилось. Воздух начинал нагреваться, на девственно-голубом небе ярко горело солнце, подсушивая посеребренные лужицы после трех дождливых дней.

Митингующим на растерзание отдали место у южной стены, дорога к центральным воротам была свободной и чистой, однако орали годфаны и реалфаны без перерыва и не жалея собственных глоток, поэтому каскады их тупых лозунгов докатывались даже до посадочной площадки.

— Цифрорай — дорога в ад! Цифрорай — дорога в ад!

— Оцифровку к черту! Оцифровку к черту! Оцифровку к черту!

Илон лишь улыбнулся. С сочувствием, презрением и глубоким непониманием. Такие же глупые лалки, как и митфаны у Цитадели.

Митфаны… Слово, будто верно подобранный ключ, провернулось в замке сундука запертых воспоминаний. Увы, таких ключей набиралась уже целая связка — тяжелая, обжигающая холодным металлом связка.

Мэй… Скар… Митфаны… Капюшон… Андроиды… Инвиз…

События трехдневной давности никак не отпускали, вцепились мертвой хваткой, безжалостно грызли, впивались клыками, затаскивая в потемки мертвого города.

Илон вздохнул. Он и сам был хорош, то и дело воровато заглядывая в омут недавнего прошлого и ломая голову над причиной связи митфанов и Скара. Как оказалось, Капюшон тоже ничего толком не знал. Оставалось уповать лишь на то, что грандиозные планы Скара, что бы он там ни замышлял, окончательно разрушили пули, застрявшие у него в груди.

Перед глазами, словно голографическая проекция, проявился Капюшон, старательно, но не умеючи выскребающий армейским ножом корешок из затылка громилы Ронана. Микрочипы они сожгли, огарки закопали. Трупы решили не трогать, мертвецы без корешков все равно ничего не могли поведать. А пока их там найдут. Если найдут…

У ворот околачивались еще пятеро охранников, трое мужчин и две женщины. Одна из них, высокая, широкоплечая и грозная на вид, молча протянула ему тонкий, темный и пока не сомкнутый ошейник с красным мигающим огоньком. Илон посещал цифраторий впервые, но слышал о том, как радушно тут встречают гостей. Поэтому нисколько не удивился, когда на его шее щелкнул ободок, блокирующий корневой чип и вообще любой имплант, способный обмениваться инфой с внешним миром.

Ангелы у ворот были вооружены не только слиперами, но и эирганами. Илон зевнул, изучая внутренний двор. Прямо перед глазами — широкий рукав перехода, идущий от ворот к башне. Во внутреннем дворе четыре бело-золотистых аэрокара, сияющих на солнце. Слева и справа светлые и гладкие стены, толщине которых позавидовал бы любой банковский сейф. Под ногами поверхность цвета сливочного мороженого из твердого, но звонкого неизвестного материала.

Вдоль его тела вновь забегали сканеры, беспорядочно излучая ярко-зеленый и бледно-голубой свет, словно взбесившийся

голограф.

— Идите за мной, — сказала женщина, протянувшая ему ошейник.

У нее были уродливо-узкие бедра и широченные плечи, из-под фуражки выбивались короткие каштановые волосы, а шла она немного неуклюже, словно несла на спине тяжкий груз. Позади, как и прежде, тащился еще один ангел — не тот, что раньше. Он буквально дышал в спину, обдавая Илона запахом сигаретного дыма.

Ма? Эй, Ма! Ты здесь? Очнись! — позвал он ее, решив проверить ошейник на прочность.

И предсказуемо ничего не услышал. Ни звука. Корешок не отзывался, будто его выдрали из башки. Ошейник подавил сигнал, запечатав Ма в глухую и беспросветную темницу — в маленький цифровой гроб. Илону опять подумалось о том, ощутила ли она что-либо, когда ей запретили болтать и глазеть чужими раскосыми глазами на белоснежный мир цифратория. Волнение? Страх? Может, злость?..

Вместе с охранниками он нырнул в широкий рукав — такой же скучно-белый внутри, как и снаружи. Они немного прошли по коридору, неторопливо и молча, словно на траурной церемонии. И остановились.

— Пройдите и ожидайте, — суровая женщина указал в сторону.

Перед Илоном отъехала дверца — искусно утопленная в стене, и потому почти незаметная с первого взгляда. На несколько секунд он очутился в сумраке, а когда вспыхнул яркий свет, заливший комнатушку размером чуть больше душевой кабинки, женский голос приказал:

— Раздевайтесь.

— Совсем?

— Совсем.

Из стенки напротив него с тихим шипением выскочил глубокий лоток.

— Свои вещи положите сюда.

Илон суетливо стянул кроссовки, джинсы, футболку, трусы и спешно бросил их на дно лотка, ожидая дальнейших указаний. Минуты три ничего не происходило. Он стоял посреди тесной комнаты, в полной тишине, пытался отогнать конфуз, прикрывая ладонями причинное место, и чувствовал, как его обволакивает яркий свет. Затем стена забрала вещи, забавно чавкнув напоследок, и подсунула новый лоток, где лежал аккуратно сложенный, но неприлично скудный гардероб.

Казалось, эту постыдную распашонку, едва достающую до

колен, скроили из рулона туалетной бумаги. Она была невесомой, как перышко, почти прозрачной, и настолько хлипкой, что Илон боялся на нее даже дышать. С таким же успехом можно разгуливать по цифраторию голышом, подумал он, бережно и опасливо просовывая в нее голову — как бы не порвать.

Как только рубашонка неприятно и подозрительно зашуршала на теле, дверца отворилась, а в проеме возникла знакомая провожатая. И Илон понял, что все это время, пока он смущенно стоял здесь, в неглиже, как статуя Аполлона посреди галереи, за его скромной персоной наблюдали, наверняка изучая и разглядывая, словно пойманного редкого жука.

— Идемте.

В сопровождении двух поразительно молчаливых и хмурых ангелов Илон проделал весь оставшийся путь. Немного прокатился с ними на лифте, а затем еще немного поплутал лабиринтами цифратория, пока его не заперли в пустой просторной комнате с живописными голограммами кипящего водопада в меланхолично-осеннем лесу. У каменистого берега бурлила и пенилась вода, крупные брызги летели прямо в лицо, ветерок перебирал красно-желтые листья, заставляя каждое дерево играть медно-рыжим костром.

Мэй появилась прямо под водопадом, который слегка размывал ее проекцию. На ней было любимое короткое желтое платье с порхающими разноцветными бабочками и возбуждающе глубоким вырезом. У ее босых ног прыгали солнечные зайчики, а на непривычно длинных черных волосах вспыхивали искорки.

Она прошла по воде, остановилась на расстоянии вытянутой руки, улыбнулась, а потом вдруг рассмеялась.

— Видел бы ты себя сейчас!

От такого родного и теперь недоступного смеха у Илона сжалось сердце и перехватило дыхание. Проекция, бродящая по воде, была одета как Мэй, улыбалась и смеялась как Мэй и вообще вела себя в точности, как она.

Илон оцепенел. Ему казалось, что сам он обернулся невесомой проекцией, и знакомый звонкий смех пронизывает его насквозь, заставляя колебаться каждую точку, выжженную тонкими лучами голографа.

Он невольно потянулся к ней, охваченный желанием ощутить кончиками пальцев шелковистую кожу, и… тихо, по-щенячьи проскулил, когда зачерпнул ладонью лишь воздух, только пустоту.

Улыбка моментально слетела с пухлых губ Мэй, серьезное круглое лицо заслонила тень сочувствия. Она подняла руки и как будто попыталась его обнять. Илон закрыл глаза и представил,

что тоже тонет в ее объятиях.

Несколько минут они неподвижно стояли на берегу реки, в брызгах грохочущего водопада, окутанные призрачной дымкой счастливых воспоминаний. Потом Илон открыл глаза и робко улыбнулся.

— Не представляешь, как я рад тебя видеть, — сказал он, разглядывая ее серьезное лицо, и вновь замолчал.

У него накопилось столько вопросов, у него было столько желаний, но он просто растерянно хлопал глазами, как смущенный мальчишка перед первым поцелуем.

Мэй медленно провела ладонью по его щеке.

— Я тоже, — со вздохом сказала она и вдруг всплеснула руками. — Ну кто воткнул этот пошлый фон в комнату для свиданий?!!

Голограмма осеннего пейзажа беззвучно растворилась, а на ее месте вспыхнули многоцветные геометрические фигуры — картины Мэй, словно нарисованные радугой и напоминающие большие елочные игрушки.

Стало тихо, и Илон отчего-то почувствовал себя совсем не уютно, в этой полупрозрачной дурацкой распашонке посреди просторной комнаты цифратория.

— Твои волосы…

— Тебе нравится?

— Да… Наверное…

— Ты уже познакомился с местной Фрекен Бок?

Илон с непониманием поглядел на Мэй.

— Одна из ангелов, которая выдала тебе эту промокашку, — Она хихикнула со смущением. — Уверена, она на тебя пялилась, пока ты… Ну ты знаешь. Говорят, она любит подсматривать за большими красивыми мальчиками в раздевалке.

Илон презрительно поморщился. А Мэй не спеша прошлась между картинами, повисшими в воздухе.

— На самом деле мне ее немного жалко, — сказал Илон с ноткой грусти. — Понимаю, лайкают тут щедро. Но я бы так не смог… Изо дня в день: «Следуйте туда, идите сюда, снимайте это, одевайтесь в то». Как робот. Неудивительно, что она похожа на выцветшую фотографию.

— Да, наша Айзи на конкурсе чувственности дала бы ей фору, — усмехнулась Мэй.

И они рассмеялись. Илону чудилось, будто мелкие бабочки порхают не только на платье Мэй, но и внутри него — где-то чуть ниже груди, щекочут его своими бархатистыми крыльями. Ему больше не хотелось спрашивать ее ни о чем на свете. Просто быть с ней рядом, смотреть, как она медленно и величественно ходит

между голографическими картинами, ловить ее хитрый взгляд, слушать ее чарующий голос. Но Мэй сама завела разговор.

Глава 7. Пульс. Часть 2

— Знаешь, я познакомилась с твоим психологом, Шварцем. Оказался приятный во всех отношениях человек. Гораздо лучше, чем ты о нем отзывался. А его супруга, Аманда, — само очарование. Он тебя даже вспомнил.

— Приятный… — повторил Илон, понимая, что городского психолога кавены устранили не просто так.

Он еще не сложил весь паззл, но понимал, что Шварц во всем этом кошмаре играл не последнюю роль.

— Ой, не переживай. Виктор не выдал мне твои маленькие секреты.

— Я и не переживаю, — нахмурился Илон.

Он попытался согнать мрачность со своего лица и натужно улыбнулся.

— Ты побывал у моего нотариуса?

Беседа сворачивала в неприятное русло, захламленное и зловонное, как старая свалка.

— Твое завещание, твой подарок. Было… — Илон не находил подходящего слова. … — неожиданно. Пожалуй, тоже воспользуюсь его услугами.

Илон услышал в своем голосе осуждение и раздражение. Мэй тоже уловила отзвуки легкого упрека.

— У тебя есть полное право на меня злиться.

Илон хмыкнул в ответ. Она, не проронив ни звука, пошла среди своих пестрых фигур — прекрасная и желанная королева геометрии. Он как-то спросил ее, почему именно кубизм, если у нее выходят классные портреты? А Мэй так долго и с такой пылкой страстью рассуждала про гармонию, форму, лаконичность и простоту, что навсегда отбила у него желание погружаться в философию живописи. В том, что случилось за последние три дня, не было ни гармонии, ни простоты.

— Я на тебя не злюсь, — смягчился он, глядя в глаза в глаза. — Просто… Твоя смерть, твое завещание. Все полетело кувырком.

— Ты вскрыл пакет?

— В тот же день. В тот проклятый дождливый день.

— И?

— Что «и»? Что я об этом думаю?

Мэй покивала с серьезным видом.

— Мне все равно. Правда. У нас у всех есть свои скелеты в шкафу.

— Догадываешься, кем я была в той, прошлой жизни?

— Ну, ты носила красный кленовый лист… — начал размышлять Илон. — И имела доступ к боевым стимуляторам, а их в соседнем магазинчике не купишь. Кто-то их предоставил тебе. Кто-то из… Совета. Думаю, ты что-то вроде двойного агента. Не знаю уж, как это правильно называется.

— Я знала, что ты разгадаешь этот ребус, — Мэй с такой гордостью заявила об этом, словно он совершил величайшее открытие в истории. — Надеюсь, ты избавился от боевых стимуляторов. Не хочу, чтобы тебя лишили право на место в цифратории. Я держала их… на всякий случай.

Илон напряженно молчал.

— Как это случилось? — вдруг спросила она и удалилась от него в угол, словно убегая от грядущего ответа.

— Ты точно хочешь, чтобы я тебе рассказал подробности?

— Да, — спокойно произнесла Мэй, остановилась и повернулась.

Конечно, она хотела знать, не сомневался Илон. И даже слегка удивлялся тому, что этот вопрос не прозвучал в первые секунды их встречи. Мэй… Любопытная Мэй, смелая и решительная Мэй — открытая всеми миру, каждый миг познающая его сквозь призму собственных чувств и впитывающая новую инфу, как губка влагу.

— Думаю, тебя… убили те же люди, что и Шварца.

Мэй вытаращила на него свои темные глаза, припечатав его неопределенным взглядом. Илону казалось, что он знает ее сотню лет, но не припоминал, чтобы она выглядела такой растерянной и изумленной одновременно. Ответ потряс ее, и она словно еще не понимала, как на него реагировать: удивиться, огорчиться или испугаться.

— Но… его… Это ты узнал от пьюров?

— И да, и нет.

От переживаний у Илона начали путаться мысли.

— Как это? — все еще не понимала она.

— В новостях сказали, что Шварца убили кавены. Нашли кленовый лист на его трупе. А тебя… — Он глубоко вздохнул, будто собирался с боем прорываться сквозь следующую фразу. — Я своими глазами видел, кто это сделал. Последние секунды твоей жизни. Он, они тоже были… из наших.

Илон все еще не решался назвать имя убийцы. Стало тяжко, и он сполз по стенке, горестно обхватив колени руками, как тогда — в комнате отеля, словно желал обнять сам себя.

— Ты как будто пытаешься мне что-то сказать.

Илон не смотрел на Мэй, взор его блуждал у ее ног, ощупывая аккуратные короткие пальчики.

— На твоем месте должен был оказаться я. Ты спасла меня, Мэй. Столкнула с кровати, когда снаружи из пулемета разносили нашу квартиру.

— Перестань. Не вини себя. Ты обычный беглец из Гринвуда. За что тебя убивать? А вот меня, уж поверь, было за что. Я слила советникам столько инфы.

— Из-за Джессики.

Мэй не поверила, и из ее рта вылетел робкий и мягкий, словно пушистый птенчик, смешок.

— Я ничего не путаю? Джессика — это же супруга Эдварда?

— Да, она. Я тебе рассказывал, но последнюю оцифровку ты проводила две недели назад, так что не знаешь, что случилось в Цитадели.

— Расскажи сейчас.

Он наконец-то поднял на нее глаза. Мэй выглядела слегка взволнованной, но по его лицу поняла, что произошло нечто ужасное, и тоже помрачнела.

— Мне пришлось ее ликвидировать.

— Джессику? Зачем?

— Чтобы она не застрелила Эдварда, как своих малолетних детей.

— Какой ужас. Фьюжин?

— Скорее всего. Только Интел сказала, что в Джессике не было пассажира, когда она… Но теперь я знаю, что был.

— Теперь?

— Женщина по имени Анна из Гринвуда. У нее были какие-то проблемы с головой. Кто-то надоумил ее искать психолога в Лост Арке.

— Шварц… шэллтерапия, — догадалась Мэй.

— Подозреваю, именно он провел подготовку перед тем, как Анна прыгнула в тело Джессики и решила уничтожить всех членов семьи. Только вот что странно. Ни СБ, ни Интел ничего не заметили. Если бы Анна в тот момент находилась в Цитадели, я бы об этом точно знал. Потому что такое ЧП. Пациент в коме после фьюжина… Шум бы поднялся до небес.

— Ну и причем тут ты?

— Думаю, дело в ликвидации. С моей подачи Джессика вынесла себе мозги, а Анна и так была психически нездорова. И пережить такое, хоть и в чужой оболочке…

Мэй шагнула к нему так близко, что он мог спокойно разглядеть мельчайший узор на крыльях вышитых бабочек. Ее невесомая рука качнулась над его головой. Будь она жива, сейчас бы привычно ерошила ежик его волос. Но она была мертва, как и Джессика, и ее мальчик Пол, и Шварц, и… Скар.

— До сих пор не понимаю, как им удалось обойти все преграды и незаметно затолкать пассажира в Джессику.

— Но каким образом кавены вышли на тебя? Как узнали, что ты ликвидировал Джессику?

— Это совсем просто. И Шварц, и Гагарин, который, очевидно, и отправил Анну под купол, были найдены не только с кленовым листом на теле, но и со следами насильственной смерти. Их пытали перед смертью. Видимо, Гагарин или кто-то еще, кто был замешан в этой авантюре, сболтнул мое имя. Учитывая размах предприятия, найти инфу обо мне. П-фф.

— А ты кого пытал, чтобы узнать об Анне?

Илон стыдливо отвел глаза, уткнувшись взглядом в плавающий, выкрашенный под зебру квадрат внутри квадрата.

— Илон? Не делай вид, что тебе вдруг стали интересны мои картины. Я знаю, они тебе никогда не нравились. И я чувствую, что история не окончена. Что-то гложет тебя изнутри, разъедая как раковая опухоль. Думаешь, если я всего лишь проекция, то я ничего не замечаю? К тому же, ты никогда не умел…

— Врать, — закончил он с грустной ухмылкой и спросил тихо, почти шепотом, словно боялся, что его слова сотрут ее голограмму. — Ты любила своего отца?

— Строго говоря, у меня его не было. А мама мне никогда о нем не рассказывала. Даже тех сказочных историй, которые обычно рассказывают в таких случаях.

Илон воспрянул духом. Но тут Мэй сказала:

— А Скар… Он — мой отчим.

Маятник качнулся в другую сторону, и у Илона все обмерло внутри.

— Если это важно, относился ко мне, как к своему ребенку. Ты же видел фотографии. Моего дома, моей матери, моего отчима.

Илон кивнул. До этого момента у него все еще тлела надежда, что последнее слово старого кавена — всего лишь предсмертный бред. Но теперь… Он едва не взвыл от захлестнувших его эмоций.

— Но почему ты спрашиваешь?

Мэй пыталась заглянуть ему в глаза, но Илон старательно укорачивался от ее настырного взора.

— Я, наверное, пойду, — промямлил он под нос.

— Стой! Даже не шевелись!

Вопреки предостережениям, Илон поднялся и все-таки нарвался на ее взгляд, проваливаясь в два черных омута. Проекция Мэй колыхнулась, словно отражение на воде от легкого дуновения. Она поняла его без слов.

— Нет. Он бы…

— Была ночь. Было темно.

Словно спасаясь от пожара, Илон рванулся к двери, и, несмотря на громкие окрики, выскочил в коридор. Сердце бешено колотилось, в горле стоял сухой ком, в ушах эхом гулял настойчивый голос Мэй: «Илон, это еще…», а на душе было так мерзко, что хотелось вырвать ноющее сердце из груди.

Он так и не сказал ей. Не смог сказать…

* * *

Сара не любила бывать в цифратории. Не потому, что ее полномочия тут иссякали. Это как раз ей очень нравилось, хоть где-то ее голубая форма не заставляла в страхе шарахаться всех встречных и поперечных. А потому, что такая вот бледная башня, выросшая посреди Лост Арка, навевала воспоминания о приюте, где она прожила свою первую жизнь — мучительно долгую, почти безрадостную и чересчур аскетичную для маленькой девочки. Чеканные и сухие указания, неприветливые лица, идеально белые и вылизанные стены, стерильные коридоры и необжитые комнатушки, похожие на больничные палаты. Все было в точности так, как в приюте. А еще ее безумно раздражала местная и обязательная сменная одежда — какая-то постыдно-тонкая простынка, с трудом прикрывающая срам.

Увы, в силу профессии ей приходилось посещать цифраторий чаще, чем собственного парикмахера. Однако, несмотря на все «против», она всегда отдавала дань уважение великому человеку, придумавшему оттиск. И не представляла, как прежде работали копы, да еще и умудрялись распутывать какие-то дела. Без ожерелья пьюра, без возможности допрашивать мертвецов это казалось невозможным.

В цифратории ее уже знали, а она могла с закрытыми глазами отыскать комнату для свиданий. Когда посетители отсутствовали, ей даже не указывали, что и где делать. Ангелы просто лениво вели ее бесконечными коридорами, беззвучно покачивая золотыми нимбами. Но сегодня с ней рядом волочился еще один гость: красноволосая изможденная женщина невысокого роста с бледным и худым лицом. Поэтому постоянно звучали скупые ангельские приказы: «Следуйте за мной», «Пройдите», «Ожидайте».

В коридоре она пересеклась с невысоким взволнованным мужчиной. Незнакомец так неприкрыто и странно таращился на нее, что ей пришлось проверить простынку на своем теле. От

легкого возбуждения немного торчали соски, но фирменная рубашонка цифратория оставалась в целости и сохранности. Нигде не завернулась, не зияла дырами или прорехами.

Возможно, она его когда-то задерживала, — подумала Сара, когда лифт потащил ее вверх.

Она никогда не понимала, как и кто подбирает фон в комнате для свиданий: закат на золотисто-песчаном пляже, восход солнца над волнистым полем ржи, глубокий нетронутый снег, убегающий к высоким горам, пологий травянистый берег у зеркального озера или шумный водопад посреди осеннего леса. Ей думалось, что за годы работы она повидала их все. Но сегодня в комнате ее неожиданно встретили шаловливые смайлики — катались по воздуху и стенам желтыми колобками, прыгали мячиками, отскакивая от пола, дразнились, кривлялись, рыдали, разбрасывая крупные капли слез, и, конечно, безудержно гоготали.

Появившийся Гарри, всегда сосредоточенный, всегда внимательный и всегда как будто немножко сердитый из-за густых бровей и глубоких каналов морщин на лбу, выглядел среди них совершенно нелепо, как… гордый монумент из темного мрамора, засыпанный мандаринами. Одетый строго и во все черное, словно закутанный в густую тень, он тут же избавился от шумных озорных шариков и утопил комнату в сумерках. Над головой Сары распахнулось звездное небо с мерцающей долькой месяца, а у ног затрещал уютный костерок, постреливая искорками.

— Здравствуй, Сара, — сказал Гарри спокойно, без удивления, будто видел свою воспитанницу каждый день.

Сара тихонько вздохнула. Звуки его голоса тронули струнки застоялых воспоминаний, словно мелкий еж шевельнулся в груди. Стыдно признаться, но она все еще немного, самую малость побаивалась своего требовательного и порой жесткого воспитателя.

— Здравствуй, Гарри.

— Я знал, что ты когда-нибудь придешь. Вот так внезапно, спустя много-много лет.

Он смотрел на костер, на мерное колыхание язычков рыжеватого пламени.

— Да неужели?

Холодок давно выветрился, и она могла позволить себе дерзить и возмущаться, сколько угодно. Чувства набросились на нее всей стаей, заставляя вскипать кровь от обиды и раздражения. От всего на свете.

— Ты всегда была самой умной среди моих воспитанниц. И я

предвидел твое появление. Особенно после того, как тебя приняли в чистый корпус.

Гарри казался несокрушимой скалой — скалой, к которой злые ветра пригнали хрупкую снежинку по имени Сара. Дунь — и растает.

— Не буду ходить вокруг да около. Просто скажи. Дети войны. Мои родители. Это все ложь?!!

Он невозмутимо молчал, водя рукой над холодным пламенем, словно желая ощутить его полноценный жар. Выдержке Гарри можно было позавидовать, а Сара едва сдерживала себя от того, чтобы наброситься на него, полностью осознавая глупость этой выходки.

— Если ты пришла поговорить о приюте, то должен тебя огорчить. Я сохранил о нем только счастливые воспоминания.

— Почему?

Сара сжала кулаки, засопела, ее глаза сверкнули ярче звезд, ярче пламени.

— Наверное, не хотел с собой тащить на тот свет все его грязные тайны, — ответил Гарри.

И она сдалась, с криком и отчаянием заколотив по его оттиску. А он даже не отшатнулся, просто стоял и смотрел, как в его голограмме бесцельно мечутся горячие и злые кулачки. Она била и била воздух, до изнеможения, пока не устала. Ей стало так жарко, словно посреди комнаты развели реальный костер.

— Ты — сволочь, сволочь! — закричала она, отстраняясь от него на пару шагов. — Ненавижу! Ненавижу…

— Успокоилась?

Саре хотелось пожелать ему сдохнуть, но он и так был мертвее мертвого. Губы ее подрагивали, по щекам без остановки струились слезы.

— Жаль, что так вышло.

— Жаль? — Сара опять закипела. — Жаль? Тебе жаль?!! Я все равно доберусь до правды! — И в знак решимости она топнула ногой, словно капризная девчонка.

— А ты уверена, что хочешь ее знать? Правда бывает опасной. Иногда она даже убивает.

— Да пошел ты!

Она демонстративно повернулась и направилась к выходу, растирая слезы по щекам.

— Постой, не спеши.

Сара остановилась, но не обернулась. Подумала, что если снова увидит его бесчувственное лицо, его глухой гардероб — эту темную непроницаемую раковину, в которой он укрылся от всего мира, как моллюск, то опять взбесится.

— Мне кажется, одну лазейку я все-таки оставил.

— Слушаю.

— Ты же помнишь мою Джу?

— Еще бы я ее не помнила.

— Спроси у нее про подарок. Она знает, она поймет.

— И что мне с ним делать? Какую дверь он открывает?

— Не представляю. Просто знаю, что он очень важен. Для кого? Возможно, для тебя.

— Это все?

— К сожалению, больше мне нечем тебе помочь. Надеюсь, ты никогда не найдешь то, что ищешь, — произнес он таким тоном, словно к ее глотке уже приставили лезвие. — Прощай, Сара.

Гнев сползал с нее, но тяжело и неохотно, как толстая шкура со змея. Она безмолвно шагнула к двери и вышла в коридор, оказавшись под скользкими взглядами двух ангелов. Опустила влажные глаза: грудь просвечивала сквозь взмокшую не то от слез, не то от пота ткань. Плевать! Нужно разыскать Джу, забрать подарок, а затем отворить им неизвестную дверь.

* * *

Илона разъедал стыд. Путал мысли, горечью взвивался в груди, словно ядовитый вихрь.

Он сбежал… Трусливо сбежал от самого близкого человека. Как когда-то сбежал из Гринвуда, от… мамы, оставив ей лишь короткую и черствую записку на кухонном столе. Всю свою жизнь он от кого-то или чего-то бежал. От родных, от близких, от испытаний, от ответственности…

Глава 7. Пульс. Часть 3

Он ведь мог сделать Мэй предложение? Однако так и не решился, откладывая и откладывая его под разными предлогами. Конечно, она никогда даже не затевала разговор на эту тему — ни единого намека с ее стороны. Но, возможно, для нее это было не менее важно, чем для него стать советником. А теперь она… бесплотный цифровой дух, запертый в тесном коконе цифратории.

Но как?!! Как бы он сказал ей, что собственными руками убил Скара, который относился к ней как к своей дочери? Лишь от одной мысли об этом горло наглухо запечатывал сухой ком. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Теперь ему снова хотелось сбежать — только на сей раз от себя, от своих нестихающих мыслей. Куда-нибудь далеко-далеко, где можно не чувствовать ничего, — ни страха, ни стыда. Где можно ни о чем не сожалеть и ни о чем не грустить, отсечь одним махом жалость и совесть, как гангренозную кисть.

На мгновение Илону показалось, что по коридору цифратория бродит мертвая Джессика, и ему снова захотелось сбежать. Он обмер, но, внимательно присмотревшись, понял, что ему просто померещилось. В этот момент его словно окатили ведром студеной воды, приводя в чувство.

Хватит! Достаточно! Илон поклялся себе, что больше никогда ни от чего не побежит, как бы больно и страшно ему ни было. Сейчас он вернется в номер отеля, сомнет в кулаке упаковку успокоительных, а алкоголь выплеснет в раковину. Проспится, приведет себя в порядок и завтра вновь вернется в цифраторий, чтобы закончить разговор с Мэй.

Конечно, ночью к нему, как по расписанию, опять нагрянут мертвецы. Станут безмолвно бродить, медленно перебирая ногами, словно в киселе, противно скрипеть, как старые лестницы, и шептать непонятные слова, желая его напугать. Пусть приходят! Пусть выползают всей своей стаей! Он больше не будет их бояться. Бежать и прятаться от них. Он встретит их с улыбкой на лице и заглянет в пустые стекляшки глаз — своим мучительным кошмарам, своим страхам. Эта приятная мысль овладела им, затопила все его существо, словно перед ним распахнулись плотные шторы, впуская в темную и затхлую комнатушку его сознания свежий воздух и теплый солнечный свет.

Илон вдохнул полной грудью, покидая рукав цифратория. Нагретый летний воздух хлынул в легкие, на сердце как будто

потеплело. Скребущим душу кошкам подточили коготки, и мягкие подушечки розовых лапок теперь нежно касались его изнутри.

Он дышал и дышал — глубоко и спокойно, наполняя себя энергией чудесного дня. И никак не мог остановиться, подставляя лицо солнечным лучам и добродушно улыбаясь всем ангелам и посетителям. Ему вдруг захотелось подхватить на руки шедшую навстречу хмурую девочку, раскрутить ее каруселью, высоко подбросить и утонуть в водопаде радостного детского смеха. А потом обнять ее симпатичную и розовощекую маму. И он непременно сделал бы то, что задумывал, если бы женщина вовремя не вильнула в сторону, увлекая за собой девочку и ловко ускользая от его страстных объятий.

— Вам плохо? — беспокойно спросил охранник, идущий позади.

Илон выдохнул с наслаждением, словно заядлый курильщик облако дыма любимого табака, и ответил:

— Наоборот. Мне давно не было так хорошо. Возможно, никогда.

Однако, едва с него сняли ошейник, про который он успел забыть, поток радости иссяк, улетучился, исчез. Потому что Ма сообщила о пяти пропущенных вызовах. И все они были от… Инсты.

— Что случилось?!! — суетливо и тревожно спросил он, следуя за ангелами уже за воротами цифратория.

Молли… сегодня скончалась в больнице.

Илон остановился и прикрыл глаза, чувствуя, как по телу снова расползается холодная горькая тьма, которую он несколько минут назад торжественно изгнал.

— Что с вами? — спросил ангел.

Мир расплывался впереди. Илон махнул рукой и вновь зашагал в сторону посадочной площадки.

Сочувствую. Но, Илон… это еще не все. Мне кажется, Эдвард думает о том, чтобы покончить с собой.

— Почему? С чего ты решила?

Когда я уходила с работы, он… поехал в оружейный магазин. Вид у него был… Да и сам подумай, зачем ему еще оружие?

— Ты пыталась остановить его через Интел?

Конечно. Но ты сам знаешь, что она отвечает в таких случаях. Про полномочия, про свободных шэллов, про редактора и корректора.

— Ясно.

Что ты будешь делать?

— Что-нибудь придумаю.

Только, пожалуйста, не наделай глупостей.

— Удивлен, слышать такое от тебя, — грубо бросил он. — Прости.

Да ничего. Я понимаю.

— Если что, позаботься о Бро и Айзи. Они мне как родные. До связи.

Перед ним, словно желтое крыло огромной птицы, поднялась дверца аэротакси. Он торопливо заскочил в салон, ударившись головой, и раздраженно буркнул:

— В Цитадель… Тьфу, в Центр управления Шэлл Сити. Нет, стой! Сперва в отель… Нужно забрать кое-что. Ма, как он там назывался?..

* * *

Ломать голову над тем, как уберечь Эдварда от роковой ошибки, не пришлось. Еще там, на посадочной площадке у цифратория, Илон понял, как помочь политику из Шэлл Сити. Как помочь… другу, который даже не знал о его существовании, лишь иногда ощущая на себе божественную благодать.

Принципиальный ИИ наотрез отказался помогать Инсте, зал хаоса был заперт, да и редакторы уже давно сидели по домам, поэтому строчить сценарий спасения было незачем, его все равно прочли бы только завтра. А завтра… копилка ночных кошмаров, скорее всего, пополнилась бы новым мертвецом.

Обстоятельства оставляли лишь один выбор: вытащить Эдварда из-под купола.

Первым делом Илон заскочил в отель, чтобы забрать инвиз. Потом слетал в магазин — за маячком и снотворным для Эдварда, а также за новым грэйвхэдом для себя. Старый остался дома, куда возвращаться решительно не хотелось, а без этой бандуры вылетать за пределы города — все равно что сунуть голову в жаровню. Когда все необходимое оказалось на руках, он понесся в сторону Цитадели, сожалея о потраченном времени и продолжая обдумывать детали спасения.

Где вытащить Эдварда, он знал. Дом Скамов стоял в зеленке — полчаса езды до края мира. Как вытащить Эдварда без сценария и годтайма, тоже представлял. Отчасти потому, что часовой фьюжин с шэллом казался самым простым и действенным способом, отчасти потому, что иной альтернативы не существовало.

Самая неприятная закавыка крылась в природе самого Эдварда. Он был шэллом и всю свою жизнь дышал воздухом под

куполом, пил воду под куполом, ел пищу под куполом, и настоящий мир убил бы его, как пришельцев из «Войны миров». Нужно было достать вакцину, которую вкалывали шеллам в институте трансплантологии перед тем, как пустить их на органы. И не только достать, а успеть ее влить до того, как истечет время фьюжина.

По отдельности каждая часть плана выглядела вполне ничего. Но картина в целом вырисовывалась совершенно бесперспективной. Слишком много «но» и «если». При этом не стоило забывать и про всевидящую Интел, уж она-то непременно заинтересуется шеллом, решившим улизнуть из мирка под куполом. Что делать с ее зорким взглядом, Илон так и не придумал, но надеялся, что разберется на месте, когда окажется в Шэлл Сити, внутри тела Эдварда. В любом случае сперва было необходимо добыть вакцину, потому что без нее вся операция теряла смысл.

Когда аэрокар опустился неподалеку от института трансплантологии, Ма сообщила сразу о двух вызовах. Снова звонила Инста, а еще Брюс. Но Илон их проигнорировал, подозревая о причине настойчивых звонков. Очевидно, новость об убийстве Мэй начала мусолиться по новостным каналам, а у него не было ни малейшего желания говорить о ее смерти. Поэтому он отправил Ма в спячку, шагая в сторону мясокомбината, а именно так — и не без причины — митфаны называли институт трансплантологии, расположенный в тени купола.

Было жарко, на небе — ни облачка; ветер гонял запахи нагретых камней и металла. В голове двумя жирными шмелями гудели мысли: «Как заполучить вакцину? И где ее разместить, чтобы потом вколоть Эдварду?». Ответа не было ни на тот, ни на другой вопрос. К счастью, одного из мясников он неплохо знал, зависая вместе с ним и Ву в виаре.

Многочисленные институты, облепившие купол у основания, словно паразиты китовое брюхо, в юности всегда веселили Илона. Он мог часами рассматривать их, потому что среди них не было двух одинаковых. Каждое здание было уникальным и непременно на что-нибудь походило — на геометрическую фигуру, животное, тюбик зубной пасты или сэндвич. Мясокомбинат походил на гигантскую морскую звезду — невысокое и совсем небольшое, на фоне других институтов, здание с пятью рукавами, один из которых врезался прямо в купол.

Когда Илон вошел в здание, то узнал две новости. Хорошая состояла в том, что приятель по имени Феликс находился на месте. Плохая — он был занят, и его следовало подождать некоторое время.

Илон проторчал на проходной почти полчаса, придумывая мотив неожиданного визита и прикидывая место, куда положить вакцину, которую еще предстояло найти.

Феликс не скрывал своего удивления, но был настроен доброжелательно. От него несло медикаментами, а сам он выглядел уставшим, и потому казался старше своих двадцати шести лет; из широкого кармана пожамканного белого халата торчала прозрачная изогнутая трубка, покрытая изнутри густыми каплями сероватого цвета. С момента последней встречи он отпустил эспаньолку и перекрасил свои короткие волосы — с серебристо-розовых на ядовито-зеленый.

— Что-то случилось? — спросил он, пожимая руку.

— Да ничего, — улыбнулся Илон.

— Про Ву слышал?

— Конечно. Мы же с ним рядом в Цитадели сидели.

— Я вообще офигел, когда узнал. Три года… Как думаешь, откуда у него средства?

— Не знаю. Может, наследство получил или в лотерею выиграл.

— Везет же некоторым. Так чего ты пришел?

— Хочу, чтобы ты устроил мне небольшую экскурсию, а лучше большую.

— Зачем?

— Думаю, начать вести видеоблог. О Цитадели, о Шэлл Сити, об институтах, вот об этом всем. Так сказать, из первых рук.

— Илон — блогер, это что-то новенькое, — ехидно улыбнулся Феликс. — Ты же даже страничку толком в Инвайте не ведешь?

— Есть такое, — согласился Илон. — Ну так что — покажешь мне институт? За мной не заржавеет.

— Ты уже снимаешь?

— Пока нет.

— Как я выгляжу?

Илон поднял большой палец вверх.

— Щас, секунду… — Феликс пригладил волосы. — Кинь потом ссылку на видосик.

— Обязательно. Если получится что-то стоящее.

— Готово, пропуск я тебе выдал. Только халатик накинь.

Илон набросил на плечи халат и пошел вдоль хорошо освещенного коридора. Феликс начал свой рассказ, указывая рукой то влево, то вправо, то перед собой. Говорил он неспешно и монотонно, но подробно и со знанием дела. Про пункт выдачи, откуда органы шэллов развозились по больницам. Про морозилки, где бережно хранились эти органы. Про отдел консервации, в котором он и работал, запечатывая и сортируя

внутренности. Про температуру, экспертизы и обработку…

Илон немного успокоился, старался запомнить расположение всех входов и выходов, а тут их оказалось немало, и выжидал удачного момента, чтобы спросить про вакцину. Так, как бы невзначай, мимоходом, чтобы его новоиспеченный гид с отвратно-зелеными волосами ничего не заподозрил.

Феликс бубнил почти не умолкая. А Илону с каждой минутой становилось все противнее находиться в этих стенах. Страшно было признавать, что за каждым изъятым органом стоит чья-то смерть, мужчины, женщины или ребенка, чья-то поломанная судьба, чье-то горе, чьи-то молитвы к, хм… милосердной богине огня. И никто из шэллов даже не подозревал, что к их чудесному миру присосался, словно здоровенная пиявка, мясокомбинат, где несчастных людей из-под купола разделывали как скотину. Ради того, чтобы кто-нибудь из жителей Лост Арка на несколько лет продлил свою беспечную жизнь или просто не сдох от травмы или ранения.

Длинный коридор вывел их в просторный пятиугольный зал, и Илон, прикидывая, какая из дверей ведет к куполу, спросил:

— А откуда вы доставляете… мясо?

Феликс указал на дверь слева от себя.

— Да там ничего интересного. Склады и стены.

Илон со всей серьезностью посмотрел на него.

— Ты не понимаешь, я должен знать каждую мелочь. Хочу вместе с шэллом пройти весь путь от начала и до конца. Думаю, именно оттуда я и начну монтировать свой ролик. Это же круто? Разве нет? Уверен, что такой подход понравится моим будущим подписчикам.

— Ну, как скажешь, но я тебя предупредил…

Феликс ни капли не лукавил. Смотреть в новом коридоре действительно было не на что. Носилки-каталки для транспортировки шэллов да двери, ведущие в темные помещения, заваленные разным хламом: пластиковыми и металлическими контейнерами, диагностическими приборами, капельницами и прочим барахлом.

— Слышал, что недавно в институте транспорта и коммуникаций произошло? — спросил Феликс, серьезно прибавляя в шаге.

— Нет.

— У них из портала мертвец вывалился.

— В смысле — человек?

— Говорят, прямиком из Спэйс Нидл.

— Ого! — искренне поразился Илон. — Бывает же. Наверное, случайность.

— Приятель рассказал, что аж советники по такому случаю нагрянули. А пьюров было как мух.

Феликс еще ускорился, почти бежал, огибая каталки. Не то чтобы Илон был против — время работало против него. Но внезапная торопливость настораживала.

— Что с тобой? — прямо спросил он.

— Не люблю это место.

— Ой, — вдруг понял Илон. — Только не говори, что ты веришь во все эти байки про монстров и призраков.

— Если ты не в курсе, именно отсюда идет система подземных тоннелей, которая соединяет почти все институты.

— Бывал в них?

— Делать мне больше нечего, — не без страха проговорил Феликс.

Какое-то время шли молча, покуда впереди не замаячил вход в Шэлл Сити. На Феликсе лица не было, он стал дерганным и нервно мял ладони, словно замерзал. Но Илон все равно рискнул завести разговор:

— Я слышал, что мясу вкалывают что-то перед тем, как разделать. Ну чтобы они не окочурились раньше времени или вроде того.

— Система «Имун». Своего рода природный предохранитель. Ты в курсе, что ученые из Шэлл Индастриз намеренно наводнили купол особыми бактериями на случай, если вдруг шэллы вырвутся на свободу?

— Круто, — притворно удивился Илон.

— Предусмотрительно, — серьезно произнес Феликс.

Он остановился и покосился на стену. У самого входа в Шэлл Сити висел прозрачный контейнер, где стройными рядами, словно пулеметная лента, стояли шприцы. Острые игры, направленные в потолок, и жидкость, похожая на яблочный сок.

Илон чуть не подпрыгнул от радости, когда понял, что вопросы, которые терзали его все это время, разрешились сами собой и гораздо проще, чем он предполагал. Вакцина была найдена и преспокойно желтела на стене сразу перед входом в Шэлл Сити.

— Ну что — ты все заснял? — спросил Феликс, боязливо поглядывая на дверь в двух шагах от вакцины.

— Да, думаю, ролик получится отменный. Спасибо.

— С тебя причитается, — невесело пробубнил Феликс, провел пальцами по зеленой макушке и торопливо зашагал обратно.

Убедившись, что Феликс на него не смотрит, Илон спешно заложил маячок и пакетик со снотворным в щель между стеной и контейнером с вакциной, а затем быстро нагнал мясника. Часы

неотвратимо тикали, нужно было успеть заскочить в Эдварда и остановить его, пока он не вышиб себе мозги, как и его супруга.

* * *

Джу открыла дверь, облизывая шарик мороженого. Белые капли расплывались на скрученной в рожок вафле, неуверенно держались на большом пальце правой руки. Она осторожно сняла их губами и чистым взором темных раскосых глаза взглянула на гостью. Сара кожей чувствовала ее дыхание, пронизанное запахом молока.

— Привет, — сказала она сухо. — Я войду?

Глава 7. Пульс. Часть 4

Джу молча отошла в сторону, освобождая проход. Ее было не узнать. От бродяжки из подворотни, грязной и лохматой, с размазанными слезами по щекам, не осталось и следа. Похорошела, повеселела — расцвела. Пышные черные волосы ровными волнами плыли к плечам; тончайший голубой пеньюар придавал ей невинный, немного глуповатый вид.

Сара сбросила обувь и, озираясь, прошла в центр зала. Квартира была просторной, чистой и светлой, с бледно-бирюзовыми стенами, но выглядела совсем не обжитой и пустоватой, словно готовилась на продажу. Оно и понятно, если ты все время проводишь на космической станции. Пытливый взгляд пьюра так и не нашел ни милых фотографий, ни забавных безделушек. На то, что в квартире кто-то живет, указывала лишь примятая кровать, накрытая симпатичной простынкой с голубыми звездами, да пухлый темно-синий мешок-рюкзак в углу окна.

Продолжая сладко и безмолвно облизывать мороженое, Джу тоже вошла в зал и опустилась на кровать. Она никогда не была говорливой, будто слова доставляли ей боль. Но сегодня превзошла саму себя. Солнечные лучи золотыми иглами легко прошивали ткань ее воздушного пеньюара, и Сара видела, как под ним вздымается и опускается большая красивая грудь. Хозяйка как будто не замечала гостью, увлеченно покусывая свой холодный десерт.

Джу выглядела счастливой и здоровой, и справляться о ее самочувствии было бессмысленно. Однако затянувшееся молчание и игра в гляделки начали подбешивать Сару, и она решила перейти к делу, так и не дождавшись, когда Джу предложит ей куда-нибудь сесть.

— Гарри оставил тебе подарок. Покажи его мне.

Джу впервые отлипла от мороженого, удивленно заморгала, хлопая длинными закрученными ресницами.

— Ты с ним говорила?

— Только что, в цифратории.

Джу хоть и не имела семи пядей во лбу, но откровенной дурочкой ее тоже считать было нельзя, поэтому она моментально связала одно с другим. По ее некогда умиротворенно-равнодушному личику пробежала тень заинтересованности.

— Это как-то относится к тому, что случилось на станции?

— Не знаю. Возможно. Но думаю, это связано с приютом, в котором мы росли.

— Подержи.

Джу протянула ей мороженое, Сара с неохотой приняла липкий рожок, чувствуя, как холодеет ладонь, и осталась стоять посреди комнаты, словно пародия на статую свободы. В зале не было ни стула, ни кресла, а опускаться на чужую кровать, да еще и в уличной одежде, было, наверное, не очень прилично.

Милашка Джу прошлепала босыми, чуть кривоватыми и чуть пухленькими ножками до рюкзачка, осторожно, будто младенца, подняла его, немного повозилась с узлом и наконец извлекла крошечную прямоугольную шкатулку.

Сара с радостью поменяла тающее мороженое на резную коробочку. Подержала ее на ладони, прикидывая вес, поводила пальцами по канавкам узоров, оценивая мастерство резчика, и… открыла крышку, злобно фыркнув от разочарования.

Шкатулка была пуста. Стенки да дно, покрытое красным бархатом.

— Там ничего нет, — сказал она.

— Я знаю, — подтвердила Джу.

— А это точно он, тот подарок?

— Зачем мне тебя обманывать? Папа подарил мне шкатулку за три дня до смерти, будто чувствовал ее приближение.

Сара озадаченно глазела на шкатулку, вращая ее, словно кубик-рубик. Джу поднялась и сходила на кухню, где распрощалась с мороженым и взяла табурет. Нарочито громко опустила его перед гостьей — дескать, достала мозолить глаза, сядь уже наконец. После чего вновь села на кровать, по-деловому закинув ногу на ногу.

На табурете Сара почувствовала себе комфортнее, свободнее как-то, но все еще растерянно хлопала глазами, не понимая, какую дверь могла открыть пустая шкатулка. По словам Гарри, в ней скрывались все вселенские беды и проклятия, в реальности внутри не было ничего, даже пыли. Вставить ее, что ли, куда? Но где замочная скважина?..

Сара отцепила от шкатулки растерянный взгляд, обвела им стены, будто хотела прочесть на них ответ, вздохнула раздраженно и вновь уставилась на крошечный прямоугольник из дерева в своих руках.

— Он ничего не говорил? Может, намекал?

Джу покачала головой.

— Просто отдал мне шкатулку и сказал, чтобы я ее хранила.

Сара не верила, что Гарри решил ее разыграть. За все время в приюте она ни разу не встречала улыбки на его суровой, будто грубо вырубленной топором физии. А смех… Наверное, было проще услышать, как выводит серенады слон, чем дождаться смеха от строгого воспитателя.

— Ты ей сильно дорожишь? — спросила Сара, вновь откинув крышку.

— Ну… не знаю. Все-таки подарок, а их у меня немного, — Джу увела взгляд в сторону рюкзака. — А что ты хочешь сделать?

— Пока только вскрыть… — Она нащупала почти незаметный бугорок под бархатным покрытием… — дно. Мне кажется, там что-то есть. Вот, сама пощупай.

Джу сунула свои короткие пальчики в шкатулку, бережно коснулась бархата, провела по нему ногтями, оставив неглубокие следы, и пожала плечами, не найдя ничего необычного.

— Дай мне что-нибудь острое, — попросила Сара.

Джу суетливо сбегала на кухню, погремела посудой и вернулась с крошечным ножом для чистки овощей.

— Пойдет, — сказала Сара и кончиком блестящего лезвия сноровисто подцепила бархатное дно.

Прямоугольник красного бархата сидел совсем не крепко и отошел от шкатулки с первой попытки, обнажив свою сокровенную тайну. В дно шкатулки был утоплен крошечный, величиной с гранатовое зернышко глазок голографического проектора, окаймленным тонким колечком с прорезями.

Дик, записывай все, что сейчас будет происходить.

Как будет угодно.

Сара чувствовала, как к лицу приливает кровь от ядреной смеси удивления, страха и волнения. Она подняла глаза на ошарашенную Джу. Та даже не моргала и с преувеличенным любопытством заглядывала внутрь шкатулки, словно на ее дне хранился секрет вечной молодости.

— Ну… сейчас определенно должно что-то произойти, — произнесла Сара и, затаив дыхание, увлеченно повернула кольцо.

Будто кто-то щелкнул зажигалкой внутри шкатулки, и из нее невысоко брызнули синие, белые и красные лучи, стремительно рисуя в воздухе трехмерную схему какого-то массивного сооружения.

— Купол, — поняла Джу.

Сара кивнула. На мутноватой и трехцветной голограмме в самом деле вращался миниатюрный купол. И Цитадель, и институты, и… запутанные кишки тоннелей под ними. Весь Шэлл Интертаймент лежал как на ладони.

— Смотри, — Сара указала пальцем на мерцающую красную точку под Шэлл Сити.

В этот момент проекция пошла густой рябью, начала дергаться, словно ее пытались растянуть, и в конце концов благополучно угасла, все-таки успев показать путь. А Сара не сомневалась, что система тоннелей под куполом, ведущая к

красному пятну, — это был самый настоящий путь.

Дик, ты все записал?

До последней детали.

— Как думаешь, что там? — спросила Джу.

— Чтобы там ни было, скоро я это выясню.

— Мы выясним, — неожиданно бросила Джу.

— Послушай…

— Ничего я не буду слушать, — решительно возразила Джу. — Это был мой подарок и мой отец, между прочим. И я не меньше твоего хочу знать правду. Поэтому я полечу туда вместе с тобой.

Она демонстративно сбросила пеньюар прямо на пол и, оставшись в одних трусиках, направилась в сторону гардероба, чтобы одеться для полета в Шэлл Сити.

Сара смиренно вздохнула, разглядывая оголенную загорелую спину Джу. Обуза была ни к чему. Н, лишь благодаря этой взбалмошной и упрямой обузе ей удалось приблизиться к истине, и поэтому придется тащить ее с собой.

* * *

Фьюжинер, щупленькая и миловидная темнокожая девушка по имени Линда, встретила его на входе, идентифицировала, убедилась, что сеанс полностью оплачен, и неторопливо повела к месту спячки, откуда его сознание должно было нырнуть в голову бедного Эдварда. Если, конечно, тот еще не наложил на себя руки.

Фьюжин-центр ни капли не изменился. И все еще напоминал огромный, старый и темный кинотеатр, только без сцены и широкого экрана, но с удобными креслами, выставленными в тридцать рядов. Окна были плотно занавешены, а свет приглушен — так пассажиры якобы лучше себя чувствовали во время сеанса. Нельзя было сказать, что зал был забит до отказа, но и точно не пустовал, где-то две трети мест занимали посетители, полулежащие, почти неподвижные, спящие. Кто-то улыбался, кто-то грустил, а кто-то лежал с каменным лицом в своем странном сне.

Илон посещал фьюжин-центр однажды, несколько лет назад, когда подумывал прокатиться в теле какого-нибудь шэлловского политика. В то время как раз поставили первый трон, и уже можно было без манипуляций с корешком оказаться под куполом. Чуть дороже, но с теми же ощущениями. Однако он так и не рискнул. Не хотелось рвать свое сознание на части ради часового

аттракциона, да и в нейросе пошли разговоры о потери памяти, выгорании личности, которые, как обычно, оказались лишь слухами — бреднями, выдуманными то ли ради страшилок, то ли ради хохмы. А затем и желание нырнуть под купол как-то само собой погасло.

Но теперь его ничего не сдерживало от того, чтобы стать пассажиром. В конце концов он уже наврал пьюрам, закинулся запрещенными инжекторами и прикончил трех ублюдков в мертвом городе. По сравнению со всеми этими «подвигами» немного подремать на троне с инвизом в кармане — невинная развлекуха.

Тронов теперь было три штуки. Они стояли в отдалении от рядов, пустые и опутанные сетью черных проводов. Линда удивилась, когда узнала, что у Илона отсутствует модуль для обычного фьюжина, а потом удивилась снова, когда прочла в профиле, что он работает несколькими этажами выше и еще ни разу не выбирался под купол. Впрочем, вела она себя предельно корректно, не задавая лишних вопросов, на которые Илону абсолютно не хотелось отвечать. Особенно сейчас, когда жизнь Эдварда висела на волоске.

До трона оставалось не больше семи шагов, когда Илон краем глаза уловил знакомое лицо. Он остановился, чтобы присмотреться внимательнее. Так и есть: через два кресла от него мирно посапывал новенький хаосмастер. Дэн снес свою бесподобную башню с головы, и теперь медно-рыжие волосы беспорядочными и крупными завитками, словно языки пламени, расходились от самой макушки. Смотрелось проще, но все еще вызывающе, смешно и безвкусно.

Линда поманила его рукой, предлагая занять положенное пассажирское место. Илон поспешил и суетливо опустился, подивившись удобству. Отталкивающий вид трона оказался обманчивым. Илон буквально утонул в мягком покрытии, словно опустился на гору самого нежного пуха.

— Вам удобно? — спросила Линда.

— Вы еще спрашиваете, — улыбнулся он.

— Положите руки на подлокотники и откиньте голову.

Илон выполнил наставления и замер в ожидании самого грандиозного путешествия в своей жизни, предварительно щелкнув в кармане инвизом, — на тот случай, если Интел вдруг начнет его искать среди пассажиров и попытается отключить. Особой надежды на вибрирующую пуговку не было, так, для спокойствия.

— Во время поездки вы можете чувствовать небольшой дискомфорт. Это совершенно нормально для первого раза.

Головокружение, тошнота, потеря ориентации, атаксия…

— Это еще что?

Не то, чтобы Илон боялся поездки. Но все-таки ехал не на прогулку, а вытаскивать шэлла из-под купола, нарушая все мыслимые законы, и хотел в точности знать, что ждет его впереди.

— Утрата равновесия, — пояснила Линда. — Не волнуйтесь, быстро пройдет. Немного постойте на месте, а еще лучше обопритесь на что-то или присядьте. Подышите немного. Вы готовы?

Илон уверенно покивал.

— Прекрасно. А теперь расслабьтесь и закройте глаза.

Илон смежил веки, ощутил, как что-то царапнуло затылок, и помчался на встречу к Эдварду.

Невидимый поезд, казалось, несется со скоростью света, размазывая тонким слоем сознание по неясным разноцветным путям. От чудовищной перегрузки перехватывало дух, сердце уходило в пятки, и нестерпимо хотелось отлить. Его словно спустили с самой крутой и высокой горки на свете.

Через несколько секунд калейдоскоп тоннеля неистово закружился, сузился, покрываясь густой чернотой, и наконец оборвался, резко и грубо выталкивая пассажира в плывущую, как мираж, комнату.

Внутри нарастал необъяснимый и пугающий рокот. Илону казалось, что его натурально душат, легкие превратились в два тяжелых перевязанных мешка, которые тянули вниз. В ушах оглушительно пульсировала кровь; перед глазами раскачивались стены, вспыхивали сияющими кляксами и убегали в темноту; он с трудом пробил ком в горле, захрипел, вздохнул, все еще сгорая от удушья, и тут его бросило в сторону, словно кто-то грубо дернул за руку. Он не устоял и шлепнулся с размаху. Желудок выписал сумасшедший кульбит, сдержать его не удалось, и Илона стошнило.

Однако… сразу сделалось легче, будто ушедшая тошнота забрала все другие муки. Взгляд прояснился, воздух спокойно заструился в легкие, а с тела слезла невыносимая тяжесть. Что там говорила Линда?.. Подышать и постоять на месте.

Илон немного полежал на полу, собирая разорванные безумной поездкой мысли, успокоился и неуклюже поднялся. Чужие ноги слегка сводило судорогой, незнакомые пыльцы неловко сгибались. Он попрыгал на месте, помахал руками, покрутил головой и глубоко-глубоко вдохнул.

Мозг паниковал. Все еще не мог сообразить, что происходит, привыкая к новой оболочке, сопоставляя старые привычные

ощущения и совсем не знакомые. Илон чувствовал себя высоким и толстым. Чувствовал себя… Эдвардом.

Ву однажды сказал ему, что фьюжин — это как виар на стероидах. Чушь собачья! Ставить рядом виар и фьюжин — это как сравнивать неспешную поездку на телеге и стремительный полет на аэрокаре.

Илон отер рукавом лицо, к своему удивлению обнаружив на нем густые усы с бородой, и огляделся. На оболочке были черные туфли, темные, немного жавшие брюки и голубая мятая рубашка, расстегнутая на груди.

Он находился в той самой спальне, где часто отдыхал Эдвард, посиживая в тихом полумраке и медленно, со смаком потягивая холодный лимонад. Сейчас шторы не заслоняли свет, и можно было разглядеть любимое место уединения Скама в подробностях. На круглом столике у окна белела недописанная предсмертная записка, шариковая ручка валялась на полу, рядом с ней блестел серебристый увесистый револьвер.

Илон поднял его, покрутил на пальце. Отголосок боевых стимуляторов пробился даже сюда, под купол: Смит и Вессон калибра десять и девять миллиметров, шесть патронов в барабане. Мощная штука. Если поставить к виску и спустить курок, результат гарантирован: черепушку придется собирать по всей комнате.

Незаконченная записка, револьвер и ручка на полу — очевидно, он застал Эдварда за пару минут до трагедии. В приоткрытое окно задувал слабый ветерок, тревожа белый лист бумаги. Илон придавил его указательным пальцем и прочел: «Сперва Джессика и Пол, а теперь вот Молли. Я так больше не могу…»

На сердце накатилась тяжесть. Илон вновь попрыгал на месте, размял пальцы, напряженно прислушался к себе…

Пора. Оболочка Эдварда подчинялась ему, как собственное тело, в голове перестало шуметь, дышалось свободно и ровно. Оставалось выйти во двор, найти транспорт и через зеленые кукурузные поля добраться до края мира, чтобы проклятый Шэлл Сити, город боли и слез, навсегда отошел в прошлое.

Чужие ноги умело совершили первый шаг в сторону коридора, когда снаружи противно и надрывно взвизгнул гудок. Илон спешно сбежал вниз, ругнувшись на обретенный жирок, пригнулся, достал пистолет и осторожно подобрался к окну, чтобы увидеть, кого принесло к опустевшему дому Скамов.

Пикап, груженный облезлыми грязно-красными канистрами, остывал у самой калитки. Из него вышел здоровенный рыжебородый детина, одетый в синие джинсы и пеструю

футболку. Руки от запястий до плеч — в красочных татухах, на глазах — темные очки, на лбу черно-белая бандана. Подозрительный незнакомец снял очки, не спеша раскурил сигару, пустил погулять по воздух несколько облачков дыма и, выдернув канистру из кузова, уверенно направился к дому.

Глава 7. Пульс. Часть 5

Илон не верил в такую удачу. Его будущую машину подогнали прямо к дому, а ему навстречу вальяжно шел психопат Дэн, которого в этот раз некому было защитить от хорошей взбучки. В том, что в его сторону шагал именно новый хаосмастер, Илон ни секунды не сомневался. Кто еще в здравом уме решит сжечь дом одинокого и несчастного Эдварда на окраине Шэлл Сити, кроме этого злопамятного урода?

Илон прокрался в прихожую, чтобы не спугнуть Дэна раньше времени, подождал секунд десять и с ухмылкой на лице распахнул входную дверь, застав хаосмастера врасплох в двух шагах от порога.

Увидев здоровенное дуло, направленное в грудь, Дэн оторопело попятился и выронил сигару изо рта. Следом на лужайку упала и канистра. Он хотел дать деру, но Илон без капли сожаления вдавил спусковой крючок. Раздался выстрел, и Дэн взвыл от боли, хватаясь за простреленную ногу. Однако, к удивлению Илона, все равно упорно пополз к машине, пятная траву свежей кровью.

Пули теперь всегда попадали в цель, их словно направляли невидимые руки. Но Илон рассудил, что казнить этого психа прицельным выстрелом в голову или сердце было бы слишком гуманно, скучно и совершенно не педагогично. Он не успеет ничего ощутить и понять, спокойно вернется во фьюжин-центр, а потом, как ни в чем не бывало, выйдет на работу, чтобы вновь сеять огненный хаос в Шэлл Сити. Издеваться, калечить и убивать.

Под несмолкающие стоны Илон вновь направил револьвер на оболочку Дэна и с прежним равнодушием прострелил ему другую ногу. Пуля раздробило колено, и новичок завопил так, что, казалось, в окнах потрескаются стекла. Он корчился на траве, пуская сопли и слюни, надувая ноздрями забавные маленькие пузырьки, но больше не пытался уползти.

Илон прислушался к себе: ничего. Жалость затаилась, спряталась, не издавая ни звука. Поэтому он без тени сомнения подобрал тлеющую сигару, раскурил ее, чтобы она не угасла, и поднял канистру, от которой резко пахло бензином.

— Нет, нет, пожалуйста! — сквозь всхлипы заверещал Дэн, угадав следующий шаг своего внезапного палача.

Илон лишь зловеще улыбнулся в ответ, сбил крышку с канистры и занес ее над хаосмастером.

— Любишь играть с огнем, ты — шизоидный кусок дерьма!

С этими словами Илон опрокинул канистру и, не замечая жалостливых стонов, выплеснул все до капли. После чего бросил сигару, ухватил взглядом бегущую по траве огненную волну и направился к машине, слушая, как за спиной в предсмертной агонии орет хаосмастер, сгорая в своей любимой стихии.

Ветерок шелестел листвой и доносил запах гари. Дэн уже не кричал, когда Илон забирался в салон машины.

Он никогда не водил такие автомобили в реальности, только гонял на похожих в виаре и надеялся, что ему это поможет. Ключ зажигания, рычаг коробки передач с круглым набалдашником, большой руль и три педали — газ, сцепление и тормоз. Все казалось простым и знакомым. Однако на деле пришлось немного повозиться, прежде чем старый жеребец худо-бедно стал подчиниться командам.

Машина дернулась и рывками, неуверенно покатилась, переваливаясь с боку на бок. Как только Илон привык к управлению, то прибавил газу и, проскочив между двух развесистых деревьев, нырнул в кукурузное поле.

Впереди высились горы, над которым горел желтый блин солнца, под колесами хрустели зеленые стебли, а в окна настойчиво стучали кукурузные початки. Теперь следовало только ровно держать руль, гнать во весь опор и молиться, что не истечет время фьюжина.

Поле он миновал без происшествий, пару раз пикап подскочил, налетев на что-то, пару раз вильнул по размазанным кукурузным зарослям. Ничего серьезного. Другое дело мысли — они как с цепи сорвались, втирая соль в раны.

Остановись! Что ты делаешь? Ты еще можешь повернуть. У тебя еще есть время одуматься. Эдвард — всего лишь мясо. Ты ведь должен противостоять митфанам, а не становится ими. Тебя вышвырнут из Цитадели, как только узнают, что ты натворил. Ну хорошо, ты его спасешь, а дальше? Как ты ему объяснишь, что с ним произошло? Или опять трусливо сбежишь, как сегодня сбежал от Мэй? И откуда ты знаешь, что он снова не попытается свести счеты с жизнью после того, как ему откроется правда? Илону казалось, что он угодил в эпицентр инфошторма.

Он слышал голоса, но не прислушивался к ним, то и дело разгоняя, как стаю крикливых чаек. О том, что делать с Эдвардом, он подумает позже, а пока надо найти вход. Он тут, совсем недалеко.

В высокой траве стрекотали кузнечики, в душном воздухе пищали москиты. Несмотря на вопли и мольбы в голове, Илон уверенно подошел к подножью горы, отыскивая поросший валун в полтора человеческих роста. Месяц назад во время годтайма ему

удалось подглядеть за работой мясников, которые именно в этом месте выгрузили двух молодых спящих женщин, чтобы переправить их в институт трансплантологии. Тогда он впервые и узнал, как и где шэллов доставляют в Лост Арк. А еще запомнил код, отпирающий электронный замок. И теперь надеялся, что его не сменили.

Валун, наполовину утопленный в поверхность горы, оказался чуть дальше, чем он ожидал. Пришлось совершить недолгую пробежку, но даже она заставила запыхаться полноватую оболочку. Кодовый замок по понятным причинам был спрятан от чужих глаз и появлялся только после каких-то манипуляций — прямо как в старых фильмах про поиски сокровищ. Взгляд сразу зацепился за каменную шишку в двух дюймах от того места, где должен был торчать замок.

Недолго думая, Илон обхватил ее и провернул до упора, поблагодарив старых проектировщиков за такую несложную головоломку. Если бы купол воздвигали сейчас, да еще и под руководством Интел, он бы никогда отсюда не выбрался. А теперь все больше верил в успех, наблюдая, как отползает серая, каменистая, прочная на вид крышка, до последнего момента прятавшая панельку замка.

Чужой пухлый указательный палец ткнул четыре цифры, и Илон ощутил легкую вибрацию. Под ним подрагивала земля, а слева от валуна медленно и с шорохом расходились широкие створки люка, освобождая переход. Пока все шло хорошо, просто отлично. Ноги сами понесли его к провалу в земле, но пришлось их остановить, чтобы замести следы.

Из тоннеля Илон посмотрел вверх, на квадрат голубого неба, потом бросил взгляд на стену, где торчали круглые и выпуклые кнопки, одна зеленая, другая красная. Техника на грани фантастики, не поверил Илон. Настоящий музейный экспонат. С другой стороны, зачем чинить то, что исправно работает? Люк открывается и закрывается, побегов нет.

От волнения Илон взмок. Ему до сих пор не верилось в то, что он смог зайти так далеко. Он постоял полминуты, утихомиривая дыхание и утирая пот с лица, а потом спокойно нажал на красную кнопку.

Створки люка с уже знакомым шорохом поползли навстречу друг друга, отсекая Шэлл Сити от Лост Арка. Илон не стал дожидаться, пока люк полностью закроется, развернулся и пошел вперед. Даже если дальше пойдет что-то не так, он не сможет упрекнуть себя в том, что не пытался помочь Эдварду.

По ощущениям, тоннель быстрым шагом, иногда переходящим в бег, он преодолел минут за десять. Переход,

проброшенный между Шэлл Сити и Лост Арком, был просторен, пуст и хорошо освещен, однако все равно отнял драгоценное время. Ма сильно не хватало. Будь она рядом, сейчас бы точно сообщила, сколько он еще может шалить в чужом теле. Но чутье подсказывало, что пять-десять минут в запасе у него еще есть.

Стоя у двери, ведущей на мясокомбинат, Илон прислушался. За дверью было тихо, и он рискнул шагнуть к ней, чтобы она открылась. В коридоре, к счастью, не было ни души. Поэтому он смело подскочил к футляру с вакциной, откинул крышку и, выдернув шприц с мутно-янтарной жидкостью, тотчас вколол себе в плечо, порадовавшись тому, что как минимум спасенный Эдвард не погибнет от чужеродных бактерий.

То ли от препарата, то ли от напряга Илон немного растерялся, но быстро восстановил цепочку последующих действий.

Первое — усыпить его, то есть себя, ненадолго.

Второе — пометить для страховки.

Третье… спрятать на время от глаз мясников.

Он спешно достал припасенные маячок и пакетик со снотворным, сунул маяк в задний карман брюк, а порошок высыпал на язык, пожевал и сглотнул. После чего забежал в тесное складское помещение, от вида которого у Феликса кровь стыла в жилах, закрыл дверь, завалил ее разным хламом — тем, что попалось под руку, сел на пол и прислонился спиной к стене, ожидая пробуждения.

Противные мысли, преследующие его весь путь от дома Скамов до мясокомбината, словно смирились и перестали галдеть. Илон удовлетворенно улыбнулся в темноте, чувствуя, как на него наваливается приятная усталость, какая обычно появляется после тяжелой, но плодотворной работы.

Он успел. Он сумел. Он…

* * *

Эдвард судорожно глотнул воздух. Потряс тяжелой, как гиря, головой, не понимая, где он и куда попал. Последнее воспоминание: слезы на глазах, он горбится за столом, стискивая влажными ледяными пальцами шариковую ручку. А дальше — обрыв, провал, мрак, пустота. Неужели именно так выглядит смерть? Или так выглядит смерть, когда ты своими руками выбиваешь из себя жизнь? Что ж — справедливо. Но он не помнил, как держал пистолет у виска и как спустил роковой курок. Тогда… СИПРО? Конечно, СИПРО. Ах, Джесс…

Паники, как ни странно, не было. Была только легкая растерянность, возможно, потому, что неистово подступала дрема. Пахло странно, незнакомо. Он пошарил сонным взглядом, едва удерживая свинцовые веки. Прищурился, потом широко раскрыл глаза, поморгал, стараясь согнать странную пелену, и все еще ничего не разглядел. На нос словно посадили чужие толстые очки, которые жестко баламутили мир.

Его окружала водянистая и тихая тьма. Навалившийся сон мягкими, но надежными путами вязал по рукам и ногам. Откуда-то едва заметно тянуло прохладой и сыростью, словно из погреба. Он повернул голову и — о чудо! — увидел далеко внизу неясное и светлое пятно, как будто кто-то светил фонариком сквозь толщу воды с глубокого дна.

Подняться не было никаких сил, усталость моментально сшибала с ног. И тогда Эдвард пополз, ощущая животом жесткие и острые ребра ступенек, уходящих к мерцающему маяку. Однако решил не спешить. Потому что ясно понимал, что, если вдруг сорвется… Лестница круто брала вниз, а ступеньки были не шире его ладони, и загреметь отсюда было проще простого.

Словно грузная и неуклюжая гусеница, он медленно, с короткими передышками сползал к свету, не понимая, зачем это делает. Ведь разве не он недавно обзавелся револьвером и корябал предсмертную записку у открытого окна своей спальни? А теперь вот, пожалуйста, перебирает животом края ступенек, чтобы выбраться непонятно откуда. На последних ступеньках он все же замешкался, задумался и, потеряв равновесие, с криком ухнулся вниз. Но, к счастью, ничего не сломал, а только отбил руку и больно ударился ребрами.

Глаза по непонятной причине все еще его подводили, словно на них лежала жирная пленка. Однако в общих чертах Эдвард мог описать место, куда долго полз, а потом бухнулся, пересчитав твердые ступеньки. Это был очень длинный коридор или тоннель, скромно освещенный, с высоким плоским потолком и серыми ровными стенами. Он нигде не заметил лампочек или плафонов, но, похоже, свет все-таки падал сверху.

Шэлла, да где он, в конце-то концов?!! Эдвард перевалился с бока на живот, запыхтел и, крякнув от усилия, встал на четвереньки. Под ладонями ощущался гладкий, как кафельная плитка, и веющий приятным холодком пол. Шлепая ладонями и перебирая коленями, он прополз футов двести, остановился, чтобы отдышаться. И ощутил робкую, едва уловимую силу в ногах. Если приподняться и опереться о стену, то, должно быть, он сможет идти. Пусть не спеша и с опорой, но так лучше, чем унизительно ползать на карачках, протирая неизвестный пол

своими ладонями.

Не без труда и не с первой попытки Эдвард забрался по стене. Немного постоял, слушая беспокойное дыхание, и посмотрел вперед. Видеть он определенно стал лучше, чем несколько минут назад. Мир перестал оплывать, как восковая свеча, и растягиваться, будто широкое резиновое полотно. Пока зрение полностью не вернулось, но он разглядел, что таинственный тоннель, проложенные неизвестно где, возможно, за гранью жизни, вдалеке разбегался тремя рукавами, и в каждом из них было темнее, чем здесь.

До развилки он дошел, почти не касаясь спасительной стены. И застыл, ощущая режущую боль в боку. Возможно, падение с лестницы обошлось дороже, чем он сперва подумал. Чувства возвращались и обострялись, заставляя ловить каждый шорох и ежиться от ушибов. Сердечко начинало беспокойно постукивать, появилась отдышка.

Все те же гладкие стены, все те же плоские потолки. Эдвард заглянул в каждый из трех проходов, совершенно не представляя, куда топать дальше. Да и нужно ли вообще топать? Джесс погибла. И Пол, и Молли. А без них… Он тоже по сути был мертв. Просто зачем-то все еще дышал, а не валялся с простреленной головой в своей уютной спальне…

Новые тоннели были одинаково мрачными. Ему лишь показалось, что правый был чуть светлее других, и он шагнул в него, ныряя в неизвестность. Терять ему все равно было нечего.

* * *

Прыжок в родное тело прошел проще, чем в чужую оболочку. И, как показалось, значительно резвее. Словно кто-то обязал его тросом и дернул со всей дури назад.

Слегка кружилась голова, но тело не плющило и не выворачивало наизнанку, да и перед глазами ничего не плыло и не скакало, а простирался фьюжин-центр, спящий и погруженный в привычный полумрак.

— С возвращением, — с улыбкой сказала Линда. — Вам понравилось путешествие?

— Просто огонь! — буркнул Илон и, вскочив с кресла, как ошпаренный, понесся к выходу, чувствуя спиной удивленный взгляд фьюжинера.

Интел вроде ничего не пронюхала. По крайней мере, Илон не заметил в зале фигуры, затянутые в голубую форму. Возможно, помог чудесный инвиз. Возможно, просто повезло. Но

расслабляться было рано. Пьюры могли просто не успеть добраться до Цитадели или уже летели на лифте, которого он сейчас дожидался вместе с тремя другими пассажирами.

Ма, ты отслеживаешь сигнал маячка, который я сегодня купил?

Да, Илон. Пять минут назад он начал двигаться. Хочу сообщить, что сигнал слабеет.

Движется? Куда?

В сторону от института трансплантологии.

— Скотство!

Перед ним разошлись створки лифта, и Илон первым ломанулся в него, не обращая внимания на встревоженных пассажиров.

— Ну давай же!

Будто услышав его возглас, лифт сомкнул дверцы и покатился вниз. Илон всегда восхищался его скоростью. И даже считал, что это самый скоростной лифт, на которых он когда-либо катался. Но сейчас кабина лифта словно специально опускалась медленнее обычного.

Почему сигнал слабеет?

Не могу назвать причину.

Есть предположение?

Думаю, из-за того, что объект находится под землей.

Что? Ты уверена?

В одном из тоннелей под Шэлл Сити. Если бы ты следовал моим рекомендациям и установил навигационный модуль, я бы могла вывести карту, но…

Спи!

Лифт наконец-то остановился, и Илон, грубо растолкав пассажиров, бросился в сторону посадочной площадки. Кто-то выругался ему в спину, окрикнул, но он даже не обернулся.

Проклятье! Он без проблем проник на мясокомбинат, легко обвел вокруг пальца Феликса, выдернул шэлла из-под купола и даже попутно проучил этого урода Дэна. А теперь обделался на ровном месте, видимо, не рассчитав дозу снотворного. Эдвард — тот еще кабан. Надо было засыпать в него две порции. Но какого черта он поперся в тоннели?.. Илон не знал, нервно высматривая среди машин желтый аэрокар.

Глава 7. Пульс. Часть 6

Есть! Вон там! Блуждающий взгляд ухватился за такси. Он, возможно, еще успеет спасти Эдварда, пока тот не натворил глупостей. Или его банально не сцапали. Похерить всю операцию именно сейчас было бы крайне обидно. Уж лучше бы Интел обезвредила его под куполом, когда он щелкал кнопками на кодовом замке.

В трех шагах от такси он уловил движение, чью-то шевельнувшуюся тень, легкое колебание воздуха — внезапную опасность. И увернулся, уходя от подлой атаки. Бита прогудела в дюйме от плеча и качнулся обратно, чтобы нанести новый удар. Но ловкая ладонь без труда остановили ее, словно надувную колотушку.

Илон встретил взгляд разъяренного Дэна, который надулся и покраснел от безуспешной попытки вырвать свое убойное оружие. Захват, болевой прием, вывернутая со смачным хрустом рука, поросячий визг, перехваченная бита и крепкий прямой удар кулаком прямо в морду.

Схватка закончилась быстрее, чем Илон успел сообразить, что произошло. Дэн с разбитым лицом рухнул без сознания между машинами, а Илон отбросил биту и, потирая костяшки пальцев, заскочил в такси.

— В институт трансплантологии! — рявкнул он, наблюдая, как опускается дверца.

* * *

Эдварду начинало казаться, что он бродит кругами. Место, где он очутился каким-то мистическим образом, оказалось настоящим лабиринтом. Мрачные тоннели перетекали в светлые и обратно. Где-то они ветвились на два или три новых. И так до бесконечности. Сперва он присматривался к ним, выбирал, пойти налево, прямо или направо. Но в итоге махнул рукой и теперь просто шел, куда глаза глядят.

Он запыхался, боль в боку разрасталась, было тяжко идти. Много раз он останавливался, чтобы перевести дух, раз за разом возвращаясь к мысли о том, что его все-таки настигла смерть. И теперь не он, а лишь его проклятая душа слоняется по пустынному лабиринту и, быть может, будет слоняться здесь вечность. В наказание за то, что он совершил там, в своей спальне, у приоткрытого окна.

Тоннели то поднимались, то уходили вниз, то плавно, почти незаметно поворачивали, то резко изгибались. Однако, чем дальше он шел, тем запущеннее и темнее они становились; через некоторые приходилось пробираться буквально на ощупь, высматривая свет впереди. Он кричал в пустоту, звал на помощь и все время пытался уловить хоть какой-нибудь звук или отзвук. Но слышал лишь собственные шаги. А если замирал, то не слышал вообще ничего.

От отчаяния Эдвард уже подумывал вернуться назад, к самому началу, но понял, что просто не найдет обратной дороги. Поэтому вновь поплелся вперед, окруженный тьмой очередного тоннеля.

Боль настигла его прямо во мраке, словно под ребра загнали толстую иглу. Пришлось остановиться. Пришлось сесть, прислонившись спиной к стене, чтобы сделалось легче. Темноты он никогда не боялся, а теперь не страшился и смерти, поэтому ему было все равно, где сделать вынужденный привал, — хоть в пасти у демона.

По спине почему-то бегала странная мягкая дрожь, как если бы на нее сыпали тонкие струйки песка. Эдвард отстранился от стены, и дрожь тут же сгинула. Что-то было за стеной, и он вновь прильнул к ней, понимая, что это никакая не дрожь, а мелкая, почти незаметная вибрация, идущая из-за преграды, за которой словно стучал огромный мощный мотор.

— Эй, здесь есть кто-нибудь?!! — без надежды крикнул он в темноту.

И в пяти шагах от него, как по волшебству, сквозь бесшумно открытую дверь пролился яркий белый свет, размывая густой морок. Таинственный пролом в стене вспыхнул так неожиданно, что Эдвард оцепенел, беззвучно шевеля губами.

Возможно, он еще долго таращился бы на таинственную и единственную дверь во всем этом проклятом лабиринте, если бы его, словно молотом со всей дури, не огрела одна беспокойная мысль: «А вдруг закроется?!!».

Эдвард подскочил и, плюнув на больной бок, ринулся к источнику света, опасаясь, что он может угаснуть. В любой иной ситуации он бы поостерегся заглядывать вот так — безрассудно, сломя голову. Но сейчас таинственные врата, отозвавшиеся на его отчаянный зов, будили в нем лишь детское любопытство, а отнюдь не страх.

Глаза у Эдварда полезли на лоб. Он опять остолбенел, все еще не веря в то, что хватал, щупал его изумленный взгляд. Так и застыл на пороге — скованный фантастическим видом, не в силах сделать и полшага. Потому что там, за дверью, скрывался

удивительный мир, запертый внутри просторного круглого зала. В этом мире по воздуху летали черные железные осьминоги размером с футбольный мяч, в сферическом камине ревело голубое пламя, а единственный житель имел четыре руки, покрытые сребристым металлом, и… пульсировал, словно огромный динамик, пропускающий звуки.

Хозяин бело-голубого мира радушно улыбнулся, поманил одной из своих четырех рук и сказал:

— Добров пожаловать, Эдвард.

— Вы-вы… — он переступил порог. — Вы знаете, как меня зовут?

За его спиной словно пролетел ветерок. Эдвард обернулся, и обнаружил, что на том месте, где еще секунду назад был проход, теперь белела непроницаемая стена.

Незнакомец вдруг усмехнулся — тихо, тепло, по-доброму.

— После всего того, что с тобой произошло, тебя только это удивляет?

— Я… умер?

Незнакомец опять усмехнулся, словно отец, услышавший глупый вопрос от своего несмышленого малыша.

— Умер? Нет. Твой путь только начинается.

Перед вытаращенными глазами Эдварда проплыл механический осьминог, весело шевеля щупальцами.

— Где я?

— За краем Шэлл Сити.

— Но ведь там только холодная бездна, — с умным видом возразил Эдвард, пылко и страстно разглядывая невероятного собеседника.

Тот не стал оспаривать очевидный факт, загадочно замолчал, словно давая время изучить свое пульсирующее тело. Впрочем, Эдвард решил не настаивать на ответе. Каждому известно, что за краем мира ничего нет, кроме непроглядной тьмы и убийственного холода.

К голове незнакомца плотно прилегал серебристо-голубой шлем, поверх которого как будто пытались натянуть высокую корону, но ее тонкий обруч не выдержал — прогнулся и лопнул в нескольких местах, уродливо застыв на шлеме.

Края странного шлема так далеко выступали вперед, что заслоняли часть лица. Но Эдвард заметил и редкую, седеющую щетинку, и большие серые глаза, и волнистые морщинки над густыми бровями. Он бы дал незнакомцу лет шестьдесят, может, чуть больше. Шлем, безусловно, был нелеп, но, в отличие от тела, в отличие от четырех рук, не пульсировал вместе со своим владельцем.

— Кто вы?

— Ты ведь знаешь ответ.

Незнакомец шевельнул сразу четырьмя руками, и Эдвард ахнул, потому что все конечности от движения как будто рассыпались, обращаясь густыми пыльными облаками, где лишь отдаленно угадывались очертания человеческих рук.

Ты ведь знаешь ответ, — настойчивым эхом пронеслось в голове Эдварда, и где-то в потемках разума дернулась тревожная мысль. Четыре руки, рога на голове, всегда неясное, словно окутанное дымом, тело…

— Рохи, — произнес Эдвард, и его нисколько не испугал ответ, ни один нерв не дрогнул от осознания того, что он стоит напротив древнего зловещего божества. Потому что древнее зловещее божество, которое якобы чинило козни по всему Шэлл Сити и которым матери иногда стращали непослушных детишек, не изучало ни капли угрозы или враждебности. — В газетах вас несколько по-другому изображают, — добавил он и тихонько простонал.

В его пылающем боку опять шевельнулась острая игла.

— Присядь, — предложил Рохи.

Эдвард не стал возражать и, доковыляв до беленькой откидной скамьи, опустился на нее с облегченным вздохом.

Впервые с момента встречи Рохи сделал шаг, и все его тело, будто рой встревоженных насекомых, пришло в движение, оголяя… металлический скелет. Эдвард следил за перемещением божества, как завороженный. Рохи склонился над ним и провел ладонью нижней правой руки.

— У тебя сильный ушиб и трещина в ребре, — сказал он, словно просветил его рентгеном. — Ничего, мои малыши тебе помогут. Не бойся.

На кончике пульсирующего указательного пальца завертелся мелкий вихрь. Он вытянулся тонким веретеном и, достигнув ребер, растекся мелкой лужицей. Эдвард ощутил приятный холодок, и боль сразу притупилась.

— Как я здесь оказался? И что вы от меня хотите?

— Еще не время. Надо дождаться остальных, — спокойно ответил Рохи. — Отдыхай, спи, — посоветовал он и шевельнул пальцами, словно провел по струнам невидимой арфы.

Эдвард было открыл рот, но почему-то забыл то, о чем хотел спросить. Вдруг потяжелевшие веки сомкнулись на его удивленных глазах, и он против воли провалился в сон.

* * *

Илон давно знал о системе подземных тоннелей, проложенных под Шэлл Сити. Но не мог и вообразить, насколько они грандиозны, протяженны и запутанны. Заплутать в них было не сложнее, чем в непролазном лесу. Глупые, детские страхи Феликса, заставляющие мясника бледнеть у входа в Шэлл Сити, теперь не казались такими уж преувеличенными. Миновав очередной темный тоннель и оставив позади еще несколько, Илон даже допустил, что где-нибудь тут, в сырости и во мраке, в гробовом безмолвии могли и впрямь прятаться монстры. Ведь никому неизвестно, чем еще занимались башковитые сотрудники Шэлл Индастриз, помимо возведения купола.

Без Ма, которая, как поводырь, тащила его через многочисленные темные и светлые рукава, он точно никогда не отыскал бы шэлла. А, положа руку на сердце, легко заблудился бы здесь уже минут через пять скитаний. Какого хрена Эдвард вообще поперся неведомо куда? Как будто не мог немного полежать на складе, дождаться своего спасителя и спокойно, под плащом инвиза покинуть институт трансплантологии. С другой стороны, тоннели все-таки были не худшим из возможных вариантов для беглого шэлла. На мясокомбинате его непременно скрутили бы и, кто знает, что сотворили после. Быть может, тоже рассовали бы по пакетам, контейнерам и склянкам, как и иных шэллов.

— Куда теперь?

Поверни налево.

— Долго еще?

Почти на месте. Я все-таки рекомендовала бы установить…

— Ма! Не сейчас.

Илон свернул за угол и оказался еще в одном мерзопакостном тоннеле. Темно — хоть глаз выколи.

Илон не спеша зашагал, высматривая Эдварда. Тьма лежала впереди и позади, снизу и сверху, густая, как черный воск; лишь далеко-далеко впереди мерцал слабый белый огонек.

Пункт назначения достигнут.

— Ты уверена? — не поверил Илон, покручивая головой. — Здесь ничего нет.

Объект находится прямо перед тобой.

Илон поводил руками во мраке, пошлепал ладонями по голым стенам.

— Мы, ты ослепла, что ли?

Пункт назначения достигнут, — вновь подтвердила она.

Илон выругался. Эдвард даже нормально потеряться не мог — не шэлл, а тридцать три несчастья. Должно быть, обронил маяк в потемках, подумал Илон и сел на корточки в надежде его найти.

Глаза, конечно, уже попривыкли к темноте, но отыскать тут маяк размером с монету было непосильной задачей — все равно что иголку в стоге сена.

— Он движется?

Нет.

Илон положил ладони на стену перед собой, растопырил пальцы, припал к ней ухом и, ощутив легкую вибрацию, с криком ухнулся в пустоту, брызнувшую потоком света. Плечо! Проклятое плечо опять вспыхнуло болью.

Он быстро подскочил, бегло скользнул встревоженным взглядом по круглому залу, который появился внезапно, из ниоткуда, и пришел в замешательство. Потому что заметил и лежащего без сознания Эдварда и… четырехрукого кибера.

— Добро пожаловать, — произнес тот.

— Что ты с ним сделал?!!

Илон бездумно рванулся врагу навстречу. Кибер остался на месте. Лишь дернул одной из рук, стряхивая с нее поток бело-голубой пыли, который, поигрывая в воздухе, словно легкий шарфик на ветру, затрепетал в воздухе.

Впервые боевые стимуляторы его подвели. Он просто не успел сократить дистанцию для атаки, когда что-то странное произошло с руками и ногами. Они будто одеревенели.

Рой управляемой пыли оплел крепкими путами обе ноги, сжался лапами вокруг запястий и потащил их навстречу друг другу. Илон силился шагнуть, разорвать твердые оковы, но потерял равновесие и повалился на пол. Конечно, опять на выбитое плечо! От бессилия он зашипел, как масло на раскаленной сковородке.

— Я тебе не враг, — пытался уверить его кибер. — Что касается Эдварда, то не переживай, с ним все хорошо. Если, конечно, это слово применимо к человеку, который всю свою жизнь бултыхался рыбкой в банке, а сейчас выплыл в открытое море.

Илон извивался на полу, все еще лелея надежду сбросить живые оковы, созданные то ли из сонма наноидов, то ли еще из какой дряни. Однако неторопливый голос своего таинственного пленителя слышал ясно — каждое слово, будто он шел из корешка.

— Когда я отзову своих малышей, ты обещаешь больше не глупить?

Илон ухмыльнулся. Второй раз за день его просили не делать глупостей. Инста, безусловно, огорчилась бы, если бы узнала, как безжалостно он обошелся с ее в общем-то разумной просьбой. Но сейчас, видимо, пришло время и вправду строить из себя паиньку,

потому что живые оковы было никак не сбросить, а бесконечно валяться на полу — то еще удовольствие. Он дернул головой, изображая кивок.

Малыши бесшумными струйками заструились в воздухе, сбились на лету в один колеблющийся поток, похожий на бело-голубого змея, сжались, уплотнились, покрываясь щетинкой, а затем опустились на хозяйскую руку и будто глина облепили ее, прикрывая оголенный металлический протез.

Илон машинально потер запястья, но с удивлением обнаружил, что на них не осталось никаких отпечатков, даже кожа не покраснела, хотя юркие летающие путы довольно болезненно кусались, словно стая голодных комаров и оводов.

Кибер спокойно стоял в трех шагах и совершенно беззлобно смотрел в его сторону, что обезоруживало и слегка раздражало. За его спиной в огромном круглом котле подрагивало голубое пламя. Оно бежало по тонким трубам к потолку, а там расходилось широкой паутиной лазурных капилляров, словно лазерная инсталляция развесистого сказочного древа. Илон никогда не видел подобных агрегатов и подумал, что это что-то вроде ионного генератора. На голове кибера блестел грейвхэд — надо признать, весьма элегантный, не из тех уродливых и дорогущих бандур, которыми были забиты все магазины электроники. Ну а сам кибер… При взгляде на него глазам делалось слегка неприятно и хотелось их сразу отвести, потому что тело, будто расстроенная голографическая проекция, вечно подергивалось и мерцало. Билось в одном ритме, как одно большое бело-голубое сердце.

— Можешь разместиться вон там, — предложил кибер, указывая на скромное пустующее место на откидной скамье, у ног лежащего Эдварда.

Илон покорно прошагал и сел, поглядывая на беглого шэлла. Кибер вроде бы не соврал. Эдвард казался здоровым и просто спал, со счастливым лицом, безмятежно посапывая и тихо всхрапывая на откидной скамье, словно в своей уютной постели.

— Догадываешься, кто я?

— Дай угадаю, — Илон наигранно коснулся кончиком указательного пальца подбородка и напустил на себя гротескно-задумчивый вид. — Наверное, Санта-Клаус. Или… — он бросил быстрый взгляд на грэйвхэд. — Магнето. Нет… Четыре руки, не тело, а какая-то каша, — он сделал серьезное лицо. — Думаю, ты тот, кого в Цитадели и в Шэлл Сити называют Рохи. Признаюсь, из всего того, что я тут успел увидеть, это самая невероятная хрень. Если хочешь знать, никогда не верил в твое существование. А теперь скажи, зачем мы тебе?

— Позже. Об этом позже. Еще не все собрались.

— Е-й, похоже, у нас намечается вечеринка! — Илон поднял кулаки над головой. — Никогда не тусил с киберами. Честно говоря, думал, вас всех перебили во время войны.

— Возможно, я последний, — без капли печали произнес Рохи и внимательно посмотрел в потолок. — Чувствую, они уже близко. Осталось недолго.

Глава 7. Пульс. Часть 7

Казалось, кибера ничто не может вывести из себя. А Илон очень хотел его вывести. Разозлить, отвлечь и, воспользовавшись замешательством, затолкать рогатой башкой в ионный котел, чтобы потом спокойно сбежать вместе с Эдвардом. Однако пока изводился лишь сам.

— Ты сейчас выглядишь так, словно смотришь в будущее.

— Будущее… А что такое будущее? Всего лишь череда последовательных событий. Достоверные сведения в качестве основы, помноженные на вычислительные мощности расчетов и Закон Мерфи. Метеорологи, сейсмологи, брокеры или психологи, на мой взгляд, неплохо предсказывают будущее в рамках своей сферы. Разве нет? — Беседа о предсказаниях явно увлекала Рохи. — Возьмем хотя бы тебя. Три раза в неделю ты работаешь в Цитадели. По понедельникам, средам и пятницам. От твоего дома до Шэлл Сити добираться пешком пришлось бы вечность. Следовательно, придется лететь. Своего аэрокара у тебя нет, так как все средства ты откладываешь на цифраторий, поэтому пользуешься служебным. Смотри, у нас уже есть место, откуда ты полетишь и место, куда ты попадешь. Тебе нравится работать хаосмастером, а, следовательно, есть высокая доля вероятности того, что в следующий понедельник ты поступишь ровно так же, как поступил в предыдущий. То есть полетишь в Цитадель на служебном аэрокаре. — Кибер улыбнулся. — Смотри, я умею предсказывать будущее.

К концу нудного монолога Илон окончательно закипел, ощущая, что с секунды на секунду вновь сорвется. Но Рохи предупреждающе и все еще по-доброму погрозил ему указательным пальцем.

— Перестань рыться в моей голове?!! — потребовал Илон.

— О, ты не представляешь, что там можно найти. Если хочешь, могу избавить тебя от кошмаров. Как это часто делала Мэй.

— Заткнись!!! — Илон воинственно подскочил, неудержимые кулаки опять сжались сами собой, как будто у его рук был собственный разум, собственные чувства, которые сейчас нещадно топтал безумный кибер.

— Тише-тише, присядь, — спокойно сказал Рохи, выбрасывая грозный рой перед собой, но пока удерживая его на привязи. — Конечно, ты вряд ли мне поверишь. Но я действительно сожалею, что с ней так вышло.

— Ты прав, я тебе не верю! — пересиливая себя, Илон

опустился на скамью.

Внутри него клокотала жгучая ярость, требующая немедленного выхода на свободу. Ему казалось, что если он не размажет этого самодовольного кибера, то просто лопнет от злости.

— Мэй была лучшей, — с грустью продолжил Рохи. — Достаточно лишь увидеть, как ювелирно она каждый раз вытягивала из твоей пухнущей головы нити кошмаров. Почти без следов. Тонкая работа. Такой потенциал, — он расстроенно и, как показалось, разочарованно покачал головой.

— Откуда… — Илон был ошеломлен. Его вновь связали по рукам и ногам, только теперь без пут. Ему не хотелось верить в услышанное, но он понимал, что все, что выплескивает из своего поганого рта кибер, правда — совершенно невероятная и горькая, но правда. Хотя бы потому, что как только Мэй ушла, кошмары перестали исчезать, надолго, возможно, навсегда застревая в памяти гниющей занозой. — Откуда ты…

— Уверен, ты слышал об инфопатах.

— Ты сейчас намекаешь… — Илон плохо соображал, — на себя или на Мэй?

— О, поверь, я ничто по сравнению с ней. Она родилась со своим даром, а я всего лишь чучело, нафаршированное наноидами снизу доверху. Конечно, я тоже кое-что умею. Но Мэй… Она как первоклассный дирижер, способный выдать грандиозную симфонию, играя на потоках инфы. Извлечь из любого источника, изменить, как ей вздумается, или незаметно подсунуть.

Илон поник, слегка хмелея.

— Это еще… Это еще не все, — пробормотал он. — Вот что она хотела сказать, когда я сбежал из цифратория. Какой же я дебил. Она хотела признаться. А я… — Назревал тревожный вопрос, подкатывая гремящей штормовой волной. — Скажи, она мной манипулировала? — не поднимая головы, спросил он.

— А сам как считаешь?

— А ты… ты мной манипулировал?

— Если б я мог, — с нескрываемым сожалением произнес Рохи. — Помогал — да. Иногда, когда это было возможно. А кто, по-твоему, отвел взгляд Интел, когда ты выбирался из-под купола?

Илон молчал. Чудесное спасение, которое поначалу наивно воспринималось лишь сказочным везением и верой в гениальный план, оказалось лишь этапом большой чужой игры. Растерзанные чувства бросали его то в одну, то в другую сторону. Он был разбит и угнетен; душу рвало на части так, что хотелось сдохнуть.

Или хотя бы провалиться в беспамятство. Забыть, вырезать с корнем этот разговор навсегда.

— Тебя не затруднит разбудить Эдварда? — подчеркнуто вежливо попросил Рохи. — Они уже здесь.

Слова кибера звучали приглушенно, были едва различимы, словно он говорил сквозь плотную маску. Илон осторожно подергал шэлла за штанину, а когда тот так и не проснулся, потормошил его уже без церемоний.

Эдвард открыл глаза и захлопал ими удивленно.

— С добрым утром, — устало произнес Илон.

Он до сих пор не понимал, как глубоко Рохи забрался ему в голову. Какую игру затеял? С какой целью завлек их в свое логово? Кто еще попал в ловко расставленные сети? Насколько далеко они простирались? Чего на самом деле желал? Но надеялся, что мутные вопросы с минуты на минуту начнут обретать ясность.

Эдвард, тихо покряхтывая, сел на скамье, провел ладонью по лицу, по бороде, сгоняя сонливость. А потом пугливо дернул головой в сторону, где мгновенно исчезла часть стены, обнажив черный коридор.

— Джесс, — прошептал он, увидев двух незнакомок, и приподнялся, выпучивая глаза.

Илон не дал ему сорваться с места, тоже не без удивления изучая гостей, которых, очевидно, и дожидался Рохи.

— Как похожа, — вновь прошептал Эдвард.

Илон понимал его возбуждение. Одна из женщин действительно походила на Джессику. Чуть ниже и стройнее, чем она; короткие русые волосы аккуратной шапочкой; волнующие формы слегка сглажены. Но лицо… Вылитая Джесс. Кажется, именно от нее он шарахнулся в цифратории, приняв за мертвую жену шэлла.

Незнакомка носила голубую форму пьюра и держала взведенный попискивающий слипер, водя стволом по воздуху, от кибера к скамье, где сидели они с Эдвардом, и снова к киберу. За спиной незнакомки пряталась вторая гостья, пухленькая и темноволосая.

— Добро пожаловать, — улыбнулся Рохи. — Проходите. И уберите оружие. Никто из нас, — он театрально зевнул, — не намерен спать. Поверьте, вам здесь никто и ничто не угрожает.

— А ты еще кто? — дерзко бросила пьюр.

— Роберт Хиггс, если вам угодно. Один из тех, кто стоял у истоков Шэлл Сити и вашего приюта.

Илон с сочувствием поглядел на Эдварда. Тот, обездвиженный взрывом изумления, предсказуемо сидел с

разинутым ртом, прилипнув взглядом к пьюру. Шэлл еще ничего не знал, и сейчас выглядел новорожденным ребенком, который только начинал познавать мир.

Не опуская слипер, женщина переступила порог. За ней несмело в круглый зал шагнула вторая гостья, подставляя круглое загорелое лицо под водопад света. И теперь сам Илон едва не сорвался с насиженного места, потому что тихая и скромная незнакомка напоминала… Мэй. Не доставало лишь любимых и очаровательных ямочек на щеках, да и губы были несколько тоньше. А в остальном….

— Присаживайтесь, милые дамы, — Рохи почтительно указал им на всю ту же скамью.

Илон торопливо сдвинулся на самый край, освобождая место, и заметил, как Эдвард тоже съехал в сторону, продолжая пускать слюни на пьюра. Однако гостьи не спешили пользоваться великодушным предложением. В напряженной тишине тремя серо-голубыми осьминогами шуршали процессорами летающие дроны, тонко пищал наведенный на Рохи слипер.

— Сара, — вдруг обратился кибер к пьюру. — Джу, — теперь он обратился ко второй гостье.

Илон выдохнул с облегчением, когда услышал незнакомые имена. Ему уже начинало казаться, что он сходит с ума, или спит беспробудным сном, где его Мэй жива и здорова, просто его не помнит.

Зато гостьи всполошились не на шутку, когда кибер произнес их верные имена. Особенно Джу. Пьюр, возможно, была под холодком, поэтому ее замешательство и тревога не так бросались в глаза. А вот ее милая спутница даже не пыталась скрыть изумления.

— Я смотрю, ты слишком много про нас знаешь, — невозмутимо сказала Сара. — Но, по всей видимости, ты забыл, что киберы вне закона. И у меня есть полное право арестовать тебя прямо сейчас.

— Но… — бравада пьюра не произвела на Рохи ни малейшего впечатления, и он улыбнулся самой довольной улыбкой, упиваясь своей безмерной осведомленностью. — Ты, как и все остальные, пришла сюда вовсе не за этим. Вы ведь пришли за ответами?

Илон хотел сострить, потому что он-то точно попал в западню Рохи, когда искал шэлла, а не ответы на какие-то там дурацкие вопросы. Но вспомнил, как шлепнулся на пол, связанный по рукам и ногам, и решил промолчать.

Кибер знал, как зовут беглого шэлла, как зовут каждую гостью. Но думал совсем о другом. Пока в зале с каждой секундой накалялась обстановка, готовая в любой миг лопнуть визгливым

выстрелом слипера, Илон прикидывал, сможет ли он выхватить оружие и пальнуть в Рохи, а затем смыться отсюда как можно дальше. Например, в мертвый город.

Увы, даже если расстояние между ним и пьюром не насчитывало бы пятнадцать шагов, кибер успел бы выпустить свой дрессированный рой. Да и не было ни малейшей гарантии того, что он вырубится от выстрела, как обычный человек. Потому что от человека в Рохи осталась только одна говорящая голова, спрятанная в узкой будке сверкающего грэйвхэда.

Илон был разочарован, когда пьюр пусть и с неохотой, пусть и неуверенно опустила слипер и пошла в их сторону, а за ней хвостом поволочилась Джу. Он не представлял, что заставило Сару передумать. То ли звучание собственных имен, то ли подлинное желание получить ответы, то ли запредельная инфомагия, подселившая в ее разум повиновение. Как бы там ни было, пьюр, пышущая раздражением, опустилась рядом с Эдвардом, а следом за ней на скамью села и Джу, от которой приятно пахло сладким молочком.

— После войны с киберами, которая унесла миллиарды жизней и превратила треть планеты в выжженное поле, — начал Рохи серьезно, — перед всеми нами встал вопрос о том, как построить новое общество. Как сделать так, чтобы такое больше никогда не повторилось.

— Какой войны? Какие киберы? Какое выжженное поле? — взволнованно забормотал Эдвард и подскочил, задыхаясь. — Кто вы?!! Вы все?!! И что тут происходит?!! Я хочу домой! Верните меня в Шэлл Сити.

Сара и Джу переглянулись. Илон вздохнул, осознавая, насколько все усложнилось, когда пьюр поняла, кто стоит с ней рядом и брызгает слюной, потряхивая кулаками. Рохи слишком круто начал свою лекцию для неокрепшего разума шэлла, который похоронил всю свою семью и до вчерашнего дня думал, что его мир ограничен горами и скалами Шэлл Сити.

— Эдвард, успокойся, — сказал Илон.

Тот ожег его подозрительно-презрительным взглядом.

— Тут что — все знают, кто я такой?!! У меня, что имя на лбу написано, а?!!

— Я не знаю, правда, — с сочувствием произнесла Джу.

Но Эдвард закружился по залу, словно несчастный дикий зверек, запертый в клетку. Илону стало тяжко, он опустил взгляд, чтобы не видеть, как спасенный шэлл мечется по залу.

— Илон, объясни, зачем ты его спас, — попросил Рохи.

Сара и Джу молчали.

— Чтобы он не покончил с собой после того, как погибла вся

его семья, — мрачно произнес Илон. — Эдвард, ты… — он не мог подобрать правильных слов, если они вообще существовали. — Рохи, успокой его. Не видишь, у него сейчас сердце взорвется.

Кибер двинулся в сторону, но неожиданно поднялась Сара.

— Я ему помогу, — предложила она, вынимая капсулу дизэмпатика. — Эдвард, посмотри на меня.

Он посмотрел. Сара, медленно подбираясь к нему, показала капсулу.

— От этого тебе сразу полегчает. Успокоишься, очистишь разум, возможно, поймешь, наконец, что за дурдом тут творится. Смотри, — она приложила холодок к вене, капсула моргнула желтым огоньком, и как будто кто-то сказал в повисшей тишине «т-сс!». — Видишь. Оно безопасно.

Эдвард недоверчиво и с сомнением глазел то на холодок, то на подошедшую к нему женщину. Но потом все-таки вытянул руку.

— Молодец, — Сара закатала ему рукав и ввела дозу дизэмпатика — Пойдем.

Под действием холодка Эдвард изменился до неузнаваемости — сдулся, будто воздушный шарик. Разжались потные кулаки, осели надутые щеки, на вытаращенные глаза наползли веки.

В голове Илона мелькнула мысль, что самое время броситься на пьюра и выдернуть слипер, а затем… Но он придавил эту подлую мысль, как шипящую под ногой змею, наблюдая за тем, как Сара ведет под руку бледнеющего на ходу шэлла.

Когда Эдвард сел, Сара положила ему на плечо руку и сказала.

— Нам всей порой бывает так тяжко, что хочется умереть. Но нужно помнить, что за ночью всегда приходит рассвет. Всегда. Просто у кого-то эта ночь иногда длится немного дольше, чем у других.

Она опустилась с ним рядом, и Рохи вновь монотонно забубнил, словно в ритм своего пульсирующего тела.

— После войны с киберами…

— Разве ты сам не из них? — справедливо заметил Илон.

— Я стал таким уже после войны, когда работал над интеллектом наноидов. К сожалению, как несложно заметить, эксперимент прошел не очень удачно. Пришлось кое-чем пожертвовать, чтобы остаться собой. Ну а пара лишних рук всегда пригодится. Но не волнуйтесь, я на вашей стороне. — Он помолчал. — Так вот… советом было принято три решения. Первое: запрет любых кибернетических имплантов, кроме корешка. Второе: замена имплантов на плоды биоинженерии. Третье: проекты «Купол» и «Око». Первый из них не только

обеспечивал поставки органов, но и давал всем асоциальным элементам то, что они хотели, тем самым снижая градус преступности почти до нуля.

— Про второй проект я никогда не слышала, — сказала Сара.

Илон тоже никогда не слышал про «Око». Но его больше интересовало состояние Эдварда. Тот сидел ни жив, ни мертв, а Рохи как будто намеренно ходил вокруг да около, и понять, даже остывшим разумом шэлла то, что происходит, было сложно.

— Я как раз к нему подхожу. Итак, «Око»… Изначально предполагалось, что Совет и пьюры получат возможность через корешок следить за каждым из нас. Но как только инфа об этом всплыла в СМИ, начались волнения, и от идеи пришлось отказаться. Однако проект не закрыли, а преобразовали. Он предполагал создание особых шэллов вне купола. Десять тысяч младенцев, будущая элита, заточенная под конкретные задачи, которую в дальнейшем планировалось расселить по всему миру. И время от времени проверять ее, пользуясь фьюжином.

— Большой брат, — поморщился Илон.

— Понимаю, звучит не очень приятно. Но у проекта были исключительно благие цели, верите вы или нет. Совет хотел знать, собственными глазами видеть, что происходит в Гринвуде, в космосе, в колониях, в любой важной сфере, чтобы в случае появления малейшего очага угрозы потушить ее раньше, чем она выльется в новую войну. Так был создан приют «Дети войны», где якобы растили послевоенных сирот, а на самом деле…

— Шэллов, — закончила Сара и вколола остатки холодка в подрагивающее плечо своей подруге.

— Хочешь сказать, они… — Илон вопросительно поглядел на кибера.

Рохи кивнул. Джу прикрыла глаза ладонью, но слезы все равно просачивались, скатываясь прозрачными блестящими бисеринками по щекам. Слушая, как она тихо всхлипывает, Илон перевел взгляд на пьюра. Сара тоже была потрясена, смотрела в никуда, но все равно выглядела лучше, чем Джу или Эдвард. История была жуткой. Но Илон так до сих пор и не понимал, каким боком он или бывший политик из Шэлл Сити к ней относились.

— Это все, конечно, очень грустно, — начал Илон, теряясь в догадках. — Я им сочувствую. Однако, что тут делаем мы с Эдвардом?

— Сара, будь любезна, расскажи ему, что произошло на Спэйс Нидл, — попросил кибер.

— Тебе и про это известно? — даже сквозь холодок в голосе пьюра тренькнуло удивление. — Но я не понимаю, зачем им знать

об инциденте… Хотя… Какая теперь разница.

— Так что там случилось, на этой вашей станции? — У Илона голова шла кругом.

— Контакт, — пояснила Сара. — Четверо пришельцев вернулись за своими телами, которые команда Джу обнаружила на Европе. Однако после вскрытия и изучения их тела пришли в негодность. Поэтому они потребовали взамен новые. Оказалось, что шэллы им вполне подходят.

— Круто! — раздраженно бросил Илон. — Мы не одни во Вселенной и все такое. Но какое отношение это имеет к нам с Эдвардом?!! Возьмите любых из-под купола! В чем проблема?

— Мы, собственно, так и планировали, — ответила Сара.

— Однако, боюсь, уже поздно, — добавил Рохи, поглядывая своем пророческим взглядом в потолок.

В этот момент зал содрогнулся так, что Илон едва удержался на скамье. Казалось, где-то наверху громыхнула атомная бомба. Все, кроме Рохи, перепугались до полусмерти. Логово кибера крепко шатнулось, но выстояло, ни одна трубочка не треснула, оставшись сидеть на своем месте.

— Что это было? — с тревогой спросил Илон.

— История, — туманно ответил кибер.

— Мне только что сообщили о двух взрывах, — проговорила Сара. — Похоже, купол и цех по производству шэллов серьезно повреждены.

— Вы же понимаете, что это значит? — Илон пожалел, что у Сары не осталось холодка. — Если наш воздух попадет в Шэлл Сити… Он ведь все это предвидел. Ах ты…

У Илона перед глазами повисла тонкая серая пелена. Он словно вновь оказался в узком тоннеле, не смог удержать гнев и опять безрассудно ринулся на кибера, через три секунды предсказуемом оказавшись на полу, плененный стаей наноидов.

— Вся моя жизнь — ложь, — вдруг сказал Эдвард в тишине.

Илон взвыл от беспомощности и отчаяния, не в силах осмыслить, принять то, что сейчас творилось на поверхности. Десять миллионов шэллов… Десять миллионов мертвецов… Цветущий город разом превратился в мрачный глухой склеп, заставленный увядшими гвоздиками.

— Это ты! Ты все подстроил! — извиваясь на полу, закричал Илон.

— Я? Нет, — ответил Рохи. — Если кого и стоит винить, так только твою ненаглядную Мэй. Если бы не ее упрямство, глупость и близорукость… Если бы проект до сих пор действовал, уверен, мне бы не пришлось тратить столько сил и времени на то, чтобы сейчас в спешке спасать человечество, просчитывая миллионы

вариантов и собирая всех вас в одном месте.

— Ты врешь! Врешь!

— Отнюдь. Ты просто не знаешь. Но именно Мэй, желая освободить шэллов, когда-то похоронила «Око». Именно она во имя иллюзорной свободы уничтожила базу данных и порезала, как ленточки, все информационные потоки, которые связывали сирот. В том числе и тебя.

— Что? — Илон истерически рассмеялся. — Ты — псих! Я никогда не был ни в каком приюте. Я родился и вырос в Гринвуде. Так же, как и Мэй. У меня был дом и… мама.

— И ты никогда задумывался, почему ни у Мэй, ни у тебя не было отца? Или по какой причине тебя так неистово тянет к власти? Илон, очнись уже наконец, ты должен был стать величайшим политиком Гринвуде, нашим политиком, если бы Мэй не уничтожила «Око».

— Это ложь! Арестуйте его! Вы что, еще не поняли, что он всеми нами манипулировал, как марионетками, и продолжает это делать?!! — Илон закрутил головой, пытаясь увидеть, что происходит позади него. — Эй, где вы там?!!

В зале повисло пугающее молчание, будто из него исчезли все присутствующие. Послышались тихие, осторожные шаги. Илон затаил дыхание, все еще надеясь на помощь Сары. На ее здравый рассудок. На ее маниакальную беспринципность и неудержимую исполнительность пьюра.

— А ты точно уверен в его корнях? — с сомнением спросила она.

И внутри Илона как будто что-то надломилось — какая-то опора, какой-то стержень, который с рождения держал тело крепким, устойчивым, а теперь превратил в шматок желе.

— Больше, чем в том, что Земля вращается вокруг Солнца. Но советую его усмирить. Он принял столько стимуляторов, что даже тебе придется с ним не сладко. Эдварда убедить будет проще.

С писком накалился слипер. Илон вновь хотел закричать, понимая, что сейчас произойдет, но ощутил, как больно обожгло спину, и с немым протестом окунулся в безмолвную и жаркую черноту рухнувшего на него сна.

Глава 8. Молчание. Часть 1

Ему чудилось, будто он качается на дне утлой и мелкой лодчонки. А она все плывет и плывет — целую вечность. На слабых волнах безбрежного мрачного озера. Под пустым и беззвездным небом, которое висело так низко, что, казалось, протяни руку и наберешь полную ладонь черной колючей ваты. Но Илону совсем не хотелось тревожить темные небеса, чтобы ощутить их прикосновение на своих расслабленных пальцах.

Ему давно не было так хорошо и покойно. Он словно попал в то самое место, о котором грезил, когда тоска или стыд рвали его душу на части. Ни мертвецов, ни печали, ни криков, ни стонов, ни единого звука. Великое ничто — безвременное, чарующе тихое и прекрасное в своей мрачной, первозданной простоте.

Он проснулся от толчка. И сквозь мутную пленку пробуждения увидел живую Мэй. Потянулся к ней, но понял, что не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, а затем, когда сон сошел окончательно, понял еще и то, что перед ним сидит вовсе не Мэй, а лишь похожая на нее женщина — тень, неудачная копия. Кажется, ее звали… Джу.

Спросонья Илон не сразу сообразил, что вновь связан по рукам и ногам. А когда ясным взглядом обвел незнакомое место пробуждения, то подумал, что пленившие его путы — сущий пустяк. Потому что это была самая настоящая каюта, а он ерзал на ее откидной койке напротив настороженной подружки пьюра.

На него навалилась такая паника, что он лишь молча шевелил губами, не в силах ничего сказать. Крик ужаса будто скатился в грудь и замер там холодным и тягостным грузом. Немыслимо! Они все-таки это сделали. Они забрали его с собой на корабль, словно безвольного пса. Они… повезли его… И даже не дали проститься с Мэй…

Ма, Ма ты здесь?

Она не отзывалась. С трудом ему удалось сесть на койке, свесив скованные ноги. Память капризничала. Он вспомнил Рохи, его трескотню про будущее, что-то там про пришельцев и спасение человечества. Но не смог вспомнить ни фрагмента о том, где произошла их судьбоносная встреча. А ведь именно там он нашел Эдварда, но где находилось это далекое «там»?

Дверь была открыта, и Джу крикнула в коридор:

— Сара! Он очнулся!

Пьюр явилась через несколько секунд. Села рядом с Джу и с беспочвенным осуждением поглядела на него — широко открытыми и холодными, как лед, глазами. Лицо ее было

бледным-бледным, словно из него ушла вся кровь.

— Думаю, ты уже понял, где мы находимся и зачем летим на Спэйс Нидл. Объясню тебе один раз: если ты попытаешься выкинуть какой-нибудь фортель, мне опять придется применить слипер. Но я не хочу тебя отключать, потому что не знаю, что произойдет со всеми нами через два дня. И поэтому позволю тебе насладиться остатками этого драгоценного времени в полном сознании. Да, твой корешок мы блокировали, если ты вдруг не понял.

— Но ведь это незаконно?!! — возразил Илон. — Я же не шэлл из-под купола, я — житель Лост Арка! А мое похищение — уголовное преступление. Как же мои права, в конце концов?

— Ты что-то не сильно думал о законе, когда ширялся боевыми стимуляторами, таскал в кармане инвиз и устраивал побег шэллу.

— Можно подумать, если бы я был милым ангелочком, вы бы меня отпустили.

Джу улыбнулась, с сомнением покосилась на пьюра.

— Если бы ты был ангелочком, то, возможно, не встретился бы в… А, черт. — Сара тряхнула головой. — То, возможно, не пустился бы во все тяжкие, и в итоге не встретил бы ни Роберта, ни нас.

— О, ну прекрасно! — со злой ухмылкой произнес Илон. — Вы ведь тоже не помните, где это произошло?

— Это было одним из условий нашего… э-м, освобождения, — Сара сказала фразу таким тоном, словно всего лишь забыла оставить чаевые в кафетерии, а не утратила безвозвратно кусок собственных воспоминаний.

Слова, интонация, с которой они были произнесены, ошеломили Илона. Даже после всего того, что с ним стряслось за последние несколько дней, даже после того, как он узнал о своих… корнях и до сих пор не мог свыкнуться с горькой истиной, это было слишком.

— Но вы же понимаете, что он играл нами, как куклами?

Джу опять, но уже без улыбки глянула на пьюра, ожидая ответа.

— Конечно, — с прежним спокойствием ответила Сара. — Но это не имеет никакого значения. Потому что мы выполнили свою задачу. Четыре шэлла летят на одном корабле к Спэйс Нидл и прибудут в срок.

— Понятно, — с отвращением проговорил Илон. — Цель — оправдывает средства. Как всегда. Так было, так есть и так будет. А теперь можно мне отлить? А то я сейчас лопну и провалю всю вашу грандиозную миссию.

Сара протянула слипер Джу:

— Если вдруг дернется, сразу стреляй.

Темный попутчик предлагал ему огреть пьюра по затылку. Но Илон отказался: взведенный слипер смотрел прямо в грудь — не промахнешься, а тюрьма, откуда надо было сбежать, волочилась по мертвому космосу. Так что какой смысл?..

— Будто я могу куда-то удрать с космического корабля, — пробубнил Илон. — Как Эдвард? — поинтересовался он, пока Сара освобождала его ноги.

— На успокоительных. Но с ним работает наш психолог.

— Из рабства в рабство, — Илон горько усмехнулся. — А я хотел показать ему Лост Арк.

Илон потопал свободными ногами и демонстративно выставил наручники, молча требуя снять и их.

— Нет, — Сара покачала головой. — Даже не думай.

Он пожал плечами.

— Ну, я — попытался.

— Поднимайся, я тебя провожу. А Джу пока принесет тебе что-нибудь поесть.

Они вышли в коридор — узкий и низкий, облитый мутно-желтым светом. Илон шагал первым, за ним Сара. Он не чувствовал ее дыхание, ее запах, только цепкий взгляд на своей спине. Держалась она на безопасном расстоянии, словно не понимала, что тут особо кулаками не помашешь — тесно, как в гробу.

В коридоре было тепло и тихо. Илон насчитал восемь кают, и подумал, что корабль должен быть не просто большим, а огромным — настоящей неподъемной махиной. На подобной громадине он точно никогда не летал. Все прочие космические корабли, на которых он поднимался выше орбиты, по сути ничем не отличались от самолетов или многоместных аэрокаров — полсотни кресел впритык друг к другу и кабина пилотов. Но эту громадину с полным правом можно было назвать кораблем. Тут даже имелась гравитация — непозволительная роскошь для прочих пассажирских судов. Однако… туалеты здесь были такими же тесными. Разве что не нужно было пихать свой прибор в шланг и опасаться, что влага начнет весело путешествовать по салону, словно брызги шампанского в невесомости.

— Не задерживайся там, — сказала Сара в спину.

Илон не без сложностей, но расстегнул молнию скованными руками. И облегченно вздохнул, только сейчас, в уединении, осознавая, что его тревожит. Нет, не тревожит — бесит!

Уверенное спокойствие. Как будто это не его нагло вывезли с Земли, чтобы преподнести каким-то там пришельцам на блюдечке

с голубой каемочкой. Как будто это не его похитили самым подлым образом, предварительно оглушив слипером. Как будто это не он узнал, что на самом деле является сиротой и мясом — функцией, рожденной маньяками из Шэлл Индастриз… А еще они не позволили ему проститься с Мэй.

— Ты закончил там?

— Иду я, иду, — недовольно ответил Илон.

Сара настойчиво постучала в дверь, когда он пытался ухватить мелкий и юркий язычок молнии.

Выходя, Илон случайно зацепил жесткий край дверного проема, и понял, что выбитое плечо теперь не болит. Мертвецы тоже больше его не преследовали. И погашенная ярость, и ушедшая боль, и крепкий сон — все это наталкивало на мысль о том, что разум мастерски обработали, чтобы его строптивый владелец вел себя смирно, как кастрированный кот.

— Я думаю, он рылся у меня в голове, — первое, что сказал Илон, увидев наведенный на него слипер. — Рохи.

Сара пропустила его вперед, и они вновь неторопливо пошли по коридору.

— Жаль его, — съехидничала пьюр. — Наверное, весь испачкался.

— Об этом я и говорю. Вот смотри: оскорбление, а мне начхать. Он точно рылся у меня в башке. Постой, а ты мне что-нибудь вводила?

— Немного холодка, чтобы ты трезво смотрел на вещи и не кидался на людей, как сумасшедший.

— Знаешь, а я когда-то мечтал получить дизэмпатик, чтобы пройти тест на советника.

— С чего ты взял, что мне это интересно?

— Ты же понимаешь, что если Рохи ковырялся в моих мозгах, то и в ваших тоже?

— Мне все равно.

Сара зевнула. Они вернулись в каюту, где на откидном столике его дожидался царский ужин… обед или завтрак. В темной космической бездне, да еще и после долгой спячки определить даже приблизительное время можно было… никак, а Ма пьюры заткнули намертво, и некому было сообщить, который сейчас час.

У Илона потекли слюнки при виде золотистого куриного бедрышка, картофельного пюре, посыпанного зеленью, и овощного салата с белыми кубиками сыра, красными кружочками томата и черно-блестящими дольками оливок.

Последние буйные дни прошли на голодном пайке. Столько всего происходило, что на еду просто не оставалось времени. А

тут… Он и в Лост Арке видел такие роскошные блюда только по праздникам, да и то не всегда. Подумать только — и куриное бедро, и томаты, и сыр. Совет не жалел средств на своих бедных ягнят… Перед тем, как отправить их на убой.

Хотелось не только есть, но и пить. Илон поднял кружку. Припал губами, вдыхая фруктовую морозную свежесть. Отхлебнул. В кружке оказался прохладный, почти ледяной коктейль из манго, мяты и чего-то молочного. Напиток, сдобренный кубиками льда, которые приятно звенели, разошелся вкусным холодком по телу. И Илон сделал еще глоток, больше первого.

Коктейль был великолепен. Сладость манго, тонкий молочный привкус и холодная ниточка мяты. Словно в грудь залетел ветерок, разбрасывая нежные снежинки. Пить бы и пить.

С великим трудом оторвавшись от напитка, Илон поставил кружку и набросился на еду — жадно и без манер, как дикарь. Он подумал, что, если уж не может бежать из летающей тюрьмы, если уж судьба его предрешена, то не будет проводить свои последние дни в глубокой скорби, а проживет их с кайфом, пусть и под надзором, пусть и в наручниках, пусть с чужой волей в голове, которая, возможно, и подсказала ему этот путь.

Джу и Сара молча смотрели, как его пальцы, сверкающие от жира, разрывают куриное бедрышко и отправляют бело-золотистые, пахнущие чесноком волокна в рот.

— Я как-то смотрел фильм про тюрьму, — чавкая и дурея от вкуса, начал Илон. — Не помню название. Что-то очень старое. И там смертников, ну, тех, кого приговорили к смертной казни, незадолго до того, как посадить на электрический стул, тоже баловали прощальной трапезой.

Ноль реакции. Непробиваемая стена. Уж если Джу не разгадала метафору, то Сара прекрасно поняла намек. Но предпочла спокойно следить за тем, как ее драгоценный пленник уплетает курицу с салатом.

— Джесс… жена Эдварда, — с долей смущения произнесла пьюр. — Он всегда так на меня смотрит. Я сильно на нее похожа?

— Ну… — Илон прожевал, сглотнул. — Есть немного. Только бедра уже и грудь, — он бросил оценивающий взгляд на пьюра, — определенно на пару размеров меньше.

Уголки губ Джу дернулись вверх, но она успела подавить рвущийся наружу смешок.

— А ты похожа на мою Мэй, — сказал Илон, перекидывая взгляд на Джу. — Хотя с ней никто не сравнится. А вы… — Он все-таки немного взгрустнул. — Не дали с ней даже попрощаться. Подозреваю, Рохи так и задумывал, связывая в узел все наши

судьбы.

Джу поглядела на Сару. Та словно ощутила ее требовательный взгляд и сказала, явно пересиливая себя:

— Я попрошу кого-нибудь связаться с твоей Мэй после того, как завершится операция.

— Когда все будет кончено, ты хотела сказать, — невесело улыбнулся Илон. — Из тебя бы вышел отличный политик. Так ловко огибаешь острые углы… И поправьте меня, если я не прав, вы ведь двое тоже пойдете с нами?

— Да, — подтвердила Сара.

Джу продолжала молчать, словно воды в рот набрала. С момента его пробуждения, кажется, она не проронила ни слова. Только крикнула в коридор, призывая пьюра.

— Не могу понять, вас-то кто и под каким предлогом заставил жертвовать собой?

— Мы сами согласились, — ответила Сара. — Причем еще до того, как вернулись на Землю, чтобы подобрать двух оставшихся шэллов.

Илон перестал жевать, не поверив ни единому слову.

— Джу — антрополог, — начала пояснять Сара. — Она с детства глазела в небо, пытаясь отыскать там зеленых человечков. И такой шанс… А я… Я просто хочу вернуть то, чего лишили меня при рождении.

Илон непонимающе посмотрел на нее.

— Ты о чем вообще?

— О душе, духе. О том, чего ни ты, ни я, ни Эдвард, ни Джу, ни любой другой шэлл не имеют в силу свой природы.

— И чем тебе не нравится оттиск? — тут же возразил Илон.

— Тем же, чем большинству жителей Лост Арка не нравится рыба со вкусом курицы, — Она посмотрела в его тарелку, где лежали обглоданные косточки. — Кроме того, советники хотели, чтобы в команде… добровольцев был кто-то из них или пьюров. Так что лучшей кандидатуры, чем я, не придумаешь.

— А как же ваши родные?

Сара и Джу молчали. И молчали они очень грустно, словно только в этот миг осознав свое чудовищное одиночество. Никто не ждал их возвращения, нервно покуривая сигареты и беспокойно ворочаясь во сне. Никто не стал бы оплакивать их смерть, их таинственное исчезновение.

— Ясно, — проговорил Илон. — Действительно, идеальные… кх-м, добровольцы.

Он набил рот листьями салата и намеренно громко захрустел, понимая, что его самого по сути тоже некому ждать и оплакивать. Потому что он ничем не отличается от Сары или от

Джу — безродная и, как оказалось, бездушная оболочка, до которой никому нет дела.

Вдруг вспомнилась мама…

* * *

Уму непостижимо, но он опять забыл дома дневник! Уже… кажется в третий раз. Он вообще в последнее время постоянно что-то забывал. Назначить встречу Капюшону, чтобы разжиться сигаретами, записаться на прием к врачу, чтобы провериться на болезнь Пика или Альцгеймера, и даже — имена сотрудников, которых знал много лет. Сегодня ни с того, ни с сего назвал Томаса, собственного ассистента, Тоддом. А когда тот осведомился о его самочувствии, внезапно вышел из себя. Было даже немножко стыдно.

Адам закурил, глубоко затянулся и занес руку над пепельницей, заметив на ее краю почти нетронутую тлеющую сигарету. Ну вот… опять. Он покачал головой и в сотый раз подумал, что память превратилась в решето от волнения. Потому что невозможно было так долго держать в себе результаты исследования. Но ничего, ничего. Сегодня он проведет самый важный эксперимент, и уж тогда как грянет!

Шершавый дым покатился в легкие, раздирая гортань, и Адам хрипло кашлянул. К новой марке он пока не привык, а старой Капюшон больше почему-то не промышлял. Сигареты были дрянь дрянью, сразу видно: сделано в Гринвуде. Честное слово, хоть курить бросай. Но момент неподходящий. Совсем не подходящий.

Он опять закашлял, осторожно приоткрыл дверь лаборатории и, высунувшись из нее, обвел внимательным взглядом пустующий главный зал.

Мария, сколько времени?

Семнадцать часов пятнадцать минут, мой гений.

— Кто-нибудь еще тут?!! Э-й!!! Что — все ушли?

Громкий и хриплый крик встревоженной птицей заметался по залу, но помещение, заставленное кабинами порталов, так и не отозвалось на клич. Адам неодобрительно покачал головой. Как он и предвидел: всего пятнадцать минут после окончания рабочего дня, и ни одной живой души в институте. Никакой самоотдачи, никакого стремления. Даже Тома… Томаса след простыл, а ведь он единственный, кто подавал надежды. И с этими ленивыми бездарями он должен был разделить свое открытие, свой успех? Ну уж нет! С какой, позволения сказать, стати? Чем они ему помогли? Только слоняются бесцельно по

институту, чтобы дождаться конца рабочего дня и побыстрее сбежать домой.

Адам затянулся, кашлянул и вернулся к рабочему столу, где затушил сигарету, скуренную до самого фильтра, и засмолил новую.

Итак, все готово, настало время: в институте никого, расчеты завершены, наноиды ждут в программаторе — в тонком шприце для внутривенной инъекции и в крошечном пузырьке, которого хватит на один глоток. Сигарета дымится меж пальцев, но ее всегда выручающий дым нисколько не помогает. Сердечко пошаливает, ладони потные и холодные. Так и должно быть. Он боится и переживает. Нормальная реакция организма на то, что хочет совершить его безрассудный хозяин.

Адам зло смял сигарету в пепельнице и поглядел в сторону программатора на краю стола. Вокруг прибора, похожего на кофеварку, стелился сигаретный дым. Адам разогнал его рукой, нерешительно достал крошечный пузырек, потом тонкий шприц и положил их перед собой, укоряя себя за трусость. Ночью ему приснился Роберт… Вспомнил с теплотой былые времена совместной работы, похвалил текущие исследования, но почему-то пытался убедить не делать последний шаг.

Подсознание… Красиво… Умно… Подсунуло образ старого и единственного друга, пытаясь уберечь от ошибки. Но не учло его упорства. Он всегда шел до конца. Чего ради делать исключение? На самом деле все было решено еще тогда, когда спелый плод перемахнул из одного портала в другой, сохранив свой первозданный вид. И вкус… Сладкий вкус победы.

Сперва Адам опустошил пузырек, затем ввел инъекцию. Посидел недолго, давая наноидам разойтись, и неторопливо вышел в зал, подбирая кабинку. Эта была слишком тесной, та барахлила, а следующая вообще никуда не вела… В памяти всплыл тот несчастный, который недавно вывалился из старого портала, переполошив весь институт своим высохшим трупом.

Почему бы и нет? Когда он появится на другом конце, ни у кого не останется сомнений в возможности перемещать органику без повреждений.

Он остановился у кабинки, включил ее, чувствуя, как холодеет тело, как приятно пустеет голова и как спокойно бьется сердце, отпуская тревогу. Положил пальцы на запястье, улыбнулся сам себе: мертвец мертвецом. Но нужно спешить, а то с минуты на минуты он и вправду окоченеет, как настоящий труп. Если что, на Спэйс Нидл наверняка найдется хоть один толковый медик, который разберется, что к чему, и откачает коматозника.

Адам закрыл глаза и в темноте шагнул в гудящий портал,

исчезая во вспышке бело-голубого пламени.

Глава 8. Молчание. Часть 2

Он — ракушка. Безвольная ракушка, плывущая вместе с тремя другими ракушками по космосу навстречу своим улиткам. И… ему все равно, до лампочки, по барабану.

Собственное спокойствие медленно убивало Илона, словно коварный яд, растягивающий мучения. Он должен был лезть на стены, рвать и метать, грызть, кусаться и скалиться диким загнанным волком, которого посадили на привязь. А что творил на самом деле? Ничего. Обжирался до потери пульса в своей космической клетке, чувствуя, как каждый час, каждую минут утекают воспоминания о том, что случилось в Шэлл Сити. Белые стены… Голубой луч… Кибер… В голове была полная каша.

Лежа на койке, Илон поднял руки и посмотрел на красные от наручников запястья. Почему-то подумалось о вошидах, о наноидах… Какая между ними связь?.. И с чего вдруг он вообще об этом думает, когда его везут в один конец, чтобы натурально принести в жертву? А ему будто начхать. Он так быстро привык к тесным четырем стенам каюты, жестким наручникам, к неволе, к послушанию.

Четырем… Сознание опять зацепилось за обыкновенное слово и тут же сорвалось с него, словно юркая рыбка с крючка. Четыре? Что — «четыре»? Больше, чем три, но меньше, чем пять. Обычное, ничего не значившее число. В мозгах будто поставили клапан, пропускающий одни мысли и преграждающий путь другим. Кибер… Конечно, это был он. Иначе и быть не могло. Все спланировал, все рассчитал. С точностью до секунды.

В каюту вернулась Джу. Принесла на подносе новую порцию корма, молча поставила на откидной столик и прилегла на свою койку. Джу не любила молоть языком, это он заметил еще в первый день заточения. Слова не вытянешь. Не Мэй, совсем не Мэй. Но хорошенькая… И вроде даже не стервозная сука, в отличие от своей подруги, которая взглядом, наверное, могла заморозить кипяток. Хотя обе они заодно: два надзирателя. Его персональных надзирателя.

Илон сел на койке, настраиваясь на трапезу.

— Как Эдвард?

— Ему лучше.

— Мне разрешат его увидеть?

— Нет. Психолог считает, что это не пойдет ему на пользу.

— Что ж, возможно, так даже лучше.

Как ни печально было признавать, но он и в самом деле так думал. Потому что не представлял, что скажет Эдварду, если их

встреча вдруг состоится. Попросит прощения? Покается? Попытается объяснить, зачем играл с его судьбой, слепив из успешного фермера несчастного политика? Та еще будет беседа. И то еще утешение для шэлла, потерявшего всю семью.

От подноса пахло свежим хлебом и апельсинами. По вечерам тут давали бутеры и какой-нибудь напиток, и по обилию и сытности еды можно было прикинуть время дня. На двух ломтиках белого хлеба розовели тонкие куски ветчины, в кружке, очевидно, желтел апельсиновый сок.

Илон сделал глоток, покатав сладость во рту, и взял бутерброд с ветчиной.

— Ты совсем не боишься?

Джу подняла на него глаза — темные и раскосые, как у Мэй. Немного блестящие от света.

— Конечно, боюсь. И Сара тоже боится, просто не показывает. Она всегда была такой. Но, когда я думаю, что увижу совершенно другой мир… Я бы никогда себе не простила, если бы отказалась от такого шанса. По-моему, равноценный обмен.

— Ну не знаю.

— И тебе разве ни капли не любопытно?

— Нет, — хмуро и честно ответил Илон. — Я вырос в Гринвуде и уже видел совершенно другой мир, когда сбежал в Лост Арк. И он мне до сих пор нравится.

— Понимаю.

— Надо отдать должное киберу, он почти гениален. Каждый из нас либо лишился всего, либо не имел ничего. Вы с Сарой — одиноки. Ни семьи, ни родни. А мы с Эдвардом потеряли всех своих близких. Ты жаждешь новых знаний и открытий. Сара хочет обрести душу, потому что ее, видите ли, не устраивает оттиск. Эдвард, наверное, по-прежнему думает, что ему все это снится. Только я — слабое звено. Потому что мне нет никакого дела до спасения человечества. И шло бы оно к такой-то матери, если выторговывает себе покой ценою наших судеб.

— Обоснованные потери. Мне кажется, это было взвешенное и мудрое решение.

Илон решил не возражать и спросил:

— А ты их впускала в себя?

Джу покачала головой.

— Жаль, — вздохнул Илон. — Даже не представляю, как это будет.

— Сара говорит, что легче фьюжина.

Илон откусил бутерброд, корочка приятно захрустела между зубами.

— Хочешь — возьми второй, — предложил он с набитым

ртом. — Я не очень голоден. Просто пытаюсь объесть советников перед тем, как… Ну, что бы там ни случилось.

Джу улыбнулась, но к предложенному бутерброду не притронулась.

— Знаешь, у меня никогда не было знакомых митфанов, — сказала она.

Илон поперхнулся.

— Ну вообще-то я не митфан, если мы говорим обо мне.

— Но ты ведь спас Эдварда, — осторожно возразила она.

— Просто… ему столько пришлось пережить. Как, впрочем, и другими шэллам. И… Да какая теперь разница.

— Мне кажется, у тебя доброе сердце. Но ты почему-то хочешь казаться совсем другим.

— Все мы часто хотим казаться не теми, кем являемся.

— Удивительно, что тебе удалось ее разговорить, — проворчала вошедшая Сара. — Никогда не слышала, чтобы она так много и так долго болтала. Даже со мной.

Илон прожевал, хлебнул сок.

— Может, ты и не пыталась. Или задавала не те вопросы.

— А, может, ты заткнешься, — огрызнулась она. — Кто-нибудь хочет холодка?

— Уже пора? — спросила Джу.

— Да, стыковка через пятнадцать минут. Собирайтесь.

* * *

Опустошение… Вот что чувствовал Илон, когда перебирался из корабельного отсека на станцию. То ли по воле кибера, то ли от дозы дизэмпатика, то ли просто от безысходности страхи накопали в голове темных нор и попрятались в них, не показываясь наружу. Никакой паники перед неизведанным, перед опасностью, перед возможной болью и гибелью.

Во рту все еще держалась тонкая цитрусовая горчинка — сознание словно боялось отпускать знакомый и сладкий привкус человеческой трапезы, которая, скорее всего, была последней. Илон невольно усмехнулся, представляя, что едят улитки. Теперь пришельцев про себя он называл только так, потому что это делало их маленькими, неуклюжими, безобидными и жалкими.

Наручники с него так и не сняли. Да он и не просил. Пусть все видят, что хотя бы один человек из всей группы все еще борется за свою судьбу, за свою жизнь, за свое право на выбор. Эдвард выглядел очень уставшим и хмурым, а на него смотрел с нескрываемой ненавистью. Психолог или пьюр наверняка

наболтали ему всякого.

На борту Спэйс Нидл их торжественно встречали. Бритоголовый смуглый советник и штурмовики, много штурмовиков. Советник в узнаваемом темном костюме с лихо загнутым отворотом на пиджаке стоял в центре коридора, высоченный и плечистый, — горилла, блин. Штурмовики жались к стенам, затянутые в черную форму, — на вид неудобную, душную и жаркую.

Илон давно не слышал о них и даже не знал, что они все еще существуют. Преступность в городах стремилась к нулю, пьюры справлялись, войны не было и не предвиделось. Кому нужны безбашенные бойцы, которые сперва стреляют, а потом задают вопросы? Наверное, стерегли границы или типа того, подумал он и прикинул, скольких бы уложил, если бы не оковы, если бы не сломленная воля.

Советник, не говоря ни слова, подошел к ним и по очереди пожал руку Эдварду, Саре и Джу. А Илону просто положил свою громадную ладонь поверх наручников. Встреча проходила в траурном молчании. Все, кроме Илона, ожидали грядущего жертвоприношения с серьезным видом. А он презрительно ухмылялся. Очередная показуха, разыгранный спектакль, скроенный из лицемерия и масок. Как же он устал от всего этого фарса. Да и просто устал. Скорей бы вся эта комедия закончилась. Где там эти ваши улитки? Давайте их сюда немедленно!

Советник вдруг изменился в лице, словно получил неожиданный поджопник. Где-то в глубине станции взвыли сирены. Штурмовики начали переглядываться, но остались на месте, подпирая стены по обе стороны от советника. Сара обменивалась с ним встревоженным взглядом. Джу взволнованно глядела то на советника, то на Сару. Только Эдварду было все равно: он стоял неестественно выпрямившись и сосредоточенно смотрел в пустоту. Илону был знаком этот взгляд, его он часто видел в зеркале, после того как погибла Мэй.

— Хьюстон, у нас проблемы, — хрипло пробормотал Илон.

Шутку пришлось вымучивать, свежая доза дизэмпатика нещадно душила чувства.

— Что случилось? — спросила Джу.

— Ничего. Нас это не касается, — успокоила ее Сара. — Технические неполадки.

Лицо советника вернуло прежнее холодное спокойствие. Он повернулся и пошел между рядами штурмовиков.

— Илон, — Сара кивнула на советника, который медленно двигался по коридору.

— Мне и здесь хорошо.

— Не начинай, — она лениво направила на него слипер.

Илон театрально поднял руки и поплелся за советником.

— Эдвард, идем, — услышал он за спиной.

Потянулись тоскливые серые коридоры. Траурную процессию возглавлял советник, его лысая башка кофейного цвета блестела капельками пота и высоко, словно буй, вздымалась над всеми. По бокам от него шагали два штурмовика, остальные бойцы замыкали строй. Илон плелся в трех шагах от советника, рядом с Джу, Сара держалась чуть позади вместе с Эдвардом.

Илон смотрел в спину советнику, ловил взглядом словно полированный до блеска череп, и думал, что если бы не провалил тест, то сейчас мог бы оказаться на его месте. А еще он думал о Мэй, о том, что так и не сказал, кто расправился со Скаром. Все было так сложно, так запутанно, так нереально. Уставшие ракушки ползли к своим улиткам, а не наоборот. Парадокс, сплошной парадокс.

Было темновато. Та часть станции, где они шли, выглядела очень старой и мрачной. Казалось, она соткана из скрипов увядших домов и ворчания древних моторов. Шум далекого прошлого порхал, вздымался и опадал, словно стая мелких птиц. Ребенком Илон мечтал очутиться здесь, как и возле купола. Но теперь понял, что совершенно зря. С тем же успехом можно было полазить по старой барже, ржавеющей на причале.

Советник поднял ладонь, и шествие резко остановилось. В месте, где пересекались два совершенно непримечательных коридора. Илон выглянул из-за спины советника, желая наконец-то узреть улиток. Но вместо них увидел белые халаты, катящие тележку с трупом, накрым простыней.

Вдруг из-под нее выскочила костлявая и… иссохшая рука — качнулась, оборвалась и шлепнулась перед ногами советника, переломившись от падения в трех местах. Джу тихо охнула, штурмовики зашептались.

Халаты спешно собрали высушенную конечность, затолкали ошметки под простыню и как ни в чем не бывало покатили таинственный труп дальше, оставив после себя лишь взволнованный шепот штурмовиков.

— Технические неполадки, — сказал Илон с легкой усмешкой, когда процессия вновь двинулась по коридору. — Нам только что дорогу переехал труп. Довольно странный, надо признать.

— Ничего в нем странного нет, — спокойно произнесла Сара. — Просто кто-то решил прыгнуть в портал. Я уже видела подобное тело в институте транспорта и коммуникаций.

Сара была непробиваема, как выступающая броня на груди

штурмовиков, и Илон нехотя, но признал, что желал бы видеть именно такого пьюра в ту злополучную ночь. Он почему-то был уверен, что она довела бы дело до конца. Казалось, Сара не боится ничего и никого. Неудивительно, что Совет так легко одобрил ее кандидатуру.

Они блуждали еще минут десять — в угасающем шепоте, слушая нестройную симфонию десятков топающих ног. А потом остановились возле широких ворот.

Советник повернулся и окинул их внимательным взглядом, будто заботливый командир, осматривающий бойцов перед боем. После чего шагнул к Саре и положил ей по-дружески руку на плечо, а затем крепко обнял, что-то шепнув на ухо. Он обнял и Джу, а Эдварду и Илону просто покивал с сочувствием.

Инфомагия кибера, припудренная холодком пьюра, сделала свое темное дело. Страха не было. Он исчез, растворился, улетучился. Его словно вырвали с корнем, как гнилой зуб. Илон силился испугаться, искал хоть бусинку паники в пучине сознания. Но лишь натыкался на смирение и невозмутимость. Ни унции тревоги. Не голова, а выстуженная бездна.

Илон покосился на остальных шэллов. Лишь Джу выглядела слегка взволнованной, переминаясь с ноги на ногу. Эдвард и Сара спокойно глазели на ворота отсека, будто на двери любимого супермаркета, который открывался с минуты на минуту.

Когда створки разошлись, Сара указала ему следовать первым и наконец-то распрощалась со своим слипером, вручив его хмурому советнику. Один из штурмовиков взял Илона под руку и подтолкнул в сторону пустующего отсека. Илон извернулся и вошел в него сам, укоряя себя за безропотную покорность и понимая, что это глупо. Следом за ним вошли Эдвард и Джу, Сара была последней.

Отсек был просторен и пуст — огромный серый саркофаг, куда зачем-то повесили широкий экран, показывающий звездное небо.

Илон остановился в центре помещения, чувствуя на себе взгляд, и вдруг услышал торопливые шаги. Резко обернулся на их звук, встречая разъяренного Эдварда. Опасность! — знакомо шепнул темный попутчик. Но Илон пренебрег его предупреждением и даже не пытался увернуться от тарана.

Эдвард налетел на него, как бешеный бык, сбивая с ног и наваливаясь сверху. Илон крякнул под грузом шэлла, продолжая игнорировать настойчивые советы уклоняться и защищаться.

Хрясь! Огромный кулак заехал прямо в челюсть, и из глаз брызнули искры. Второй удар — слабее первого, но по губам. А потом третий — самый гадкий, вышибающий кровь из носа. Илон

невольно проскулил от боли, все еще прогоняя мысли спихнуть с себя Эдварда. И даже когда тот принялся его душить, ни разу не дернулся.

Послышалась возня: Сара и Джу попытались оторвать взбешенного шэлла. Получилось не сразу, и Эдвард успел нанести еще один удар, но Илон его почти не ощутил, потому что лицо и так полыхало болью.

Металлический привкус во рту — давно забытый, со времен драчливого детства в Гринвуде. Струйки, текущие из расквашенного носа. Разбитые, саднящие губы. Ноющие зубы. Он это заслужил. Илон лежал почти не двигаясь, ловил взглядом угасающие искры под серым потолком и улыбался, слизывая кровь с пульсирующих губ. Сара ошиблась с дозой холодка, как когда-то ошибся и он сам со снотворным. Эдвард мужик здоровый и…. сильный, так просто не свалишь. В голове вон до сих пор шумит.

Над ним склонилась Джу, которую он на мгновение опять принял за Мэй. То же лицо, те же формы, только нет приятных ямочек на щеках. Мэй… Кто теперь навестит ее в цифратории? Кто расскажет ей, куда делся ее ненаглядный Илон? Кто…

Джу протянула ему руку. Но Илон, продолжая блаженно лежать, словно раны доставляли ему внеземное удовольствие, лишь улыбнулся и спросил:

— Как думаешь, они чувствуют боль?

Джу с недоумением уставилась на него, ее раскосые глаза забегали, однако через несколько секунд взгляд прояснился.

— Не знаю, наверное.

Твердый пол приятно остужал горячую голову. Рука Джу все еще терпеливо висела над ним, предлагая помощь. Краем глаза Илон видел на экране россыпь звезд. Саре, похоже, удалось усмирить Эдварда, и в отсеке повисла тишина.

— Надеюсь, что чувствуют, — ухватившись за дружественную ладонь, сказал он.

Илон приподнялся и сел на колени, с подбородка сорвались несколько капель и шлепнулись на пол, растекаясь красными пятнами. Он сплюнул кровь, выдернул край футболки и вытер им мокрое лицо. Больше всего в схватке пострадал нос, который сейчас не стихая и противно ныл. Илон осторожно пощупал его кончиками пальцев: вроде не сломан.

— Еще немного осталось, на левой щеке, — указала Джу.

Илон махнул наручниками и посмотрел на Сару, которая заслоняла собой беглого шэлла.

— Эдвард, прости, — проговорил Илон. — Я сам хотел тебе все объяснить, но меня к тебе не пускали. Когда в следующий раз

ты захочешь со мной поквитаться, просто скажи. Я не буду сопротивляться. Я понимаю…

— Никакого следующего раза не будет! — рявкнула Сара.

Илон прищурил один глаз, выставил в ее сторону указательный палец и покачал им.

— А он все-таки тебя обдурил. Жаль, что не довел дело до конца.

Экран ожил. Черное полотно, облепленное тусклыми звездами, поплыло, как воздух над нагретыми камнями. Огромный корабль, напоминающий кашалота, начал проступать, прожигая ярко-солнечным корпусом само пространство. Он не прилетел, а именно проступил в вакууме — проявился, словно изображение на старых фотографиях. Или невидимка, на которого опрокинули ведро оранжевой краски.

Илон поднялся, сам не зная зачем. Вновь сплюнул сгусток крови, отер вспухшие губы, размазав кровь по тыльной стороне ладони, и уставился в экран.

Здоровенный космический кашалот мандаринового цвета. Судно, казалось, раскаленным куском металла. Искрилось и сияло, моментами ослепляя наружные камеры Спэйс Нидл. Сара взяла Эдварда за руку, а Джу — Илона. Он не стал ее отвергать, чувствуя чужой страх, пробирающийся даже сквозь пелену дизэмпатика.

Четверо улиток появились разом — просто выпорхнули из корабля в открытый космос, овитые рыжеватой дымкой. Пара рук, пара ног, голова на длинной шее. Они походили на людей. Они походили на людей, которых будто породило и вскормило само солнце.

Джу крепче сжала его ладонь, когда улитки, угасая, словно остывающие угли, легко миновали стену Спэйс Нидл, не оставив никаких следов. Преграда, пропуская их, не оплавилась, не изогнулась, не покрылась черными пятнами — с ней не случилось ровным счетом ничего. Улитки просто прошли сквозь стену, словно призраки, и тихо, бесшумно поплыли навстречу к своим покорным ракушкам, продолжая… остывать.

Илон ясно видел черты их лиц, резкие скулы и впавшие щеки, рты и глаза — почти человеческие. Почти… Он невольно вспомнил про изверга Дэна и подумал, что тот бы умер от счастья при виде этих существ, словно порожденных стихией огня.

Улитки остывали, тускнели, сбрасывая с себя языки пламени, словно осенние листья. Теперь они походили на огромные леденцы — прозрачные, гладкие, цвета нуги.

Они замерли разом и поклонились.

— Не бойся, — услышал Илон голос Сары.

— Не бойся, — сказал и он, когда их с Джу обняло пламя.

Жар. Неистовый, нестерпимый, запредельный жар. Прожигающий все тело. Перед глазами красно-желтое марево, где бешено пляшут знакомые планеты внутри огромного пузыря. И что-то странное происходит в груди, повсюду, в каждой клетке — словно кто-то скребет ложкой под кожей, зачем-то снимая мышцы с костей, а затем лепит и лепит нечто незнакомое, инородное и чуждое, напоминающее густой мед или горячий шоколад.

Илон потерялся в пламени. Оно поглотило его. Он больше не чувствовал ладони Джу, ощущая лишь дикий жар и едва уловимое движение. Как если бы бродил в полусне или в бреду. Жар пробрался не только в плоть, но и в память, в мысли.

Где он сейчас? Жив или мертв? Кого в нем осталось больше — себя или огненной улитки? А если вдруг остаток жизни ему придется провести вот так — за стеной пламени, повиснув между сном и явью, внутри раскаленной добела плазмы, то это будет сущий ад. Лучше бы его «я» стерли совсем, как кривую линию на листе бумаге…

Огонь на мгновение обнажил край сознания, словно утратив бдительность, и тут же обратил его в пепел. Казалось, теперь навсегда.

Глава 8. Молчание. Часть 3

Цвет мира — золотисто-оранжевый. Цвет застывшего пламени.

Илон глубоко вдохнул, словно всплывая со дна глубокого озера, где пришлось надолго задерживать дыхание, и поежился от легкого озноба. После изнурительных мытарств в огненном котле на новом месте вдруг сделалось зябко. Зябко и… свободно. Он пошевелил руками и понял, что их больше не держат наручники. Над головой висел багряный купольный потолок, где мерцали желтые круги, большие и мелкие, один в другом, соединенные в восьмерки и в вычурные фигуры, напоминающие цветочные венчики.

Рядом что-то шевельнулось, шумно вздохнуло, и Илон повернул голову на звук. Это была Джу. Она лежала в паре шагов от него, выбравшись из своего огненного озера лишь на несколько секунд позже.

— Ты меня помнишь? — спросил он.

Джу приподнялась на локтях и кивнула, бросая изумленный взор по сторонам. Илон заметил, что от каждого ее движения пол, выглядевший так же, как и потолок, как и стены, слегка вздрагивал, ненадолго покрываясь золотистой вязью. Тончайшая паутинка разбегалась, словно живая, и быстро гасла.

Таким было их волнительное пробуждение после побега из пылающей бездны. Они очнулись, ощущая себя сами собой, удивленные и невредимые, принимая судьбу такой, какая она есть.

Илон пощупал губы, потом нос. С лица немного спала боль, но тюбик с хэлсидами сейчас бы точно не помешал.

Он поднялся, окинул взглядом чрево золотисто-оранжевого корабля. Места было много, но ни интерфейса, никакого намека на приборную панель отыскать так и не удалось. Сара и Эдвард тоже пробудились в хвосте, шаря чумными глазами по диковинным стенам.

— Эдвард, ты все еще хочешь меня задушить? — спросил Илон.

Шэлл злобно молчал, надувшись, как пузырь.

— Чудно, — удовлетворенно произнес Илон. — Значит, ты — это ты. А я — это я. Сара, — он поболтал свободными руками. — Спасибо, что наконец-то их сняла.

— С чего ты взял, что это была я, — недовольно пробурчала она. — И даже если это была я, то совершенно не помню, чтобы тебя освобождала.

— Что ж, похоже, Сара — тоже Сара, — заключил Илон со вздохом.

Ему захотелось пить. Он, сам не ведая почему, шагнул к стенке и коснулся символа, который напоминал песочные часы, заключенные в круг. Часть поверхности справа от знака просела, освобождая сферический сосуд размером с яблоко, куда сверху уже лилась влага. Это походило на эффект от боевых стимуляторов. Только никто ему ничего не шептал. Он просто знал, где найти воду и что нажать, чтобы ее получить. Словно родился с этими знаниями или получил их очень давно.

Илон достал красный бокал. Тот оказался тонким, невесомым, будто был создан из бутона розы. Илон поводил над ним носом и опустил в него кончик языка. Вода как вода — прозрачная, свежая и прохладная. Он сделал осторожный глоток и, не обнаружив угрозы, опустошил весь бокал.

Эй, Ма. Ты здесь? Проснись! Отзовись!

Да, Илон?

Ты — жива! Жива!

Он был ужасно рад вновь услышать ее знакомый голос с легким металлическим отзвуком — голос прежнего мира, где были не только боль, унижения и страдания, но и счастье, простое человеческое счастье. Нежные ласки Мэй, чарующий запах крепкого утреннего кофе и веселый живой смайлик на футболке.

Хочу уточнить, что выражение «жива» применять по отношению ко мне некорректно, так как я могу лишь выйти из строя, но не умереть.

Как же я скучал по твоему занудству!

Также хочу сообщить, что не могу установить соединение с нейросом.

Не переживай. Мы с тобой в глубоком космосе. В очень глубоком.

И куда мы следуем?

Сам пока не знаю.

А действительно, куда? Илон заглянул в щель иллюминатора: среди звезд длинным серым ожерельем болтались астероиды. Единственный иллюминатор был длинным, но узким — прозрачная полоска, глубоко утопленная в нос корабля.

Рядом встала Сара, Илон добродушно протянул ей бокал, и она тоже набрала воды. Пьюр выглядела утомленной и сейчас лишь отдаленно напоминала супругу Эдварда; на фоне ярких, красно-желтых стен лицо ее казалось белее мела; тусклые прищуренные глаза смотрели в иллюминатор. Илон заметил, как мелко подрагивает ее ладонь. Посмотрел на свою и, убедившись,

что ее не трясет, спросил:

— Тебе плохо?

Невинный вопрос по какой-то необъяснимой причине задел Сару, и ее взгляд вдруг сверкнул так враждебно, что Илон поклялся больше никогда не интересоваться самочувствием пьюра. Правда, он тоже был хорош: они только что пережили инопланетный фьюжин, а, как ни крути, ритуал в отсеке напоминал именно его, и теперь на автопилоте неслись на чужом корабле неизвестно куда и зачем. Поэтому вопрос, надо признать, был не очень уместным.

— Как думаешь, где мы?

— Пояс Койпера, — предположила Сара.

— Фига себе…

Кончиком пальца Илон вывел на поверхности стены сердечко, от которого во все стороны разбежались мелкие желтые кружочки. Он дождался, пока Сара утолит жажду, и снова спросил.

— Когда произошел первый контакт, они тоже молчали, как сейчас?

— Нет. Все было иначе. Они показали мне, чего хотят и что произойдет, если мы не выполним условия. Предъявили ультиматум и исчезли.

— Вы тоже их не слышите?

— Ничего я не слышу, — пробубнил Эдвард и, приблизившись, прилип к узкой полоске иллюминатора. — Милосердная Шэлла, камни летают прямо по небу! — обалдел он, крепко сжимая треугольник медной подвески на груди.

От старых привычек было сложно отказаться, даже после четкого понимания того, что никакой богини Шэллы нет и никогда не было.

— Это астероиды, — пояснила Сара.

Взгляд Эдварда сполз с иллюминатора на стену, где под крепкой ладонью распускалось золотистое кружево. Илон примерил на себя лик беглого шэлла и подумал, как от такого доселе невиданного чуда, наверное, взрывается мозг. Просто громыхает, словно праздничный салют. Эдвард выглядел обеспокоенным, но больше не излучал угрозу. Держался стойко, несмотря ни на что.

Подошла Джу, взяла пустой бокал. Она выглядела свежее остальных, словно летала на подобных кашалотах каждый день. Очевидно, оставила все страхи и переживания там, в отсеке Спэйс Нидл, подумал Илон.

— Какой легкий, — подивилась Джу, держа инопланетный сосуд на ладони.

— С тобой они тоже не говорят? — поинтересовался Илон.

Джу покачала головой, наполняя бокал. Все четверо стояли и молча глазели, как за бортом среди россыпи звезд перекатываются огромные серые астероиды. И как корабль ловко огибает их, следуя одной лишь ему известной тропой. Было тихо, прохладно и спокойно. Только Илон не находил себе места. Он не мог объяснить нахлынувшую тревогу. Многое не давало ему покоя, вызывая любопытство и настороженность. Причуда на причуде. Какие-то улиточные заморочки, непостижимые человеческим разумом. Теряясь в догадках, он бездумно начертил на стене неприличное слово, наблюдая, как из-под пальца разбегаются мелкие золотистые символы, словно желтые букашки.

— Но ведь мы все знаем, где на этой посудине найти воду и куда ткнуть, чтобы она потекла, — сказал Илон, нарушая тишину. — То есть мы получили какие-то знания, как от приема инжекторов. Разве это не странно? Понимаю, что мне стоит радоваться, что мою личность не заместила огненная инопланетная улитка…

— Улитка? — Сара впервые на его памяти улыбнулась, пусть и устало, но зато искренне. — А-а, поняла.

— В чем тогда смысл? — спросил Илон. — Ведь мы прежние. По крайней мере, я — точно прежний. Знаете, что я думаю…

— Смотрите, там что-то желтеет, — сообщил глазастый Эдвард, завороженный плывущими астероидами.

Все разом прильнули к иллюминатору, словно очарованная малышня к окну, за которым звенели бубенцы упряжки Санты. Илон чувствовал, как над ухом мерно, словно в безмятежном сне, дышит Джу. И ясно видел, как снаружи разгорается желтое сияние, куда со всех сил рвался космический кашалот, слопавший четырех шэллов: пьюра из Лост Арка, антрополога со Спэйс Нидл, политика из Шэлл Сити и хаосмастера из Цитадели.

— Возможно, наше путешествие еще не закончилось, — резюмировала Сара. — И скоро мы все узнаем.

Это был портал или тоннель, откуда сочился девственно-желтый слепящий свет. Будто огромное круглое зеркало, подвешенное посреди черного космоса, пускало солнечных зайчиков, преломляя самые жгучие и яркие лучи.

Через несколько секунд корабль нырнул в золотисто-желтое море, и Илон прикрыл глаза, даже сквозь смеженные веки ощущая напористый поток зверского света.

* * *

Почему улитки молчали? Почему? Почему? Почему?

Они оказались в глухой небольшой комнате или… квадратном контейнере со сглаженными углами. Цвет мира остался прежним — вычурным, неприятно ярким, глянцевым, оранжево-золотистым. Но форма изменилась. Корабль словно растаял, незаметно и тихо, бережно высадив пассажиров в комнате без окон и дверей. И на стенах, и на полу, и на потолке сверкали уже знакомые круги. У Илона даже мелькнула дурацкая мысль, что космический кашалот был одноразовым и, завершив свой долгий полет, бесследно растворился, как пустой тюбик с наноидами…

Это началось спустя пару минут после прибытия. Внезапно, без боли, под удивленно-испуганные ахи и вздохи. Илон стоял посреди оранжевой комнаты и смотрел, как с его поднятых на уровень глаз рук, с ладоней, с каждого пальца слетают темные мелкие чешуйки и сочится угольно-черная пыль. То же самое происходило и с другими шэллами. С их оголенных рук, изумленных лиц, из-под одежды ползли черные, словно тонкие щупальца, ручейки чешуек и пыли. Джу побледнела, Сара замерла, Эдвард пытался сбить с себя зловещую гарь.

Илон стянул футболку и увидел, как вся его грудь, его живот, его плечи будто исходят хмурым дымом, который растекается по комнате, заполняя ее от пола до потолка. Зрелище было жутким, кошмарным, диким и непостижимым. Однако, как ни странно, все еще безболезненным. Слетающая, выступающая из пор сажа не оставляла ни ожогов, ни царапин. Казалось, черные мелкие чешуйки как будто плывут в ином измерении, не трогая своих носителей.

Но это было только начало. Когда последние чешуйки взметнулись в воздух, Илон услышал тихое шипение и заметил, как зловещая копоть разъедает, словно кислота, стены, потолок и пол, прорываясь наружу.

Илон переглянулся и с Сарой, и с Джу, и с Эдвардом. Все боялись шелохнуться, столбенея при виде того, как таинственная копоть, не причинившая им никакого вреда, безжалостно вгрызается в оранжевые стены глубже и глубже.

Первая дыра размером с кулак вспыхнула под потолком, вторая, чуть больше, в полу, у самых ног Эдварда, а третья — самая огромная, в стене напротив Илона — там, где висела самая грозная туча.

Тьма стремительно вытекла через проделанные прорехи и дыры. Но едва она ускользнула из оранжевой западни, как до Илона донесся первый испуганный вскрик. И понеслось!

Шум встревоженных голосов и обрывки слов. Где-то далеко

что-то звякнуло, разбилось, громыхнуло. Стоны, вопли, визги. Мужские, женские, детские. Кричали громко и жалобно, всеобщий ор ввинчивался в стены, прошивал их насквозь и несся, подобном урагану. Режущие уши звуки — звуки бедствия, — катастрофы заполонили комнату, как только что ее заполоняла непознанная копоть.

А потом все стихло. И это была жуткая тишина. Потому что в ней все еще звенели жалобные крики и мучительные стоны. Потому что в ней пахло болью и… смертью.

— Ты знала об этом? — спросил Илон.

— Нет. С ума сошел! — оскорбилась пьюр.

Он заглянул ей в глаза и увидел лишь застывший ужас, потрясение и полную растерянность. Похоже, Сара и вправду не ведала ни сном, ни духом о том, что только что произошло. Ну… или была искусной актрисой.

Сара окинула всех взглядом и покосилась на дыру в стене.

— Пожалуй, я смогу там пролезть, — с превосходством заявила она.

— Что это было? — спросил Эдвард, наблюдая, как Сара пыхтит, пытаясь пролезть сквозь пролом.

— Думаешь, мы знаем, — ответил Илон.

Но Эдвард ему не поверил и вопросительно посмотрел на Джу.

— Мы правда не понимаем, откуда это…

— Какой же поганый, мерзкий и отвратительный у вас мир, — в сердцах произнес Эдвард. — Вот в Шэлл Сити… — он разочарованно махнул рукой.

Пока Сара, с трудом протискиваясь сквозь дыру, забавно качала ногами в воздухе, Илон напялил футболку на взмокшее от впечатлений тело. Он был потрясен. Эдвард был потрясен, Джу была потрясена. Все были потрясены, но никто до сих пор не знал, что на самом деле произошло. Откуда взялась тьма? И почему, едва вырвавшись на волю, набросилась на чужой мир, словно смертельный вирус? И кто его незаметно подселил в четверку шэллов?

Сара наконец-то пролезла, явно польстив своей стройности, и глухо шлепнулась с той стороны дыры. Крепко выругалась и вдруг замолкла. Илон с беспокойством подошел к стене, осторожно заглядывая в дыру.

— Сейчас. Секунду, — подала голос пьюр.

В сторону поехала продырявленная дверь, открывая для обзора просторный коридор с высокими сводчатыми потолком — красиво, но непрактично. Казалось, они очутились в каком-то дворце или вроде того.

Илон вышел первым и сразу наткнулся на изувеченное тело. Несмотря на страшные раны, можно было понять, что перед ним лежит бездыханная женщина, одетая в бледно-розовую тунику, стянутую желтым поясом. Часть лица будто выгорела, в груди зияла опаленная прореха, сквозь которую можно было видеть красный блестящий пол, от правой руки до локтя осталась лишь обглоданная кость. Безволосая женщина, застывшая в коридоре, выглядела человеком. У нее не было ничего общего с улитками. На уцелевшей щеке проступал имплант — аккуратный канал, изогнутый в одном месте и словно залитый золотом.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — проговорила Джу.

И ее стошнило.

— Это мы ее убили? — спросил Эдвард.

— Нет! — твердо сказала Сара. — Запомни, мы тут совершенно ни при чем. Их убила эта черная дрянь.

— Их? — переспросил Эдвард.

Илон бросил взгляд вдоль коридора: там лежал еще один труп — высокого мужчины в ярко-красных лохмотьях не то халата, не то платья. Тьма выжгла ему глаза и живот. Илона тоже начало мутить, когда совсем рядом что-то бухнуло, и по стенам пробежал дрожь.

Ничего не говоря, Сара пошла в сторону второго трупа — в конец коридора, где поблескивало широкое окно, за которым простиралось голубое небо. Илон побрел следом, стараясь не заглядывать в открытые комнаты. Взгляд ловил знакомые символы, отпирающие и запирающие двери. Похожие на те, что сверкали внутри космического кашалота.

— То, что с нами случилось на Спэйс Нидл, походило на фьюжин, — он с трудом подавил подступившую тошноту. — А что, если улитки не знали про предел. Про то, что пассажир может сидеть в теле шэлла лишь ограниченно короткое время. И, возможно, мы их… ну, поглотили.

— Интересная версия. Но где их души сейчас? Ты видишь хоть одну? Я — нет. Если бы они могли легко оставлять тела, то что им мешало…

Сара не закончила — не то потеряла мысль, не то не могла ее выразить.

— Что ты хочешь сказать? — не понял Илон.

— Да не знаю я! — раздраженно бросила она и, смягчившись, добавила: — Просто наблюдение.

Они добрались до балкона. Сара положила пальцы на выступающий золоченый символ, чтобы открыть окно. Створки разошлись, и в коридор задул ветер, несущий грохот, скрежет и лязг. Несущий страшную панику. Илон ощутил прикосновение:

Джу, как тогда, на станции, сжала его ладонь.

Все четверо безмолвно смотрели на золочено-красный город, где бушевал разросшийся свирепый черный рой. Тьма заслоняла небо. Стелилась по улицам, будто черный туман, пришедший из самой преисподней. Вгрызалась в высокие, как в Лост Арке, дома. И убивала, крушила, пожирала, стирая целый мир.

Город, затопленный чернотой, умирал. Сейчас, в эти самые страшные минуты. Прямо на их глазах. И они ничего не могли с этим поделать. Только наблюдать с высоты, как расползается мрак. Как в его ненасытном брюхе перемалывается цивилизация.

— И что мы будем делать? — вдруг спросила Джу.

— Жить. Просто жить, — ответила Сара. — Теперь это наш новый дом.

Они еще долго стояли на балконе и молчали в оцепенении, обдуваемые ветром чужого гибнущего мира и крепко взявшись за руки.